

МАРГО
ЛАВАНДА

В
ДОЖДЕ

Карим Абашев — властный олигарх, который обвиняет моего брата в серьезном преступлении. Чтобы помочь родному человеку, я должна добраться до неприступного и холодного богача, умолять его о пощаде. Мы были знакомы и раньше. Я даже думала, что влюблена в этого мужчину. Считала его другим. Благородным и понимающим. Но жестоко ошиблась. Карим из тех, кто умеет только покупать, отрицая настоящие чувства. Он не верит в любовь. Тем не менее, предлагает мне сыграть для него роль невесты.

Самая сложная миссия в моей жизни. Между страстью и ненавистью. Любовью и пороком. По тонкому канату недоверия и цинизма. Чем закончится наше противостояние?

Невеста в долг
Марго Лаванда

Глава 1

Кажется, сегодня самый холодный день в этом году. Промозглый, ветреный. Кутаюсь в старенькое пальто, которое совсем не подходит для такой температуры. Почти минус пятнадцать, для нашего южного местечка — невыносимый холод. И в то же время вокруг невероятная красота, скалистый берег покрыт пушистыми белыми шапками снега. Вдалеке высокий кованый забор — самый дорогой особняк на окраине поселка. Туда я и направляюсь, почти выбившись из сил.

Есть более удобная дорога, вымощенная плиткой, но через главные ворота меня не пустила охрана.

— Хозяин никого не желает видеть, отдыхает. Иди отсюда. Запись на прием ведет его помощница. Вот, держи визитку, — максимум, чего я добилась от охранников.

Этот вариант мне не подходит. Я должна пробиться к Кариму Абашеву. Должна, чтобы спасти своего брата.

Эту лазейку возле скалы мне еще полгода назад показали друзья, когда мы гуляли неподалеку. Один из парней предложил «полюбоваться» на самое богатое имение. Не смогли удержаться от любопытства, хоть и было страшно. Охрана здесь серьезная, шутить не любит.

Сломанные доски на том же месте. Сюда, видимо, никто не заглядывает. Потому что путь преграждают густые заросли малинника и елей. Пробираюсь через них, одежда цепляется, я вся в иголках. Оказываюсь на заднем дворе двухэтажного дома. Это явно не особняк, скорее, хозяйственные постройки.

— Ты кто такая? — окликает женский голос. — А ну стой! — пресекает мою попытку к бегству.

Время позднее, почти стемнело. Я рассчитывала на удачу, но, видимо, зря.

— Репортерша опять? Да что вам нейдет!

Одета просто, на голове платок повязан, серая куртка до колен, варежки, в руках стопка какой-то одежды. Выглядит очень просто, как жительница близлежащей деревни.

— Нет! Я никакого отношения не имею к газетам!

— Тогда кто такая? — хмуро оглядывает меня женщина.

— Помогите мне, пожалуйста, — всхлипываю. — Не нужно звать охрану.

— Так зачем пробралась сюда? Да еще рисковала так, по склону! Шею свернуть захотела? Дурочка. Вот же долбанутые девки пошли. Не понимают, что мужик с такими деньгами, только как на игрушек на вас смотрит. Так нет же, все мечтают. Эх, непутевые.

— Умоляю вас, мне нужно увидеть Карима Исхановича.

— Хм, даже отчество знаешь. Только не говори, что беременна от него, — качает головой, оглядывая мою худую фигуру. Хмурится.

Эту ложь выдавить из себя безумно трудно, но шестым чувством угадываю, что это как раз та причина, за которую можно уцепиться. Тогда женщина поможет. Ее взгляд уже смягчается, становится сочувственным.

Я не говорю ни да ни нет. Кусаю губы. Но и не отрицаю, так что это все равно ложь, которая ударит по карме, в которую безусловно верю.

Неважно. Я готова на все ради спасения Артёма. Он не заслуживает быть в тюрьме! Он там погибнет!

— Ох, ну как же тебя так угораздило, — качает головой женщина. — Ты же не веришь, что хозяин раз и женится? Не из таких он. Я бы, если честно, мужа с таким характером никому не пожелала. Ох, сколько же он девок перепортил.

Меня начинает подташнивать от этих слов. Напоминаю себе, что я не вхожу в число фанаток Карима Абашева, и тут же к щекам приливает жар.

«Лгунья», — шепчет внутренний голос.

— Я ни на что не рассчитываю. Мне бы только на пару слов... — отвечаю глухо.

Не так представляла себе эту встречу. Мокрая от снега, вспотевшая от крутого подъема в гору, лицо горит, наверняка красное. Мне совсем не хочется так выглядеть перед Абашевым, но ничего не поделаешь.

— Ладно, иди за мной, горе луковое. Благо хозяек нет сейчас в доме, укатили на теплые моря. Что делать, сердце у меня не каменное.

Поверить не могу в свою удачу!

Следую за женщиной по вымощенным дорогой каменной плиткой дорожкам. Заворачиваем за угол, и перед нами предстает внушительное трехэтажное строение, отделанное желтым камнем. Роскошный и неприступный замок, о котором постоянно ходят слухи и сплетни в нашем небогатом поселке.

— Если другие спросят, скажи, что ко мне на собеседование. Валентина меня зовут. Я тут начальница, на кухне. Все на мне касается этой темы. Сейчас помощницу ищу, так что ничего не заподозрят. Ну а как к хозяину пройдешь, о моей помощи ни слова, конечно. Скажу, что обманула ты меня, соискательницей на должность прикинулась.

— Конечно, — киваю торопливо. — Спасибо вам огромное.

— Да ну тебя, — отмахивается, всем своим видом показывая, какое имеет на мой счет мнение. Думает как о полной безнадее. Но я должна попробовать! Если понадобится, готова и полемойкой тут устроиться. Весь дом выдраить, лишь бы Абашев сменил гнев на милость...

Оказываемся на просторной светлой кухне. Тут очень уютно, умопомрачительно пахнет свежей выпечкой.

— Ты это, знаешь что, давай-ка чаю выпей. А я пока обстановку разведу. Выглядишь полумертвой от холода, такая бледная... Посмотрю, разведу, чем босс занят. Дома ли, он может за минуту уехать по делам. Такой резкий. Если спросит кто, ты же поняла что ответить?

— Поняла, киваю.

Милая женщина ставит передо мной большую кружку, наливает ароматный чай. Обхватываю ее замерзшими руками. Прикрываю глаза от наслаждения. Рядом появляется тарелка, наполненная длинными рулетиками, посыпанными сахарной пудрой. Рот наполняется слюной.

— Это бармак, с орехами. Хозяин очень любит.

— Спасибо, но не стоило.

— Попробуй. Может, ждать долго придется.

Проходит минут пятнадцать, а я все еще не сделала даже глотка из кружки. Не могу. Это дом нашего врага, получается. Не могу есть его пищу, принимать дары, пока брат в камере предварительного заключения. Он не заслужил такого! И отправил его туда именно Абашев! Тот самый, который ранее общался с братом очень дружелюбно, помогал галерее, в которой выставляли работы Артёма. Даже купил несколько его картин.

Когда за Артёмом приехали полицейские, я испытала дикий ужас. С ним обращались как с преступником. Подделка произведений искусства, афера с целью обогащения, обман и еще куча других обвинений.

Страх, паника, отчаяние. Наша семья и так настрадалась, а тут еще такое. Чем мы заслужили? За что?

Сначала было отчаяние, но потом взяла себя в руки. Моему младшему брату помочь некому, кроме меня. Хозяйка галереи, очень милая интеллигентная женщина, Ирма, в этой ситуации самоустранилась. Сказала, что в шоке от поступка Артёма. Сняла все его картины с продажи. Оставив тем самым нас без денег на адвокатов.

Оставалось только одно. Молить холодного и неприступного бизнесмена Абашева о пощаде. Наивно? Безумно? Возможно, я действительно сошла с ума. Но другого выхода не видела.

Глава 2

Мне почему-то очень жарко становится. Снимаю шапку, волосы рассыпаются по плечам. Я наверняка лохматая, приглаживаю как могу волосы руками. Щеки почему-то сильно горят. Примета такая, значит кто-то вспоминает. Брат. Наверное, думает обо мне. Ждет помощи. Ведь больше некому...

— Ты кто такая? Что здесь делаешь?

Оборачиваюсь. На пороге стоит молодая девушка, очень красивая, длинные черные волосы, чуть раскосые глаза. Одета в розовую рубашку и джинсы. Точно далеко от униформы прислуги. Тогда кто она? Подружка Абашева? По спине от этой мысли пробегает нервная дрожь.

— Добрый вечер. Я пришла к Валентине, — отвечаю вежливо.

— На собеседование? Чего тогда расселась? Работы в доме, думаешь, мало?

— Я жду Валентину.

Не понимаю, чем я так неприятна этой девице. Кто же она? Почему так грубо общается. Делаю глубокий вдох, собираюсь еще раз повторить то же самое, но меня спасает возвращение кухарки. Она буквально мой ангел хранитель!

— О, вот и ты. Чего тут знакомая твоя расселась?

— А тебе чего, Айгуль? Ты себя хозяйкой что ли возомнила? Интересные дела? Где твоя униформа? Раз хозяйева уехали, значит можно дурака валять?

— Я в город ездила, на собеседование! И вообще, тебя не касаются мои дела!

— Ну да, конечно. Мне и не интересны твои дела! Пусть Разия Маратовна с тобой разбирается! Ты главное к моим гостям не лезь.

— А чего ты своих гостей в чужой дом зовешь?

— Да тебя не спросила!

Девушка вылетает из кухни как пробка из бутылки, а я поеживаюсь.

— Вот ведь заноза в заднице! — сплевывает Валентина.

— Мне очень жаль, что я вам столько неудобств причинила, — вздыхаю.

— Ни при чем ты. Айгуль ужасно наглая. Всего пару месяцев тут, хозяйки с ней как с ребенком нянчатся. Обрадовались, потому что с их села родного приехала. Знакомая Нурии Айдаровны попросила об одолжении, дать работу дочке, пока та не устроится, в университет местный поступать решила. Вообще о столице грезит, но там нет никого из знакомых, побоялась мать отпускать ее туда. По мне и правильно, с таким то характером. А уж как на хозяйина зыркает! Прямо жрет глазами. Тьфу, сразу видно, непутевая. Видимо соперницу в тебе почувствовала.

— Я не...

Не успеваю договорить фразу, что меня не интересует Карим в этом плане. Валентина перебивает.

— Самый момент сейчас, хозяин в своем кабинете. Буквально только что от него друг вышел, один он теперь. Беги, раз поговорить надо. Слыхала что ужинать дома не планирует, уедет опять.

— Правда? Спасибо вам огромное! — вскакиваю.

— Ох, да ты горишь вся. Щеки так и пылают.

— Я согрелась, наверное, поэтому. Спасибо вам за все.

— Идем, покажу дорогу.

Вот я и на пороге кабинета Абашева. В воображении все казалось проще, сейчас же мне до ужаса страшно. Накатывает смущение, переживание, как выгляжу. Растрепанная, потная. Почему мне так жарко?

Чувствую себя чуть ли не нищенкой в этом роскошном доме. На самом деле я голову сломала, когда собиралась сюда. Пыталась решить, что надеть. На свидания в жизни так не собиралась. Хотя у меня и была-то всего пара свиданий. Боялась, что Карим подумает обо мне неправильно. Мысли скакали как блохи. Выбрала в итоге темно-серое прямое платье. Я его недавно купила, простое, но мне показалось очень красивым, стильным.

Мы с братом жили всегда бедно, но в последние годы смогли немного выбраться из нищеты. Как оказалось, счастье не могло быть долгим.

Колени дрожат, когда толкаю дверь, вхожу. Карим сидит за массивным письменным столом, что-то печатает на компьютере. Здесь пахнет богатством, властью. Вздрагиваю, не решаюсь ступить дальше, на светло-серый ковер. Валентина дала мне уютные мягкие домашние тапочки, но даже в них наступить на пушистое великолепие кажется кощунством.

— Здравствуйте, — произношу, набрав воздуха в легкие.

Карим поднимает взгляд на меня. На красивом мужественном лице мелькает удивление.

— Простите, что я без предварительной договоренности.

— Как ты сюда попала?

Пытаюсь понять, злится ли на меня. Конечно, раздражен.

— Это было непросто.

— Конкретнее?

— Я должна была поговорить с вами. Вы же меня помните? — злюсь на себя за то, что это прозвучало с такой надеждой.

Словно я только об этом и мечтала.

— Склерозом не страдаю, — усмехается Абашев. — Ты меня удивила. Софья, не так ли?

— Я пришла умолять вас о пощаде.

— На коленях? — выгибает бровь.

Этих слов не ожидала.

Теряюсь, сбиваюсь с мысли.

— Я умоляю вас пощадить моего брата...

— Интересно, это у вас семейная наглость? — жесткий тон хлещет по щекам, которые начинают пылать сильнее.

Абашев поднимается из своего кресла. Захлопывает крышку ноутбука.

Вздрагиваю, меня охватывает страх, сердце сжимается от дурного предчувствия.

Много раз я проигрывала в голове эту встречу, свои объяснения, аргументы и вот стою в полном ступоре.

Жесткий взгляд Абашева давит все сильнее, так что голова начинает кружиться. Мне всегда было неловко перед ним. Каждую встречу, их было несколько. Для меня этот мужчина всегда был слишком властным, слишком красивым. Сейчас он выглядит как никогда массивным и пугающим. Белая рубашка обтягивает широкие плечи, черные волосы небрежно растрепаны.

— Пожалуй, так и есть. Вы давно пытались урвать у меня кусок побольше. Твое семейство, похоже, ничем не гнушается. Даже тебя подложить под меня хотели. Жаль, тогда

я считал твоего брата чуть ли не своим другом. Иначе с удовольствием бы попользовался тобой. Ты для этого пришла?

Мужской взгляд скользит по мне расслабленно, нагло. У меня перехватывает дыхание, хочется поправить волосы, платье, обхватить себя руками, прикрыться. Но я не позволяю себе всего этого, стою прямо. Пусть оскорбляет. Только пусть поможет!

— Мой брат ни в чем не виноват. Его подставили, — произношу едва слышно. — Знаю, вам мое появление кажется ужасной наглостью. Я понимаю. Но и вы поймите. Я не могу поступить иначе. Ему не место в тюрьме! Вы же знаете, как он талантлив. Он все отработает, вернет вам. Как и я. Только дайте шанс, умоляю!

Абашев подходит ко мне. Высокий, тело атлета. Нависает, давит своим физическим превосходством. Чувствую себя песчинкой рядом с ним.

Продолжает внимательно меня разглядывать, при этом его лицо непроницаемо. Невозможно понять, услышал ли он меня, хоть крупицу моей боли. Возможно ли тронуть его душу? Раньше мне казалось, что да.

— Я умоляю вас о пощаде!

— Ты правда считаешь, что я такой идиот, что поверю? Думаешь, похлопаешь тут глазками и это все исправит? — произносит хрипло.

— Нет, я же сказала, мы заплатим.

— Твой брат испортил репутацию моей фирмы. Очень сильно. Он мошенник. Я не хочу ничего о нем слышать.

— Он ничего не делал!

— Хочешь взять его вину на себя? Или предложишь что-то интересное? Пожалуй. Я бы посмотрел на представление. Как насчет проползти по моему кабинету на коленях? Возможно, тогда я бы убедился в твоём раскаянии, — произносит низким грубым голосом.

Цепенею. Подобной жестокости я точно не ожидала.

Вспыхиваю, чувствую, как щеки горят уже нестерпимо. Кажется, у меня температура. Что за бред несет этот ненормальный?

Но, взглянув в черную огненную бездну глаз, вздрагиваю. словно под гипнозом, опускаюсь на колени. Меня охватывает чувство полной безнадежности.

— Хм, теперь стало интересно, — произносит Абашев обманчиво мягким тоном.

От паники перехватывает горло. Что же я наделала? Зачем пришла сюда?

— Значит, ты готова на все? — внезапно жесткие пальцы зарываются в мои волосы, грубо сгребают в их кулак.

— Посмотри на меня, — больно тянет, заставляя поднять голову, посмотреть ему в лицо. — Ты правда решила, что твоя милая мордашка и пухлые губки помогут забыть о паре миллионов долларов? Такого о себе мнения?

Меня душит стыд от его грубых намеков, трясет от страха. Как сильно ненавижу его в эту секунду! Чертов псих! Считает, что ему принадлежит весь мир, если у него есть деньги?

В то же время озвученная сумма пугает до коллик в животе.

— Пожалуйста, умоляю вас... Не надо... Отпустите!

Вместо этого Карим вдруг резко хватает меня за плечи, ставит на ноги и одновременно расстегивает молнию у меня на спине.

— Хочу рассмотреть товар поближе, — рычит, а меня захлестывает паника. Забываю, зачем я здесь, теперь на первом месте только инстинкт самосохранения! Как этот человек смеет так обращаться со мной? Трогать меня, срывать одежду... Он сам уголовник!

И я добровольно явилась в его лапы. В уголках глаз от бессилия выступают слезы. В самом жутком ночном кошмаре не могло привидеться.

— Это нападение, немедленно отпусти меня, мразь! — у меня начинается истерика. — Отпустите... — голос срывается на бессвязный шепот.

Меня колотит от озноба, липкий пот ползет по позвоночнику. Так страшно мне было лишь раз в жизни, когда еще маленькой была и поняла, что мамы больше нет.

— Да что ты? — насмешливо говорит Абашев. — Насколько неправильно?

— Я не проститутка... Я пришла поговорить...

— Разговорами не решить твою проблему. А вот иной способ расплаты уже не кажется мне неприемлемым.

Глава 3

Каким-то чудом мне удается отойти от Абашева. Трясущимися руками застегиваю молнию, поправляю платье. Меня продолжает трясти. Как далеко этот человек готов зайти в своем желании отомстить, унижить, растоптать меня? Он просто животное! Нужно как можно скорее покинуть это ужасное место.

Вот только он продолжает преграждать мне дорогу. Выглядит очень злым, раздраженным. Ему явно очень не понравился мой визит. Очень не хочется, чтобы и Валентине досталось.

— Я уйду, отпустите меня!

— Сначала расскажешь, как сюда попала.

— Сказала же, случайно! Этого больше не повторится. Я поняла, вам чуждо милосердие. Вы это показали более чем наглядно.

Надо как-то уговорить его отойти. Но мысли разбегаются. Невозможно сохранять хладнокровие в такой ситуации?

— Быстро сдаешься. Может не так сильно любишь брата?

— Вам нравится издеваться надо мной??

— Может я все же пойду тебе навстречу.

Жестокий. Подонок.

Удерживает, не применяя физической силы. Получает кайф от манипуляции.

Слежу за ним, опасаясь, что подойдет, но Абашев направляется к подносу на котором стоят несколько бутылок. Наливает себе виски.

— Составишь компанию? — берет второй бокал. Слежу за уверенными движениями, как наливает янтарный напиток. Крупные ладони, на широком запястье поблескивают массивные часы. Длинные пальцы. О чем я вообще думаю? Стыдливо отвожу взгляд.

— Нет, я не пью.

— Значит, не хочешь помочь брату, — заключает холодно.

Мерзавец! Надо сдержаться, не вступать в перепалку. Он меня скоро отпустит. Я ему не нужна тут. Он красив, богат, за ним бегают толпы женщин. Меня же ему просто приятно унижать.

Больно вспоминать, что еще совсем недавно я была влюблена в Карима. Втрескалась с первого взгляда, когда он приехал в галерею к брату. Однажды даже стала его спутницей на вечер. Правда он почти не замечал меня. Уделял внимание кому угодно, только не мне.

И все равно для меня тот вечер был настоящим балом для Золушки. Я увидела богатых людей, увидела мир совсем иным. Было безумно интересно. Конечно, нетрудно влюбиться в своего спутника, когда он похож на принца. Карим и сейчас очень красив, только повел себя настолько жестоко, что любовь сразу обратилась в ненависть!

Хватаю бокал с подноса, делаю глоток... Внутренности обжигает жидкий огонь. Закашливаюсь, на глазах выступают слезы. Кашель долгий, мучительный. Голова сильно кружится.

— Жалкий цыпленок, — фыркает Абашев.

Полосую его презрительным взглядом. Он в ответ смотрит на меня странно. Магнетический взгляд буквально поглощает. О да, против него я цыпленок. Перед огромным тигром. Невыносимо тяжелый взгляд, проникает под кожу. Это какое-то безумие. Мне

страшно, и в то же время не могу разорвать этот гипноз.

То ли из чувства противоречия, то ли чтобы наказать себя за чувства к этому мужчине, делаю еще глоток виски. Уже проще. Согреваюсь изнутри. Может теперь отстанет? Алкоголь бьет в голову, ноги подкашиваются.

— Мой брат вас уважал, очень. Он никогда бы не подставил, — произношу едва слышно.

Абашев не отвечает. Продолжает давить взглядом. На какую-то секунду мелькает безумная мысль, что он хочет меня поцеловать. Иначе зачем так жадно смотрит на мои губы?

Безумие... Между нами звенящее напряжение, в котором тону, захлебываюсь.

А потом оказываюсь в объятиях Карима. Когда-то я грезил о подобном. Сейчас я в ужасе. Это все равно что попасть в костер. Сильные руки стискивают мою талию. Твердые губы почти касаются моих губ...

Он все же продолжает торг? Мое тело в обмен на свободу брата? Меня ослепляет ярость.

Ненавижу!

Рука сама поднимается вверх, пощечина выходит оглушительной.

Всхлипываю, из глаз брызжут слезы. О чудо, он не останавливает меня. Его больше интересует виски!

Выскакиваю из кабинета, несусь по коридорам. Меня колотит крупная дрожь, по щекам текут слезы. Не знаю каким чудом мне удастся найти дорогу к выходу. Ничего не соображаю, видимо сработала зрительная память.

— Подожди, куда ты, стой! — слышу за спиной женский голос, но не останавливаюсь, продолжаю бежать. Я должна покинуть это место! Должна! Иначе с ума сойду.

Никогда себе не прощу, что решилась на этот визит, вбила себе в голову, что смогу договориться с Каримом! Идиотка наивная!

Сломаю голову несусь прямо по снегу. Холод обжигает ступни, но мне наплевать. Лишь бы подальше от этого места и от этого ужасного человека. Как можно быть таким жестоким? Холодный ветер хлещет по щекам, ледяные иголки впиваются в кожу, меня всю знобит, лицо печет, кажется, еще больше.

Крики позади не стихают, а я уже выбилась из сил.

— Була, скорее! Останови ее! Девочка, да что же это такое? Ты куда побежала прямо в тапках? Что с тобой? Стой же, ненормальная! Хоть бы о ребенке подумала!

Меня хватают за руку, приходится остановиться. Впрочем, я и не могу больше бежать, выдохлась.

Перепуганная, растрепанная, в куртке нараспашку, Валентина нагоняет меня, держит крепко за руку. Позади нее крупный мужчина, настоящая гора мускулов, в одной лишь футболке. Хотя по нему не скажешь, что испытывает холод.

— Немедленно пошли в дом, что ты удумала? В тапках и на мороз! Совсем с ума сошла, дурочка эдакая.

— Я... Извините...

— Про ребеночка бы подумала! Быстро в дом!

В голове мутит, на душе скребут кошки, мне так плохо, что я даже не замечаю, что творю. Это какое-то безумие, и я сама как сумасшедшая. Ну кто бежит без обуви по снегу? Надо и правда вернуться в дом, надеть нормальную обувь и обратиться отсюда.

— Пойдем, пойдем, — меня тащат обратно, но от очередного приступа головокружения начинаю оседать...

Меня подхватывает, видимо, тот самый здоровяк. Я парю в воздухе, пока не начинаю сопротивляться в панике.

— Поставь уже ее. Вот ведь психическая.

Теперь я снова на ногах, нетвердых и дрожащих. Уже в теплом помещении, но все равно испытываю пронзительный холод. Дрожь не отпускает, голова плывет сильнее. Меня подводят к камину, и я вздрагиваю от приятной волны тепла.

— Ох, да ты вся горишь, садись скорее! Не понимаю я, почему ты на мороз побежала, будто за тобой волки гонятся! — ворчит Валентина.

Волк. Один. Большой и страшный. Жестокий человек с холодным сердцем.

— Так, пойдем в комнату, — командует Валентина, что заставляет меня очнуться.

— В какую комнату? Я домой пойду, дайте мои сапоги, — бормочу.

— С температурой собралась идти? — ворчит она, прикладывая руку мне ко лбу и качая головой. — Горячая как печка. Домой она собралась. Разве можно тебя так отпустить? Пешком пойдешь, как пришла? Дурочка, — бормочет раздраженно, но в то же время беззлобно.

— Я не могу, простите, мне домой надо, не хочу вас затруднять...

— Ты меня не затруднишь. Я тебя не отпущу, даже не думай. Мало того, что температура, так ты на ногах не стоишь. Хозяин меня прикончит, если узнает, что ребенку его навредила вот так, через тебя.

Ребенок! Мне хочется стонать от бессилия и отчаяния. Ну зачем я эту чушь про беременность сказала? Только все усугубила. Сейчас совершенно нет сил объяснить, что нет никакого ребеночка. Мне срочно надо убраться отсюда как можно дальше!

— Айгуль, не стой в дверях, принеси телефон, врачу позвонить надо.

— Не надо мне никакого врача! — говорю, собрав последние силы. Горло словно наждачкой трут. Нет, это наихудший вариант, продолжать тут находиться. Я только добавлю себе проблем. Нельзя тут отдыхать и оправляться от температуры, как бы плохо ни было. Надо как-то дать понять Валентине, что я соврала про беременность. Тогда она сама меня вышвырнет. Правда, совсем не хочется портить впечатление о себе. Вот вроде она мне никто, но проявила ко мне участие, как мать, которую я совсем плохо помню.

— Давай все-таки температуру измерим и, если надо, врача вызовем, — суетливо кутает меня в какой-то вязаный длинный кардиган. Помогает удобно устроиться в кресле возле камина.

Обо мне никто и никогда так не заботился. Сердце не может не дрогнуть. Но нельзя здесь задерживаться. Нельзя. Мысли вяло текут в голове, мозг как вареный. Неужели я правда заболела? Рядом какое-то копошение. Валентина уходит и возвращается. Чувствую под мышкой прохладный кончик термометра. Вскоре раздается писк.

— Тридцать восемь и восемь, — оглашает результат и снова качает головой. — Добегалась, детка! Ну разве можно в твоём состоянии так себя не беречь?!

— Что тут происходит? — в комнату вплывают две довольно-таки тучные женщины в темных одеждах. На них платки. Лица строгие и чем-то похожи, будто они сестры. Две пары глаз впиваются в меня с острым любопытством. Изучают пристально, внимательно. Вряд ли это прислуга. По их виду, по стати, по поведению. Впрочем, мне так плохо, что совершенно наплевать кто это такие.

— Добрый день, госпожа Гарифа, госпожа Нурия, — суетится Валентина. — Ох извините, за это все недоразумение. Это Софья, бедняжке плохо стало, температура высокая, надо что-то предпринять, доктора вызвать. Софья, это тети Карима Исхановича. Хозяйки этого дома.

Цепенею. Это родственницы Абашева. Я слышала про них. Богатые надменные дамы, любительницы хороших ресторанов и дорогих курортов. О них любят сплетничать в городе. Вырастили Карима, когда его родители погибли.

Мне ужасно неловко в их присутствии. Чувствую себя самозванкой под их цепкими взглядами.словно два коршуна на меня смотрят. Буквально съеживаюсь, теряясь и не зная, что им сказать. Слипшиеся губы не способны произнести ни звука. Мне стыдно, что я такая неуклюжая, и больная, и бессловесная, но разговор с Абашевым выбил меня из колеи, а потом пробежка по снегу абсолютно ослабила.

— Здравствуйте, — все же считаю нужным сказать, опираюсь на ручки кресла в попытке встать.

Но не выходит. Снова падаю в кресло, вынужденная присутствовать при разговоре обо мне в третьем лице.

— Гостья Карима? Он не предупреждал ни о каких гостях, — бурчит одна из теток. Пока я их не различаю. — Мы бы тогда не стали заезжать к Диляре, она еще и на рынок нас с собой потащила. Я без сил совершенно. Валентина, пусть Айгуль сделает нам чай, да побыстрее. Девушке тоже не помешает горячее.

— Да, конечно, сейчас все будет.

Другая вторит ей, недовольно поджимая губы:

— Очень странно, я вот буквально пару часов назад общалась с племянником. Почему не сказал? Знал, что мы вот-вот приедем, мог предупредить. Да и ты, Валентина, впредь будь расторопнее. Знаешь, что я люблю быть в курсе. Где сейчас Карим? Врача уже вызвали?

Валентина быстро отчитывается, но не успевает договорить до конца, как одна из теток, та, что повыше, поднимает руку.

— Ладно, сходите за моим племянником, а я пока познакомлюсь с его гостьей. Добрый день еще раз, меня Нурия Айдаровна зовут, а это моя сестра Гарифа. Карим нам ничего не говорил о вас. Что случилось? Вам нехорошо, милая? Валентина, у девушки ноги промокли! Немедленно принеси другие тапки! Что случилось?

Тетушки опускаются на диван, начинают засыпать вопросами. Причем спрашивают они что-то у меня, тут же переговариваются друг с другом, потом снова возвращаются ко мне. Ощущение, что они как вышли с рынка, где, наверное, бойко торговались за товары, так там и остались мысленно. Для моей чугунной головы самое настоящее испытание.

И это я еще молчу о том, как жутко волнуюсь оттого, что встретила с родными Абашева. Мало мне его самого было. Я совершенно не знаю, чего ждать. Чувствую себя

наглой самозванкой!

Что сделает Карим, когда увидит меня здесь?

— Не надо тапки, спасибо вам за заботу, но я все же пойду, — делаю очередную попытку встать, но Нурия Айдаровна придавливает меня своим взглядом к месту, давая понять, что я сделаю так, как она скажет.

Это не обсуждается.

Суровая женщина, хоть и назвала меня милой и побеспокоилась о новой сухой обуви для меня. Пока собираюсь с мыслями, Валентина возвращается с сухими тапочками. Они темно-бордовые, с узкими носами и украшены золотистой тесьмой и вышивкой. Не тапки, а нарядная обувь для наложницы султана.

Видимо, мысли мои совсем помутились от высокой температуры, раз я о такой ерунде думаю. Просто атмосфера дома сама по себе навеивает подобные сравнения.

— Врач скоро приедет, минут через тридцать, — сообщает Валентина, глядя на своих хозяек в ожидании вопросов или новых приказов.

Нурия Айдаровна поджимает губы и отмахивается от нее, как от назойливой мухи, подсаживается ко мне, в то время как ее сестра смотрит с подозрением. Под их бдительными взорами переодеваю тапки. Руки еле шевелятся. Измотанная таким простым действием, откидываюсь на спинку кресла.

— Ты не боишься заразиться, Нурия? — ворчит Гарифа. — Сейчас столько разных инфекций ходит. Давай врачаждемся, чтобы он диагноз поставил. Сказал, что с этой девушкой происходит.

— Я еще не так стара, чтобы подхватывать любую инфекцию и сразу отдавать концы, и вообще, невежливо так говорить, — с фырканьем парирует та и поворачивается ко мне, — извини, Софья. Лучше скажи, зачем же ты в гости пошла, если себя плохо чувствуешь? Как тебя родители отпустили?

Понимаю, что она делает: пытается выяснить мою подноготную. И возраст.

— У меня только отец, брат сейчас... — спотыкаюсь, стесняясь того, где находится мой брат. — В отъезде.

— В отъезде? А чем он занимается?

— Он художник, — говорю как есть.

Лицо Нурии Айдаровны озаряется улыбкой.

— А-а-а, ясно, так, значит, твой брат — подопечный нашего племянника? Видишь, Гарифа, все понятно, Карим наверняка опекает этого молодого человека. Мальчик обожает искусство! Ты тоже рисуешь, Софья?

— Совсем немного...

— Ну-ну, — хлопает меня по руке, — стесняться не надо. Обязательно покажешь нам свои картины. Я тоже люблю искусство, занимаюсь вышивкой, а Гарифа увлекается икебаной. Что, Айгуль? Тебе что-то надо? — замечает она недовольную девушку, стоящую у нас над душой с подносом в руках. — Не видишь, мы беседуем с гостьей Карима? Она и ее брат — художники. Устраивают выставки и знамениты даже за границей! — говорит она то, что совсем сбивает меня с толку.

Она бредит или я это сказала? Разве я так говорила? Морщу лоб, сталкиваясь взглядом с Айгуль. Та с кислой миной стискивает зубы. Не надо быть физиономистом, чтобы догадаться, как она ко мне относится. Будь ее воля, меня бы тут уже и след простыл.

— Меня за чаем послали, вот я и принесла, — цедит, словно с силой и злостью выталкивая из себя эту фразу. Пальцы крепко сжимают края серебряного подноса.

Чем я ей насолила? Смотрит так, словно не за чаем ходила, а делала самую грязную работу по дому по моей вине. Ставит поднос на низкий прямоугольный столик, расположенный рядом с креслами, начинает аккуратно разливать его по чашкам. Подмечаю, что Гарифа Айдаровна одобрительно кивает, наблюдая за тем, как девушка возится с посудой и заварочным чайником. Видно, что она довольна ею. А вот вторая тетка не особо достаивает Айгуль своим вниманием.

Невольно подмечаю и фиксирую для себя расклад сил в этом доме.

Айгуль пользуется расположением Гарифы Айдаровны, тогда как Нурия Айдаровна относится к ней снисходительно. И обе они обожают собственного племянника и очень даже не прочь влезть в любые аспекты его жизни.

— Давайте пить чай, — садится Гарифа Айдаровна рядом со столиком на диванчик с изогнутыми ножками и обивкой из золотой парчи. — Айгуль, спасибо, дорогая. Садись с нами. Айгуль у нас тоже умница, с детства умеет и хозяйство вести, и этикету обучена, и готовить умеет. А как поет. У нее дивный голос.

Взяв кружку в руки, делаю маленький глоток ароматного чая, с удивлением взирая на тетущку Карима. У нас тут что, негласное соревнование? Такое ощущение, что меня сравнивают с этой Айгуль, чьи глаза готовы прожечь во мне дыру.

Чувство неловкости сковывает меня по рукам и ногам, и я даже готова снова увидеть Абашева, чтобы он прогнал меня отсюда, чем сидеть здесь больной и изображать вежливость.

Сердце уходит в пятки, когда хлопает дверь...

— Что здесь происходит?

От грубого голоса душа уходит в пятки. Вот идиотка, дождалась грома и молний на свою голову! Представляю, что сейчас будет! Конечно же, Абашев будет в бешенстве!

Горло сжимается, пытаюсь выдавить извинения перед хозяйками дома, но не выходит. Рукой хватаюсь за шею, вскакиваю и падаю на диван, потому что резко темнеет перед глазами.

Шум, крики, меня зовут, но это доносится как издалека, сквозь тягучую пелену.

— Софья! Ты меня слышишь? Несите ее в гостевую!

Дальше тьма окончательно поглощает меня.

Открываю глаза и сначала не понимаю, где нахожусь. Большая комната, огромные окна почти от пола. Их заливают солнечный свет.

Я лежу на широкой постели, белоснежное белье, теплое одеяло. Я полностью обнаженная! Ни клочка белья!

Подскакиваю резко, прижимаю к себе одеяло, до самого подбородка. Что произошло? Неужели Абашев воспользовался моей беспомощностью? Подонок! Мерзавец!

Сама виновата — бьет пощечиной следующая мысль.

Надо было бежать как можно дальше, не останавливаясь.

Вместо этого я сидела в его гостиной и отвечала на вопросы чужих женщин.

На что надеялась? Знала ведь, что это дом врага! Самое паршивое — не отрицала что я гостья, а не проникшая без спроса нарушительница спокойствия. Конечно же теперь тетушки в курсе, представляю, что думают обо мне!

Надо бежать, срочно, но где моя одежда?

Беспомощно оглядываюсь по сторонам.

Дверь открывается, и я испуганно дергаюсь.

— Софья, дорогая, ты проснулась? — в комнату входит Валентина с дымящейся пиалой в руках. — Ты нас так напугала, милая! — останавливается она около кровати и смотрит сочувственно.

— Что произошло? Почему я здесь? Мне очень надо домой, принесите мою одежду, умоляю!

— Детка не нужно так кричать, нельзя тебе. О малыше подумай.

— Нет никакого малыша, — со стоном признаюсь и взрываюсь истерикой: — Хватит уже, с меня достаточно! Мне необходимо уехать из этого жуткого места!

— Успокойся дорогая, да что я такого сказала! Не надо так нервничать, деточка. Никакое это место не жуткое. Ты в безопасности тут.

— Нет! Это не так! Отдайте мои вещи, пожалуйста. Я хочу уйти.

— Да куда ты пойдешь? На ногах же не стоишь. Температура, поди, не спала. Вчера у тебя жар был сильный, доктор велел снять всё, одежда мокрая насквозь была. Тебе дали лекарство, ты всю ночь потела. Ангина у тебя, но врач сказал быстро вылечим, на ноги поставим.

— Кто меня раздел?! — смотрю на женщину в ужасе.

— Я, милая, да кто же еще? — Ее удивлению нет предела.

От облегчения я готова умереть. Не пережила бы, ответь она, что меня раздевал Абашев.

Ведь он же был в гостиной, я видела. Присутствовал при моем обмороке.

— Карим... Что он сказал, когда меня увидел?

— Да ничего, — пожимает Валентина плечами, — не успел ничего сказать. Тебе плохо стало, все вокруг тебя суетились.

— Он будет злиться, что я в его доме, — понуро опускаю взгляд и бормочу себе под нос.

— Не говори глупости, — говорит она мягко. — Понимаю, у вас сложности, но ты хозяйина прямо монстром каким-то видишь. Он тоже переживал за тебя, поверь. Никуда тебя не отпустят, пока не поправишься.

— Мне здесь не место! Как вы не понимаете?

— Ну что ты заладила? — качает головой. — Давай лучше покушаем? Я куриный бульон принесла. Обязательно надо поесть. Сил наберешься, быстрее поправишься.

Спорить с этой женщиной невыносимо! Причитает, советует, увещевает. Приходится поесть, сначала через силу, потом наслаждаюсь вкусом. В горле будто наждачка, от теплой ароматной жидкости становится легче. Немного. Я на самом деле разболелась, соплю ручьем, голова ватная. Хуже не придумаешь. В самый неподходящий момент, когда должна беспокоиться о брате, бороться за него! Об отце я не переживаю. Он сам себе найдет и занятия, и развлечения, нет ему никакого дела до нас. Скорее всего, он даже не заметил моего отсутствия.

Что будет с Артёмом? Если он заболит, кто о нем позаботится? Будет лежать в лазарете СИЗО, и то в лучшем случае. Я нисколько не продвинулась в деле спасения брата, валяюсь в постели беспомощной медузой, еще и наговорила о себе всякого.

— Вы меня простите, что про ребенка сказала. Я просто хотела попасть к вашему хозяину на разговор.

Оправдание моей лжи слабое, но другого у меня нет. Жалобно улыбаюсь, глядя в добрые глаза Валентины, кормящей меня сейчас в ложечки.

Судя по ее улыбке, бесполезно признаваться, упрямица ни капли мне не верит.

— Дорогая, всякое бывает. Кто я такая, чтобы судить? Я же вижу, какой ты человек. Хороший. Точно нет у тебя камня за пазухой, меркантильных интересов. Если хочешь, расскажи мне, что случилось, детка. Вдруг я помогу.

— Вы поможете, если принесете одежду и скажете своему хозяину, что я хочу с ним поговорить. Я не могу здесь просто лежать, понимаете? У меня очень важные дела, они не терпят отлагательств. Мне правда лучше. Суп очень вкусный, спасибо вам огромное. Я обязательно верну все что на меня потратили. За лекарства. Большое вам спасибо за заботу, но мне правда надо уйти.

— Поспи, милая, у тебя все еще температура. Станет полегче, конечно поедешь куда захочешь, никто насильно держать не станет. И Карим зайдет тебя проведать обязательно, сейчас нет его, по делам уехал. Скоро привезут пижаму, Айгуль в магазин отправили, купить необходимое. Твоя одежда постирана, но в ней в постели разве удобно лежать? Ты потерпи уж немного.

Чувствую себя абсолютно беспомощной, от заботы и доброго отношения на душе еще паршивее. Глаза слипаются. Не могу сопротивляться сну, веки сами собой слипаются.

До сих пор не могу до конца поверить, что оказалась в подобной ситуации! Пробралась в дом к врагу, чтобы помочь брату, и в результате бессовестно пользуюсь его гостеприимством. При том что не хочу от него ничего! Ненавижу за жестокий прием,

грубость. Никто и никогда не был со мной так жесток как Абашев в тот день. Фактически намекал что я могу заплатить ему лишь собственным телом.

Я ведь была в него влюблена. Однажды, он приехал в галерею к моему брату. У них с Артемом были общие дела. Брат спросил, могу ли я сопровождать Карима на прием, в качестве его спутницы. Для меня тот вечер стал незабываемым. Как тот самый первый бал для Золушки, где она встретила своего принца. Для меня этим принцем стал Карим Абашев. Невозможно красивый, статный, обходительный. Тогда он вел себя предельно вежливо. Я как раз сшила себе платье, для приемов в галерее, куда устроилась работать. Чувствовала себя принцессой. Сердечко замирало от каждого взгляда моего спутника.

Как может все перемениться. Кто же подставил моего брата? Кто сыграл с нами столь жестокую шутку? Теперь Артем в тюрьме, а я вместо того чтобы стараться его вытащить, валяюсь в доме Абашева с температурой. Дни слились в один. Благо Карима я не вижу. Только его тетюшек, и то редко они заглядывают навесить меня. В основном вокруг меня хлопочет Валентина. Заставляет кушать бульон, развлекает разговорами.

Мне привезли много всяких вещей. Для личной гигиены. Одежду — только очень специфическую. Явно я не нравлюсь той, которая все это покупала.

Мало того, что модели явно не молодежные, мягко говоря, они еще и на три размера больше. Пижама болтается, в штаны можно завернуться дважды. Конечно же я не стала жаловаться Валентине. Попросила нитку с иглкой и кое-как подшила пояс, чтобы не спадали с меня.

— Отлично, идешь на поправку, — радуется словами доктор, навесивший следующим утром.

— Спасибо огромное! Меня отпустят? — судя по взгляду врача, моя радость его немного удивляет.

— Это же не больница. Я лишь ставлю диагноз, а как там дальше у вас с Каримом, не мое дело, — отвечает немного сумбурно.

— У меня никак! Я домой очень хочу. Вы можете сказать ему об этом?

— Разумеется, девушка, я все ему скажу. Мне кажется стоит быть чуточку благодарнее за помощь. Но это не мое дело.

— Да, вы правы. Я вам очень благодарна, извините меня.

Конечно окружающие не понимают моего отношения к хозяину дома. Валентина тоже раздражается. Она твердо уверена, что у меня с ее хозяином близкие отношения. И в ребенка несуществующего продолжает верить, что бы я ни говорила. Я даже предложила ей тест мне купить! Но даже тогда женщина отмахнулась. Вот уж воистину, мы верим только в то, во что хотим. Не больше и не меньше. Никому не нужна моя правда...

Самое ужасное, что я чувствую — теткам Карима вездесущая Валентина тоже успела сообщить про ребеночка. Те постоянно заглядывают проведать меня, расспрашивают о моей семье, очень дотошно. Я же жду неминуемой расплаты. Когда гнев Абашева падет на мою голову. Он явно ждет когда поправлюсь, ведь какой интерес такому зверю добивать лежачего? Нет, он хочет полноценно насладиться мстостью.

А я пытаюсь собраться с силами, чтобы принять неминуемую расплату.

Неделю спустя

— Мне кажется, или новая одежда сидит немного странно? — озадаченно смотрит на меня Нурия, обращаясь то ли ко мне, то ли к своей сестре.

— Да пожалуй. Совсем не к лицу, — кивает Гарифа.

— Неужели ты так сильно похудела, дорогая? — хмурится Нурия, разглядывая меня еще более пристально.

— Да нет, просто эта одежда мне не по размеру, — вздыхаю.

Я пыталась выпросить у Валентины свое старое платье, но та сказала, что не могут найти, видимо, выбросили. Так что, волей-неволей пришлось надевать чужое, то бишь специально для меня купленное. Всё, что мне принесли, было новым, с этикетками, но по размеру больше тетушкам подошло бы, чем мне. Может, это такая экономия? Типа потом себе заберут? Судя по роскошному дому, в эту версию верилось слабо. Скорее, у тетушек очень слабый глазомер, или у того, кто делал эти покупки. Конкретно я не спрашивала кто покупал эти вещи, было неловко. Почти неделю я провела в гостеприимном доме, где меня лечили, кормили, ухаживали. Карима видела лишь дважды, мельком. Он меня едва замечал, бросал взгляд вскользь, если пересекались в гостиной, куда вечерами меня вытаскивали на чаепитие тетушки. Остальное время я проводила в комнате для гостей. Слава богу, туда Карим ни разу не зашел.

— Ничего страшного, значит, будет повод еще раз прогуляться по магазинам, — заключает вечно доброжелательная Нурия.

Обе тетушки очень добры и любезны, но Гарифа немного острее на язык. Нурия же всегда излучает хорошее настроение. К ней невозможно не проникнуться. Чувствую, что не очень нравлюсь Гарифе, в то же время Нурия ко мне очень добра.

— Я вам обеим ужасно благодарна, огромное спасибо за вашу заботу! — восклицаю искренне. — Просто не представляю, что бы со мной было без вас. Честное слово! Но, пожалуйста, не нужно больше никаких покупок для меня. Мне надо домой, — выпаливаю со всей искренностью и настойчивостью. Я уже не раз пыталась заговаривать на эту тему и всякий раз меня с нее мягко уводили, увещевая потерпеть и долечиться.

— Дорогая, конечно, — восклицает Нурия. — Карим отвезет тебя, как только вернется.

— Может быть, его не беспокоить? — смотрю на нее умоляюще, нервно вздрогнув.

— Почему ты так стараешься его избегать? — укоризненно качает головой Нурия.

— И правда. Все время как от чумы шарахаешься, — сужает глаза Гарифа. — Почему не хочешь поговорить с Каримом, выяснить недопонимания?

Они правы, я трусиха. Давно нужно было со всеми объясниться. Расставить точки над «i», чтобы больше не было вопросов, а я всё время мямлила, так что толком никто не слушал.

— Мне очень нужно, отца проведать, посмотреть как дома.

Язык не поворачивается что и к брату поехать надо. В тюрьму. Представляю, какой шквал вопросов вызовет мое признание. И что я скажу? Что в этом вина их обожаемого племянника? Они меня распнут.

— Хорошо, дорогая. Если тебе так нужно. Конечно, понятно, что за отца волнуешься, сочувственно смотрит на меня Нурия.

— Карим говорил, что у тебя отец выпивает, — ехидно замечает Гарифа.

— Ну зачем ты так? — укоряет сестру Нурия. — Конечно, девочке надо навестить родителя. Что плохого в том, что хочет домой съездить? Карим занят, уехал на пару дней, вечером сегодня вернется. Наш водитель, Була, может тебя отвезти, дорогая. Сейчас ему скажу.

— Спасибо вам огромное! — испытываю бесконечное облегчение.

Я не то чтобы чувствовала себя пленницей, но всё же, довольно беспомощной. Конечно, понимаю, что с Каримом всё равно придется объясниться. Наверное, даже поблагодарить его, что столько в его доме было заботы. Потом обязательно нужно вернуть деньги за лекарства, которые на меня потратили.

Водитель Абашевых, Була — колоритный, высокий, очень коренастый, и весьма пугающий, если уж быть до конца откровенной. Из тех мужчин, кого сравнивают со шкафом. Внушает оторопь своим мрачным видом и замкнутостью, ни слова лишнего. Впрочем, я тоже болтать не намерена. Главное, что меня отпустили. Чувствую себя птицей, выпорхнувшей из клетки на свободу.

Дом встречает меня тишиной и жутким бардаком. Отец спит в отключке. Пьяное тело вызывает омерзение. Становится противно, до чего он себя довел. И если бы были оправдания, я бы еще поняла. Если бы он страдал по умершей жене и вот так заливал скорбь алкоголем, но нет, у отца просто такое пристрастие. Он любит себя, любит потворствовать своим желаниям.

Хочет — и пьет. Кто ему запретит? Точно не я. Никто ему не может запретить злоупотреблять. Даже брат с ним справиться не мог, так что куда уже мне пытаться? Я давно оставила бесполезные попытки перевоспитать взрослого человека.

Первым делом начинаю прибираться в квартире. Везде разбросаны бутылки, окурки, пролито что-то сладкое и неприятно пахнущее, идешь по полу и прилипаешь ногами. Вся кухня загажена, в обедках, на плите киснет суп, который еще я готовила. Уму непостижимо, как можно превратить все в такой свинарник, но в этом весь отец.

Зажимаю нос рукой, чтобы не вдыхать вонь. Собираю по всему дому мусор, целых три больших мусорных пакета в итоге набираю. Мою пол везде, несколько раз меняю воду в ведре. Когда добираюсь до кухни, силы начинают покидать, но я хочу завершить начатое, иначе безглаголиво находиться в собственном доме.

Скоро передо мной вырастает гора намытой посуды. Я даже успела по-быстрому пожарить котлеты, благо в морозилке они были, и сварить макароны.

Стягиваю с рук перчатки, после того как закончила чистить плиту. Слышу позади тяжелые шаги. Отец. Шатаясь, держится за дверном проем. Глаза налиты красным, лицо одутловатое. Он омерзителен.

— И откуда ты взялась, пропажа? — требовательно спрашивает. — Где шлялась?

— Я пыталась помочь Артёму, а ты что сделал за эти дни? — бросаю справедливый упрек.

— Ну даешь, гуляла где-то, а теперь мне предъявляешь, вот наглая! — фыркает и проходит в кухню, грузно падает на стул. — Деньги есть? Мне похмелиться надо.

— Я за тебя весь дом прибрала, который ты превратил в помойку, вот и предъявляю.

— А что тебе еще делать? Если бы шаталась не пойми где, сразу бы всё убирала. Постепенно. Сама накопила уборки, а на меня наезжаешь. Интересная ты какая, дочь! Я тебя спрашиваю, деньги есть?

— Я спорить не буду, — устало выдыхаю, — но денег на выпивку не дам. Лучше продуктов куплю в дом и Артёму. Хочу передачку собрать. Ты хоть помнишь, что у тебя сын есть? Помнишь, где он?

На глаза наворачиваются слезы, когда представляю брата за решеткой, а оттого, что отец так равнодушен, мне вдвойне обиднее и больнее. Не понимаю, как так можно относиться к собственным детям.

— Ты меня совсем за ирода считаешь?! — хлопает ладонью по столу. — Конечно, я переживаю. Он же мой сын. Но что я могу? Иди купи хоть маленькую, кочан починю, и вместе подумаем, что можно сделать.

— Лучше давай я тебе таблетку дам, — трачу время попусту и торгуюсь с отцом в который раз, но исход всегда один.

Он мне все нервы изматывает, но заставит купить ему выпивку. Проще согласиться, чем спорить. Он болен, и я не могу его вылечить. Папа, конечно, бесполезный, но я всё же надеюсь, что он придумает способ вытащить брата. Иногда у него бывают мелкие заработки, порой приходят какие-то знакомые. Вдруг среди них есть тот, который хотя бы подскажет, как нам быть? Всякое бывает. Я готова использовать любой шанс, чтобы спасти брата...

После пары рюмок отец, как он выражается, «поправляет здоровье», и мы садимся на кухне поговорить об Артёме.

— Так что, пап, ты сможешь его вытащить? Есть какой-то шанс?

— А ты? Скажешь, куда ходила? — смотрит угрюмо.

— Не делай вид, что тебе интересно, — издаю вздох и злюсь. — Так что?

— Что-что, — ворчит, — пара вариантов есть, но пока ничего конкретного. Не думай, что ты одна пытаешься спасти Артёма. Не был бы он таким дураком, сидел бы сейчас рядом с нами, — сетует.

— О чем ты?

— Как о чем? Слишком честный твой брат, не захотел талантом воспользоваться ради денег, всё про искусство болтал, про карму, — закатывает глаза, — много ему дадут теперь искусство и карма? Спасут его? — противно смеется, изматывая мою душу.

Ни за что бы с ним не говорила, если бы не надеялась на спасение брата. Но, кажется, это дело гиблое. Отец просто поводил меня за нос, чтобы сбегала за водкой. Каждый раз, когда поддаюсь на его манипуляции, ощущение такое гадкое, что не описать словами.

Но долго жалеть себя нет времени, мне необходимо поехать в СИЗО и принести брату передачку. Несмотря на жуткую усталость, собираюсь и еду в направлении места его временного содержания. Прохожу через пропускную систему, а Артёма вводят в комнату свиданий.

— Привет, Тём, как ты тут? — несмело улыбаюсь в желании подбодрить брата. — Извини, что не приезжала так долго, я пыталась найти способ тебя вытащить.

— Сонь, тебе лучше сюда не ездить, — брат смотрит меня с улыбкой, а потом его взгляд перемещается за мое плечо, кадык на шее дергается, и больше ничего, кроме этого, не выдает в нем умершую надежду, что отец пришел навестить его вместе со мной.

В этом мы с ним похожи — как дети, продолжаем ждать внимания от равнодушного отца. Словно проверяем его границы его равнодушия. И каждый раз он удивляет.

— Как не ездить? Я тебе продукты привезла, еще там кое-чего, всё проверили и пропустили.

— Ты в следующий раз лучше привези сигарет.

— Каких сигарет? Ты куришь? Зачем, Тём? Не надо, — от волнения глотаю слова и бегаю глазами по бледному и исхудавшему лицу брата.

— Сонь, не стоит, — морщится, — не надо со мной как с маленьким. Здесь все курят, я не исключение. Закрыли тему.

— Ладно, — смиренно киваю, чуть не плача. Вроде ничего страшного брат не сказал, но мне его жаль до слез. Не хочу, чтобы мальчик с возвышенными идеалами менялся и ломался под такими страшными обстоятельствами.

Я должна его вытащить!

— Ты скоро выйдешь отсюда, — уверяю его, сама не знаю, откуда в моем голосе столько стали, но даже брат замечает это и вскидывает голову. Прищуривается.

— Ты только глупостей никаких не делай и отца не слушай, чтобы он тебя в свои темные делишки не затянул. Поняла меня? — сжимает мою ладонь своей твердой рукой.

— Хорошо, Тём, я тогда пойду. Приду, как смогу.

От брата возвращаюсь поздней ночью на такси. Отец спит в отключке на диване в большой комнате, повсюду стойкий запах перегара. Ухожу в свою комнату, закрываю дверь и даю волю слезам. Но даже выплакавшись никак не получается уснуть. Ворочаюсь, не в силах перестать строить предположения, проигрывать варианты как вытащить брата. Все они не реалистичные. Бессилие угнетает.

Утром просыпаюсь, иду на кухню готовить завтрак. Отцу обязательно надо поесть, он часто забывает про еду. Но выясняю, что дома я одна. Аппетита нет, делаю себе травяной чай, продолжаю уборку, разбираю ящики, мою холодильник, в котором почти нет продуктов. В морозилке нахожу половину курицу, варю куриный суп. Надо как-нибудь заставить отца поесть, когда вернется.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть. Кто это может быть? По телу пробегает нервная дрожь.

На пороге стоит тот, кого меньше всего хотела видеть. Абашев.

Пришел наказать меня за ложь? Судя по выражению его лица, ничего хорошего ждать не приходится.

— Что ты здесь делаешь? — дергаюсь, в совершенно безотчетном порыве закрыть дверь перед его носом, но сильная рука упирается в дверь и не дает этого сделать.

Мрачно оглядывая меня с ног до головы, Карим интересуется ледяным тоном:

— Ты правда думала, что не приеду спросить тебя? Пришло время обсудить твои фантазии, — кривит лицо, будто говорит о чем-то очень неприятном.

— Хорошо, проходи, — понуро опускаю голову.

Очень радуется, что я не поленилась вчера навести в доме порядок. Иначе было бы дико стыдно за бардак, который устроил отец и его собутыльники. Конечно, смешно стараться, учитывая богатство, в котором живет Карим. Наш быт и рядом не стоял, это небо и земля. Но хотя бы везде чистота, мне от этого легче. Как и то, что отец сейчас отсутствует. Иначе наверняка принялся бы кланчить деньги у Карима, а я бы умирала со стыда.

— Я понимаю, что ты злишься, — виновато смотрю на Абашева. — Извини, что так получилось! Я этого, конечно же, не планировала. Когда шла в твой дом, думала только о том, как помочь брату. Ни о чем другом! Не хотела ставить тебя в неудобное положение, пользоваться гостеприимством.

— Беременность тоже не планировала? От меня? — выгибает бровь Абашев.

Сразу бьет в самое больное место.

— Это просто ужасно! Я вообще не хотела ничего подобного говорить! Ме бы и в голову не пришло! — восклицаю громко. — Валентина сама намекнула, а я лишь... Я не отрицала, — каюсь. — Чтобы она пропустила меня к тебе. Я и подумать не могла, что это выльется в такое долгое заблуждение. Настоящий снежный ком. Позже, я много раз повторяла Валентине, что не беременна, что случайно ввела ее в заблуждение, просила за это прощения. Только она мне не поверила. Это удивительно, насколько люди способны заблуждаться. Слышать только во что уверовали сами. Я даже просила Валентину купить тест на беременность, чтобы были доказательства, но она отмахнулась, — вздыхаю горько.

— Ясно. Ты ни в чем не виновата. Всё эта дурочка Валентина, — холодный голос Абашева так и сочится сарказмом, что невероятно меня злит. Мне и так плохо, а он еще и

издевается. Это что для него, игра такая? Развлечения богатых и великих?

— Нет, я совсем не это сказала! Зачем ты передергиваешь?

— Итак, ты наворотить много чего успела. Теперь пришло время расхлебывать.

— Как? Чего ты от меня хочешь?

— Мои тетки уже покупают распашонки для внука или внучки. Сразу розовые и голубые, вдруг двойня будет. Вот прелесть, да? Уверен, ты сможешь.

— Хватит издеваться! — вспыхив, сжимаю кулаки.

— Хорошо, Софья. Тогда серьезно. Вот что будет дальше. Ты вернешься в мой дом и играешь счастливую невесту. Пусть не через девять месяцев, но, скажем, через десять или одиннадцать ребенок появится на свет.

— Что? Какой ребенок? Ты в своем уме?! — смотрю ошалело.

— Абсолютно в своем, Софья. Ты сама это начала. Так уж совпало, что мне сейчас нужна жена. Нужен наследник. Пожалуй, ты не самый плохой вариант на место его матери.

— Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? Бред! Ни за что! Я тебя ненавижу! Ты последний мужчина, на которого я могу посмотреть! Ты жестокий, грубый. Ты швырнул моего брата в тюрьму. После того как ты уничтожил Артёма, смеешь предлагать такое? Иди к Дьяволу!

— Не советую разбрасываться такими словами. Ты же хотела спасти брата? Единственный шанс вытащить Артёма из тюрьмы — это лечь под меня. Это единственное предложение. Другого не будет. Ваше семейство у меня в печенках сидит! Твой мученик брат, которому я помогал, который оказался мошенником. Алкаш папаша. Смазливая дочурка, светящая передо мной своими прелестями. Я еще мягко себя повел, Софья. Ты можешь присоединиться к брату, поняла? Я не звал тебя в свой дом. Ты пришла сама. Устроила цирк, теперь отвечай за всё. Ты сама решила задержаться в моем доме, навешала лапши моим родственникам.

— Найди себе другую дуру, понял! Я никогда не позволю к себе прикоснуться! Никогда! — меня трясет от ярости и ужаса.

Как он посмел мне предложить такое? Родить ребенка от него — всё равно что от... Нет, никакого сравнения не будет достаточно!

— Найти не проблема, — спокойно отвечает Абашев. — Сердце ты мне не разбила своим отказом. Меня волнует лишь то, как объяснить теткам весь этот балаган. Понимаешь, они дамы довольно упертые, как и Валентина. Если что-то вбили себе в голову, потом очень трудно их разубедить. Мне жаль тратить время на это. Поэтому решил, раз уж так сложилось, что ты взяла на себя миссию по вынашиванию моих детей, то неплохо бы притянуть тебя за базар.

— Ты хоть сам слышишь, как это отвратительно звучит?!

— По мне, звучит нормально. Есть суррогатные матери, а ты будешь еще и суррогатной женой, — говорит деловым тоном, словно обычную сделку совершает, а не решает судьбу живого человека.

— Мне жаль тебя! Ты, видимо, не имеешь понятия, что такое настоящие чувства!

— Я хорошо знаю, что купить можно что угодно и кого угодно. Если встречу вдруг свою любовь, то дам тебе хороших отступных, Софья. В любом случае будешь в выигрыше. Станешь хозяйкой своей судьбы. Сможешь уйти от беспросветности своего существования.

— Что ты обо мне знаешь?! Как смеешь судить? Убирайся, — я на последнем издыхании, на грани истерики. Как мне остановить поток этих кошмарных слов?

— Вы все на дне. Тебе требуется помощь. Даже если забудешь на Артёма, ваш дом скоро отберет банк. Твой папаша должен всему городу. Скоро вас будут преследовать кредиторы, коллекторы. Поверь, кто-нибудь из них решит, что неплохо бы взять плату твоим юным телом. Я же предлагаю тебе статус моей жены, обеспеченность и свободу твоему брату. Будешь под моей защитой и охраной, а всё, что от тебя потребуется, это пару раз раздвинуть ноги. Хотя, для начала, надо будет провести медицинское обследование. Узнать, пригодна ли ты к материнству или только языком трепать умеешь.

— Ты омерзительна! Конченная мразь! Уходи отсюда! — От стресса, ярости и боли в голове всплывает весь запас матерных слов, которыми пользуется отец, когда сильно пьян. Эти слова не приглушают боль, лишь распалывают. Карим прав, я на дне. Сейчас в таком отчаянии, что сама готова схватиться за бутылку.

Абашев уходит, ничуть не показав эмоции, весь такой же отстраненный. Я же падаю на постель, захлебываясь слезами. Плачу долго, терзаясь вопросами, за что нам всё это и почему мужчины так жестоки. Пытаюсь выбросить из головы ужасный разговор, чудовищное предложение стать инкубатором, но ничего не выходит.

Глава 8

Несколько дней безуспешных попыток найти выход, помощь. Обзваниваю друзей и клиентов Артёма. Возможно, мне бы могла помочь Ирма, но они с Юханом укатили в Венесуэлу, на целый месяц. Давно планировали это путешествие, связь с ними крайне редкая, да и чем они помогут, раз находятся так далеко? Или всё же попытаться использовать любую даже самую призрачную возможность? Голова разрывается от мыслей!

Не понимаю что делать, с ума схожу, еще и у отца сильный запой начался. Пришлось вызывать медиков, делать капельницы, сражаться с отцом в состоянии психоза. Я чувствовала, что превращаюсь в придавленную тяготами жизни старуху. Это не жизнь, а медленное сползание в пропасть. Одного желания изменить что-то оказывается недостаточно. Иногда обстоятельства сильнее и ты чувствуешь себя песчинкой в бескрайнем пространстве. Ничем.

Дни сливаются в один. Передачи, лекарства, быт, поиски денег, работы. К полуночи я буквально падаю на постель и отключаюсь. День за днем непрекращающийся кошмар.

Этой ночью я неожиданно проснулась от кошмара. Потрясла тяжелой головой, не сразу понимая, что происходит. Дрожь по всему телу, ощущение подступающей опасности набатом бьет в виски. Я не обладаю даром предвидения, ничего подобного, но отчего-то сейчас внутри все вопит об опасности.

Дальше всё как в полусне. В нос ударяет запах дыма, от которого сразу же кружится голова. Господи, неужели случилось то, чего я всегда опасалась? Отец забыл потушить окурок и случился пожар? Наш небольшой домик на окраине города совсем старый, вспыхнет и сгорит как щепка!

Быстро перебираю ногами, несусь в сторону источника дыма. Слышится потрескивание из-за входной двери, искусственная кожа на ней скукоживается, и я в ужасе понимаю, что она горит. Горит снаружи!

И вроде понимаю, что попытки выбраться бесполезны, но всё же на инстинктах бросаюсь к двери и хватаюсь за ручку. Она обжигающе горячая. В панике с трудом вспоминаю, что нужно делать в подобных ситуациях. Меня сковывает ужас от мысли что не сможем выбраться. Мы задохнемся от дыма и умрем.

Звать на помощь, пробовать потушить пожар? Что я могу сделать именно сейчас? Кашляя от дыма, заполонившего полдома, торопливо бегу на кухню, хватаю полотенце и смачиваю его холодной водой, бегу обратно в прихожую, но тут же соображаю, что от маленького кухонного полотенца толку нет.

На сушилке как раз висит невысохшее белье, которое я недавно постирала в машинке, стягиваю одним движением несколько сырых полотенец и оказываюсь возле двери. Кое-как затыкаю щели, чтобы дым не заползал в комнату. Вроде получается. Вздох облегчения исчезает в приступе надсадного кашля. У меня в руках еще одно полотенце, его и прикладываю к лицу.

Так намного лучше, но всё равно дым проникает в легкие, дышать нечем, глаза слезятся.

Я не понимаю, как случился пожар, почему горит дверь снаружи. Думать нет времени, надо срочно звонить пожарным.

— Папа! — зову что есть сил, вспоминая, что он уснул после очередной бутылки беспробудным сном.

По опыту знаю, что его такого никак не разбудить, но я должна, просто обязана, чтобы не случилась беда. Пока бегу до его комнаты, хватаю в руки телефон. Кнопки нажимаю трясущимися пальцами.

— Пожалуйста, помогите, нам кто-то поджег дверь.

Диктую адрес нерасторопному диспетчеру, а добежав до комнаты отца, застаю его лежащим на кровати.

— Папа, папа, ты должен проснуться! — что есть силы толкаю его руками за плечи. — Пожалуйста, папа!

Тщетно. Он лежит без движения. Как мертвый. Меня охватывает паника, всё туже сжимая на шее щупальца страха. Вдруг он надыхался дымом? Ни минутки на то, чтобы помыслить разумно. Всё, что подсказывает интуиция, это закрыть дверь в комнату, остаться тут и открыть окно. Но в то же время я знаю, что доступ кислорода усиливает пожар. Что же делать? Как мне быть?

Быстрее бы приехали пожарные!

Дергаюсь от громкого настойчивого стука в дверь.

— Как вы там? — звучит мужской голос, и от облегчения, что кто-то появился за дверью, да еще и разговаривает, ноги подкашиваются.

Всё заканчивается благополучно. Соседи помогают потушить загоревшуюся дверь, вкоре приезжают и пожарные. Их помощь не требуется, но дом они внимательно осматривают. Отец так и продолжает спать, не отзывается ни на какие мои попытки его растормошить.

— Определенно поджог, — после осмотра оглашает вердикт пожарник. — Дело серьезное. Надо зафиксировать.

— Извините, я не могу сейчас, у меня отец, он... Он не просыпается.

— Так что ж вы молчали?

Краснею под осуждающим взглядом пожарного. Но я и правда растерялась. Гора мокрых полотенец, куча людей во дворе, четыре пожарника в доме, звук сирены за окном. А я еще не пришла в себя от шока, да и легкие будто доверху наполнены дымом.

Это самое страшное событие, которое я переживала в жизни.

— С полотенцами вы правильно сделали, зачет вам, — бросает мне пожарник, идя в сторону комнаты отца. Семеню за ним следом. — Здесь нужна бригада скорой! Отравление продуктами горения!

Из огня да в полымя. Кажется, так говорят. Так я думаю, пока быстро собираюсь, чтобы сопроводить бездыханного отца в машину скорой. Неужели он умер? Мне становится ужасно страшно. И стыдно. Ведь порой в сердцах, в самых своих потаенных мыслях, я желала, чтобы отец исчез из нашей с братом жизни. Он неприятный человек, от него одни беды, и относится он к нам ужасно, но сейчас я отчаянно молю бога, чтобы отец выжил. Пусть он живет!

— Дыма наглотался сильно, — констатирует врач, спускаясь в приемный покой, где я сидела как на иголках, пока отца увезли на каталке на лифте. — Но жить будет. Вы дочь? Привезете недостающие документы и необходимые вещи. Так, а сама что? — переходит на «ты», глядя мне в глаза и доставая фонарик. Луч света бьет в глаза. — Маша, девушку чего не осмотрели? Чем вы тут занимаетесь? Идите в смотровую, — строго говорит мне, — не стоит геройствовать. Если что, положим вас в стационар.

— Нет, я не могу здесь остаться, дома после пожара полный кавардак, мне прибираться

нужно, понять, что с дверью, а то ведь вынесут всё, пока мы с отцом в больнице лежим, плюс у меня брат...

Останавливаю бессвязный лепет, срывающийся с губ. Доктору это всё неинтересно, он только о здоровье пациентов заботится, а что находится за пределами больницы, не его забота. Глаза за стеклами очков явно выражают нетерпение.

— Простите, мне правда нужно идти. Я себя хорошо чувствую, правда. Сразу прижала ко рту влажное полотенце, не дышала дымом, да и некому документы привезти для отца, вещи... — опять болтаю, не в силах унять тревожность.

— Ладно, ваше право, тогда пройдемте, напишите отказ от госпитализации, — ворчит, — но, если какие-то симптомы появятся, сразу же звоните в скорую. Это вам не шутки. Если голова будет кружиться или болеть, тошнота, рвота, шум в ушах, одышка или кашель, то не ждите, пока сознание потеряете. Ясно?

Из больницы выхожу с зажатыми в руках документами, жадно глотая свежий воздух. От усталости тянет куда-то присесть, но надо идти домой. Действительно, нужно разобраться с последствиями пожара, навести маломальский порядок. Лучше бодрствовать, чтобы проследить за симптомами. Я себе не враг. Я жить должна — хотя бы рада брата. Не теряю надежды вытащить его из тюрьмы, хотя не имею представления, как это сделать.

Как мне быть? К кому обратиться? Пока отец в больнице, можно попробовать покопаться в его комнате, поискать какие-то старые записные книжки с контактами знакомых. Вдруг среди них есть влиятельные люди, готовые помочь?

Страх пеленает в свои объятия, когда вхожу в квартиру через незакрытую обгорелую дверь. Она мокрая, но я не знаю, как ее высушить и получится ли вообще. По сути, надо заменить, но откуда взять денег? От множества вопросов гудит в голове.

Вхожу в коридор, и глазам предстает неприглядная картина. Все вещи остались там же, где их бросили. Что поделаться, принимаюсь за уборку... Быструю, потому что нужно еще к отцу ехать, отвезти ему вещи первой необходимости и документы. С дверью решаю ничего пока не делать, просто прикрываю, плотно вжимая в косяк. Замок заклинило, и чинить его я не умею. Пусть...

Не успела я собрать и малую часть одежды для отца, как послышались шаги за дверью. Ледяной страх сжимает горло. Что если вернулся поджигатель, завершить начатое?

Может быть, стоит вызвать полицию? Надо было сразу обратиться за помощью, но они не предложили, хотя допрашивали долго, выпытывая кого подозреваю, есть ли у нас с отцом враги...

А ведь Абашев предупреждал, что всё кончится плохо, придут коллекторы, кредиторы и прочие желающие покарать отца за его грязные махинации. Так-то, папа, хотел ты весь мир обмануть и считал себя самым умным, а в итоге ты теперь в больнице, сын твой в тюрьме, а я...

От испуга я даже бритву отца из рук роняю, и она шлепается о кафель в ванной. Выдает с головой место, где я спрячусь. Тяжелые шаги раздаются все ближе. От ужаса липкий пот стремительно бежит по позвоночнику, меня шатает от страха, усталости и стресса. Начинаю метаться по тесной ванной, закрываюсь на щеколду, хоть и понимаю, что это бесполезное занятие.

Дверь затряслась и задрожала, кто-то начал дергать ее на себя.

— Кто там? — испуганно пишу, всё еще надеясь, что там полиция или соседи.

Вот я дура, надо было пересилить себя и заняться починкой двери.

— Открывай! — гаркает грубый голос, от которого у меня душа уходит в пятки.

— Кто вы? Что вам надо?!

— Открывай, я сказал! — басит мужчина и барабанит в дверь, а потом просто дергает ее на себя и вырывает с мясом, вытаскивает меня из ванной и толкает идти по узкому коридору по направлению к кухне.

От ужаса еле-еле двигаю ногами, на табуретку буквально падаю, вцепляясь в сидушку, тарашусь на двух огромных мужчин в черных футболках и камуфляжных штанах. На их суровых лицах ни единого проблеска доброты и сострадания. Сожмут и раздавят, как жалкую букашку.

— Кто вы? — сиплю.

— Долги отдавать когда будешь? — жестким голосом спрашивает лысый громила с пудовыми кулаками.

— Долги? Какие долги?

— Дурочку из себя не строй. Батя твой где?

— Он в больнице, дымом надышался, это вы дверь подожгли? — неосмотрительно задаю вопрос, который приводит лысого в ярость.

— Дверь? — ревет он, подтаскивая меня к себе за футболку, в которой я ходила по дому. Держит легко, как пушинку. Зловонное дыхание заставляет меня зажмуриться. — Да скажи спасибо, что мы тут всё не сожгли к хренам!

— Отец в больнице, это правда, я тут одна, я не знаю ни про какие долги, у меня нет денег, нет... Пожалуйста, отпустите, — умоляю бандита, который, поморщившись, отшвыривает меня от себя. С усмешкой оборачивается к своему напарнику, тот ходит по кухне и зачем-то заглядывает во все имеющиеся коробки и банки в ящиках и на полках. Деньги ищет? Но там ничего нет. Или я о них не знаю.

— Вот так всегда, — возмущается себе под нос, — одна и та же песня каждый раз. Денег нет, денег нет, а у самих всегда есть, да, девочка? — со злым прищуром смотрит на меня. — А если нет денег, есть что-то другое, верно?

— Другое? — недоумеваю, приликая к стене и обнимая себя руками. Мельком гляжу на выход, но мой взгляд тут же замечают.

— Сбежать вздумала, дурная? Сядь и давай вспоминай, где твой батя деньги прячет!

— Я не знаю, ну как вам объяснить? Я вообще отсутствовала, недавно вернулась, нет у меня ни денег, ничего. Я не отвечаю за отца, и деньгами он со мной не делится, даже если они у него есть.

Тупо наблюдаю, как амбал громит кухню, с мясом вырывая ящики и кидая их на пол. От грохота вжимаюсь в табуретку, на которую снова села. Ноги не держат. От дрожи меня начинает колошматить, зуб на зуб не попадает. За что мне это всё? Ну за что?

— Мы ведь весь дом выпотрошим, но бабло найдем, а потом за тебя примемся. Вдруг ты их где припрятала! — ржет ужасным, скрежещущим по нервам смехом тот, что вытащил меня из ванной. — Поищем в укромных местах.

Холодный страх парализует меня напрочь, отключает разум. Всё, что я вижу, это нож. Выпавший из ящика нож возле моих ног. Много ли я могу сделать с кухонным ножиком против двух мощных бандитов? Не знаю. Но мной движет инстинкт самосохранения. Я должна попробовать! Хотя бы попытаться!

Но я не успеваю даже метнуться к оружию, не то что использовать, бандит предвосхищает мое действие и одним движением руки хватает меня за шкуру. Встряхивает, как беспомощного котенка.

— Ты посмотри, какая шустрая и глупая девчонка, — скалится мне в лицо, — говорят, брат ее на зоне тоже кочевряжился, когда его жизни учили. Сразу видно, родственнички, — швыряет меня на пол, а второй нажимает ногой на нож.

Они стоят сверху и глумятся надо мной, обзор мне закрывают жгучие слезы, брызнувшие из глаз. Знаю, они не помогут, не разжалобят этих животных, им всё нипочем, но я не могу остановиться.

— Что с моим братом? — спрашиваю без особой надежды услышать ответ.

Громила приседает на корточки, обманчиво ласковым голосом отвечает:

— Почикали его немного, чтобы поговорчивее был. Не хочет зарабатывать, как все честные люди, сдавать деньги в общак и долг отрабатывать. Расслабился Артёмка на тюремных харчах. Порядки не понял, так ему разъяснили. Не переживай, — видя ужас в моих глазах, дополняет свой страшный рассказ: — Жив он. Пока. Если будет слушаться, даже пальцы ломать не станут, он вроде малюет неплохо, а пахан местный мазню любит. Да что ты дрожишь, дура? Каждый служит по назначению. У твоего брата талант, а у тебя несколько дырок! — хохочет, довольный своей шуткой.

Второй нетерпеливо подгоняет его:

— Сколько мы тут возиться будем? У нас еще пять точек сегодня. Работой завалили — не продохнешь.

— Так то ж работа, а тут приятное с полезным, — бормочет бандит, — девочка смотри какая ладная. Свеженькая. Так, детка?

— Что? — как дура хлопаю глазами, не в силах понять, куда потекла беседа.

Я еще не отошла от новости, что на моего брата напали в тюрьме из-за долгов отца и он пишет картины для какого-то местного главаря, как меня немедленно вернули в реальность гадкие улыбки и скабрезные намеки. Неужели они хотят...

— Да не бойся ты, совсем мозги работать перестали от страха. У тебя выпить есть? Пожрать? Давайте посидим как приличные люди, ты поговорчивее станешь, — протягивает руку и лапает грудь, за что получает шлепок по крупной ладони, и тут же меня поднимают вверх, заставляя глядеть в глаза и перебирать ногами в воздухе. — А я ведь хотел похорошему, вижу же, что неопытная, а ты всё никак не поймешь, кто тут главный, — цедит сквозь зубы, сминая руками мою грудь.

Ужасно больно и противно, я сжимаюсь от первобытного ужаса и покрываюсь липким потом. Дышать не могу. Думать. Я бессильна перед этими мужчинами, которые сейчас меня изнасилуют. На задворках сознания мелькает идея, как можно попытаться спастись. Безумная, отчаянная, но я не вижу иного выхода.

— Пожалуйста, подождите, пожалуйста, — хрипло умоляю.

— Опять ждать? Что, всё надеешься, что не придется платить по счетам? Ждешь добрую фею с крылышками и волшебной палочкой?

— Нет, за меня могут заплатить. Мой жених. У него есть деньги, много денег. Он очень влиятельный человек. Я скоро выйду за него замуж, мы уже день свадьбы назначили. Карим Абашев, он...

В глазах обоих бандитов рождается испуг. Сама не верю тому, что вижу, но они мгновенно меняются в лицах. Меня отпускают, смотрят теперь другим взглядом, хоть и с ноткой недоверия. Веселость исчезает напрочь.

Неужели я смогла до них достучаться? Неужели Абашев могущественнее всех этих людей, которые выбивают из нашей семьи долги с помощью коллекторов?

— Абашев? Ты уверена?

— Зачем мне врать? — чуть не плачу. — Я же говорила, что недавно приехала, а так я у него жила, сюда вернулась за вещами, потом случился пожар, я задержалась, но скоро свадьба. Правда! Вы же можете ему позвонить, проверить. Назовите мое имя.

Переглядываются. Видимо, они знают Абашева, потому такая реакция. И знают, что невесту такого опасного человека лучше не трогать. Замираю в ожидании, молясь всем богам, чтобы они всё же позвонили Кариму. И чтобы он откликнулся и спас меня.

— Ладно, твоя взяла, — кивает лысый бандит и морщится, — что за жизнь? Столько времени на тебя потеряли, а тебя и трогать нельзя!

— Так вы позвоните Кариму? — немного вылезаю из своей трусливой оболочки, примеряя на себя роль невесты влиятельного человека. — Если сделаете это быстро, я даже могу не рассказывать, что вы тут со мной делали.

Мужчина оценивающе прищуривается, но никак не комментирует мои слова. Они оба уходят из коридора и кому-то звонят. Я не слышу ничего. Не разбираю ни звука. В голове непрекращающийся гул, словно кто-то включил пылесос и заодно забил мне ватой уши. Обнимаю себя руками и пялюсь в пол. Везде снова бардак. Гораздо хуже, чем раньше. Но я точно знаю, что больше не прикоснусь к уборке.

В этом доме мне небезопасно, здесь мне нельзя оставаться. Папа довел нас с братом до предела, его грязные делишки привели нас к катастрофе. Я не знаю, чем всё это закончится, но именно в эту минуту я заливаюсь слезами и рисую в голове страшные сценарии — один хуже другого...

— В общем, так...

Вздрагиваю, понимая, что мужчины вернулись в кухню. От них разит решимостью и собранностью. Что они будут делать?

— Можешь быть свободна. В следующий раз сразу называй имя покровителя. У нас оплата не почасовая, заплатят за количество адресов. А ты времени нам потратила уйму. Эх, бедовая, живи пока, смотри хорошо отблагодари Абашева, тебе повезло с женихом.

Громкие шаги, хлопок двери, и меня оставляют одну.

Что теперь? Мне самой позвонить Абашеву? Поблагодарить? Что они ему сказали и что он ответил? Я с ума сойду от стыда, когда придется держать перед ним ответ. Пусть сейчас я спаслась от насилия, причиненного двумя страшными бандитами, впереди меня будет ждать расплата в постели Абашева. Думать об этом невыносимо, не помогает уверенность, что выбора не было. Возвращается липкий стыд, отвращение. Я продала себя. Продала!

Ведь он сразу мне дал четкий расклад, что я должна для него сделать, и вряд ли он оступится. Нет, я не смогу, не смогу взять и позвонить ему. От напряжения меня разбирает истерический смех. Так и с ума сойти недолго. Надо как-то взять себя в руки, умыться, позвонить в СИЗО. Мне нужно немедленно знать, что сделали с Артёмом! Его Абашев

должен тоже защитить, если я пойду на его условия.

А вдруг они станут другими? Вдруг он потребует от меня чего-то похуже? Впрочем, что может быть хуже, чем лечь в постель с тем, кого презираешь, и стать инкубатором для его ребенка?

Дрожащей рукой беру телефон и набираю номер Абашева. Ведь перед смертью не надышишься. Куда мне тянуть? Может быть, я не доживу до завтрашнего дня, если не пойду на его условия. Или мой брат...

Звучат гудки. Они иглами колют мне прямо в мозг. Напряжение запредельное.

— Да? — слышу на том конце стальной голос Карима и тут же кидаюсь в омут с головой.

— Я согласна.

— Кто это?

В смысле? Язык тут же прилипает к нёбу, а в голове сумбур. Но не успеваю среагировать, как звучит грубоватый смех в трубке.

— Расслабься, Софья. Я тебя узнал. Что ты хотела? Передумала? — его голос звучит так, словно он ни капли не сомневался в этом исходе. Ненависть к нему вспыхивает с новой силой. Как же я смогу? Как выполню то, что сейчас должна пообещать?

— Я согласна стать вашей женой в обмен на защиту, — выдавливаю из себя, сцепив зубы.

— Интересно, — медленно тянет звуки, — и с чего ты вдруг переменяла мнение?

— Мне сказали, что брат ранен! Вы должны ему помочь, и немедленно! Или... вы это и без меня знаете, — добавляю сдавленно. Силы покидают меня. Рассказать про визит бандитов не хватает уже решимости. Артем важнее. Его жизнь в опасности!

— Собирайся, за тобой приедет водитель.

— В доме сломана дверь, я не могу так всё оставить, — господи, что я несу? О чем беспокоюсь? Это уже видимо нервное. Теряю разум, цепляясь за мелочи, в попытке хоть немного отстрочить расплату.

— Почему дверь сломана? — безразлично интересуется Карим.

— Здесь были бандиты, — подавляю нервный смешок. — Надеюсь, это не вы их прислали.

Короткое ругательство. Не понятно, на кого злится Карим. На меня, на ситуацию, на бандитов?

— Починят твою дверь, никто не попадет в ваш жалкий домишко, если ты так об этом переживаешь. Водителя я уже отправил, жди.

— Мне нужно собрать вещи...

— Тебе вряд ли они понадобятся.

— Почему? — почти выкрикиваю нервно.

— Софья, успокойся. Я уже думаю, что надо бы и врача прислать. Ты в порядке?

От того что мой враг проявил сочувствие, пусть и минимальное, глаза начинает жечь от слез.

— Со мной все нормально. Главное узнать как Артем. Умоляю... Я только ради него согласилась.

— Я уже понял, как важен тебе статус мученицы, — перебивает резко. Я уже дал распоряжение, в СИЗО едет адвокат. Собери минимум самого необходимого, водитель будет через двадцать минут. Отвезет тебя в мою квартиру в центре. Я приеду когда освобожусь.

Что на это ответить? Да, хозяин. Я буду ждать, терпеливо и покорно? Но я совсем не такая!

— Тебе обязательно меня постоянно унижать и подчеркивать, какая моя жизнь жалкая по сравнению с твоей?! — вырывается у меня. Даже на ты внезапно перехожу, хотя предпочитаю держать дистанцию с Абашевым.

— Упаси боже унижать тебя, мне это неинтересно, — в тон отвечает Карим. — Я просто говорю как есть. Хочешь поспорить и потратить мое время?

— Значит, ты будешь указывать мне, что говорить, а что — нет? Я думала, что стану женой, а не рабыней!

— Молодец. Верно уловила. Я буду говорить, как вести себя моей жене. Дерзить мне точно не смей. Это ясно? Иначе никакого договора не будет. Ты и так тянула слишком долго.

Карим отбивается, телефон едва не выскальзывает из моих рук, а я даю наконец волю слезам. Их очень много, меня накрывает сильная истерика. Только за пару минут до приезда водителя успеваю чуть прийти в себя, умыться. Вещи собрать не успеваю. Ношусь по дому, осознавая, что Карим прав. Красть у нас нечего, так что мое замечание по поводу неисправной двери было более чем глупым. Отец продал все ценное, что было. Особенно когда Артема забрали.

Бросаю в сумку несколько платьев, белье, косметические принадлежности, старенький ноутбук, пару книг. Все очень хаотично. Фотоальбом, где еще можно увидеть другую семью. Счастливую. Любящую.

Не знаю зачем беру его. Словно сюда уже не вернусь. Я ведь не в рабство продаюсь, это все временно. Да, мне придется сделать то, что противоречит моим убеждениям. Но это не означает клеймо на всю жизнь, не так ли?

Не знаю, может быть успокаиваю саму себя.

Пока собираюсь, водитель Була решает вопрос с дверью, вызывает бригаду, очень быстро привозят новую, очень красивую и добротную дверь. Она будет глупо смотреться на нашей халупе, думаю с грустью.

Через полтора часа, оставив рабочих заниматься установкой, мы с водителем Карима уезжаем. Неразговорчивый громила буркает, что новые ключи передаст мне завтра утром.

Я благодарю рассеянно, думая о том, что отца еще как минимум неделю собираются продержать в больнице, но он ведь и сбежать может, и не попадет в дом.

— Хорошо, решим, — кивает Була.

— Каким образом?

— Твоему папаше лечиться давно пора, от алкоголизма.

— Мы давно пытались, но ничего не получается, — вздыхаю.

— Я знаю место, где получится.

— Не понимаю... Это вам зачем?

— Чище город будет. Ты же за решение проблем продалась? — холодно бросает водитель. — Это твоя проблема. Ее решат. Папаша придет в норму. Так что не парься, что домой не попадет. Он как минимум два месяца будет в клинике. Сейчас отвезу тебя, им займусь.

— Он не поймет... Не захочет.

— Он либо пройдет лечение, либо сдохнет от своей пагубной привычки. Ты же сама это понимаешь.

Ничего не отвечаю. Может и правда все к лучшему? Правда расплата мне предстоит

жестокая. Лечь под нелюбимого мужчину.

Даже в этом есть доля лицемерия. Потому что год назад я была очарована Каримом. Влюблена. Тайно.

Стыдно вспоминать о своих глупых наивных фантазиях. Карим был знаком с моим братом давно, иногда заезжал к нему. Я смотрела тогда на высокого темноволосого мужчину, всегда дорого и стильно одетого, как на прекрасного принца. Совсем девчонкой была, вот и броди в голове романтические мысли. Глупые и наивные.

Конечно, я не ждала что он обратит на меня внимание. Не верила в это, но перед сном иногда мечтала о поцелуях с ним. Сколько мне тогда было? Пятнадцать? Шестнадцать? Потом, однажды, спустя годы, брат попросил меня сопровождать вернувшегося после долгого отсутствия Карима, в галерею. Это было настолько неожиданно для меня. Тот вечер стал балом Золушки. Я нарядилась, под руку с Каримом Абашевым вышла из дорогой машины, чтобы посетить выставку работ моего брата. Меня приняли очень хорошо, ведь я часто бывала в этом месте, подрабатывала там, помогала брату. Ирма, хозяйка галереи, очень хорошо ко мне относилась. Очень любила моего брата. Сейчас те счастливые времена вспоминать очень больно. Карим вёл себя со мной подчёркнуто вежливо, делал комплименты, я ужасно смущалась. Дальше не последовало никаких больше встреч. Я ждала поначалу, потом сказала себе, что полная дура. Что у нас может быть общего? Мы возвращаемся в слишком разных кругах. И вот, спустя год после того события, Карим становится палачом для моего брата. А меня покупает, как вещь. Да, все проблемы принёс в нашу семью прежде всего отец. Он виноват во всех несчастьях. Я это понимаю и не делаю из Карима исчадие зла. И всё-таки, он человек, который уничтожает мою личность.

Сейчас часть меня, наивно и глупо верит, что он должен бескорыстно помочь, а не требовать платы, тем более, такой жестокой. Я хотела от него романтики, нежности, а не грубых приказов.

Как это будет между нами? Механически? Жестоко?

Нет, лучше не думать об этом, иначе я сойду с ума!

* * *

Машина притормаживает возле элитного комплекса многоэтажек. Охраняемая территория, высотные дома, будто бы сделанные из стекла, море огней, шикарные автомобили. Захватывает дух. Я бы и ахнула от восторга, если бы не смотрела сейчас на свою будущую тюрьму.

— Это городская квартира Карима Исхановича, — поясняет зачем-то Була, даже не утруждаясь повернуться ко мне, предоставляя пялиться на его бычью шею, — недалеко его офис.

Киваю в ответ, благодаря за ненужную информацию. Мне она ничего не дает, но врожденная вежливость диктует сохранять нормы поведения даже с врагами.

Водитель выбирается со своего места и направляется к багажнику, чтобы забрать мои вещи. Выбираюсь наружу вслед за ним. Стою возле машины, сиротливо сложив перед собой руки. Зябко. Но не от холода, а от внутренней дрожи, которая меня не покидает. Я столько плакала, что чувствую себя болезненной, а кожа на лице противно натягивается.

Була поторапливает меня, по дороге молчит, словно он немой.

Осматриваюсь в квартире, которую он открывает ключом. Пропускает меня внутрь и уходит не прощаясь. Как бездушная машина, а не человек.

Продолжаю осмотр, расхаживая по апартаментам Абашева. Они похожи на роскошный

номер-люкс в каком-нибудь престижном отеле. Здесь несколько комнат, большая кухня, круглой формы холл — места очень много. Шикарная отделка, интерьер в темных тонах явно от самого крутого дизайнера. Дизайн лаконичный, мужской, это явно квартира холостяка или бизнесмена. Всё очень современное, стильное.

Захожу в одну из комнат и столбенею. Широкая кровать под черным покрывалом навевает ужасные мысли о том, что мне предстоит пережить.

Интересно, многих своих женщин Карим приводил сюда? Это любовное гнездышко для встреч с его пассиями? А что, удобно. В перерывах он может приезжать сюда из офиса, делать свои дела и возвращаться на работу.

Дела...

Какое абстрактное и нелепое слово, обозначающее то, что со мной сотворит этот мерзавец. Выскакиваю из спальни как ужаленная, отчаянно пытаюсь взять себя в руки.

Направляюсь дальше по коридору. Начинаю рассматривать абстрактные картины. Вот они здесь точно не дизайнером повешены. Абашев и правда интересуется искусством и повесил каждую картину в доме явно не просто так.

Прячу в себе нелепое желание расспросить о них в подробностях. Я не знаю, как мы будем с ним общаться, но я уверена, что не могу перебороть в себе отвращение к этому ужасному человеку. Он циничный мерзавец, который без зазрения совести воспользоваться бедственным положением моей семьи, чтобы вынудить меня согласиться на его мерзкое предложение.

Меня передергивает от ярости и ненависти, в крови бушует злоба на него. На жизнь. На обстоятельства. Но сейчас я подавляю в себе всё это. Надо успокоиться. Подумать, как четко сформулировать мои требования. Это соглашение должно быть взаимовыгодным. Карим может и обмануть меня — использовать в своих целях и никак не помочь моему брату. А Тёмка без меня не справится в тюрьме...

Звонок в дверь переливчатым звуком разносится по всей квартире. Кто это? Испуганно замираю. Неужели Абашев? Но у него же явно есть ключ.

— Кто там? — спрашиваю. Как глупо... Веду себя как ребенок, которого оставили дома и сказали не открывать никому чужому.

— Это Регина, помощница Карима Исхановича, откройте, пожалуйста, — слышу вежливый, хорошо поставленный голос, словно говорит учительница.

— Здравствуйте, проходите.

Впускаю в квартиру женщину с двумя сумками в руках. Высокая, стройная блондинка с каре и в очках, в бежевом брючном костюме. Деловито входит в дом и сразу же направляется на кухню. Очевидно, что она была здесь не раз.

— Я помощница Карима Исхановича по хозяйству, меня зовут Регина, — еще раз представляется, протягивает холеную руку с кольцами, — он попросил принести вам продукты. По бытовым вопросам вы можете обращаться ко мне. Телефон — на холодильнике.

Наблюдаю, как она методично выкладывает продукты из больших квадратных сумок на молнии. Несколько контейнеров, упаковок, хлеб, сыры, нарезки, овощи, чего тут только нет. Забывает весь холодильник доверху, начиная мне объяснять, что к чему.

Внимательно слушаю, благодарная этой женщине за то, что она меня отвлекает. А еще за то, что она ведет себя вежливо и по-деловому, ничуть не вторгаясь в личное пространство и не отвечивая неуместных комментариев. Она просто делает свое дело, для которого ее

наняли.

— Подождете минут пятнадцать? Я накрою на стол, — говорит под конец своего монолога.

— Накроете? Да не надо, я сама...

— Карим Исханович дал четкие указания, чтобы я занималась кухней, — твердо говорит Регина, и я киваю, решив пойти в ванную и умыться.

Значит, Карим Исханович дал четкие указания? Кажется, Абашеву нравится приказывать и держать под контролем все аспекты своей жизни. Он не упустит и крупицы этого контроля. Раздражение нарастает во мне, смешиваясь внутри вместе с нервозностью в жуткий коктейль. Руки даже дрожат, до такой степени я перенервничала и устала.

Вожусь в ванной даже больше пятнадцати минут, поэтому, когда вхожу в кухню, Регине приходится заново подогреть мне жаркое с картошкой. Я вроде бы не хотела есть, но, как только чувствую аромат пищи, желудок реагирует соответствующе.

— Спасибо большое, — улыбаюсь Регине, присаживаясь на самый краешек стула.

Мне будто кажется, что если я буду осторожничать, то получится пройти по краю жизни Абашева и он меня не заденет. Но так только кажется. Уверена, что этот мерзавец проедется по мне бульдозером, истерзав тело, разворотив нутро, не оставляя за собой ничего, кроме пустой оболочки без чувств и эмоций.

Регина уходит, снова остаюсь в одиночестве. Мое состояние ухудшается с каждой секундой. Рой мыслей. Паника. Страх за жизнь и здоровье брата выжигают в сердце дыру.

Что если Карим обманет, не поможет брату?! Я не могу ему доверять!

Конечно же, есть и переживания по поводу нашего «договора».

Сердце разрывается от страха перед предстоящей ночью. Пытаюсь напомнить себе, что я сильная девочка. Со всем могу справиться. Давно привыкла решать свои проблемы самостоятельно, и не только свои. Но почему же тогда так отчаянно хочется позволить себе слабость забиться под одеяло и зареветь в голос.

Такой меня обнаружит в своей холостяцкой квартире Абашев? Жалкой, испуганной...

Нет! Не дождется!

Звук поворачивающегося в замочной скважине ключа царапает нервы. Я успела принять душ, надела новый комплект белья, платье. Сидела в гостиной, пялясь в телевизор, который показывал какой-то трогательный сериал. Мне бы куда больше по настроению подошел фильм ужасов, но даже щелкать каналы не было сил.

Вымытые и высушенные волосы я оставила пышной копной рассыпанными по плечам.

В горле пересохло.

Поднимаюсь с дивана, встречаю Абашева, вытянувшись по струнке как на детской линейке.

— Добрый вечер, — произношу вежливо.

— Здравствуй, Софья, — его голос звучит низко. Мои рецепторы трепещут, реагируя на каждый отголосок.

Не представляю что делать дальше. Подойти? Чтобы потрепал как верную собачку по загривку, мрачно иронизирую мысленно.

Слегка кружится голова. То ли от паники, то ли от аромата, наполнившего легкие. Уникальный, ни на что не похожий. Сочетание аромата кожи и терпкого грейпфрута. Одним своим присутствием Абашев словно сдернул с меня столь трепетно выстроенную защиту, оставив мои нервы оголенными и беззащитными.

Заставляю себя выдержать его взгляд, не отвести глаза. Рассматриваю его красивые черты: тяжелый подбородок, подчеркнутый тенью однодневной щетины, четкие скулы, упрямые густые брови. Старый шрам над левой бровью придает Абашеву еще более опасный и диковатый вид.

— Итак, ты здесь.

— Это сюрприз? — не могу не поддеть горько.

— Я не был уверен, — спокойно отвечает Карим.

Кажется он не настроен на пикировку. Чтож, это понятно. Он и так победил в нашем противостоянии.

— У меня не было выбора, вам это прекрасно известно.

— Я больше не хочу слышать выканье, Софья, — перебивает резко. — Напоминаю условия. Брак будет официальным. Тебе придется снова общаться с моими родственниками. Играть роль счастливой невесты. Притворяться, что влюблена. Впрочем, я не собираюсь делать тебя несчастной. Все будет зависеть от твоего подхода и отношения. Пока, как я вижу, ты наслаждаешься ролью жертвы. Жалеешь себя.

— Я не просила психологический разбор своего состояния, — бормочу себе под нос. —

Пойду накрою на стол. Регина очень много привезла продуктов.

Но Абашев в два шага оказывается возле меня. Останавливает за руку.

— Ты голодна?

— Нет!

— Я тоже. Был ужин с партнерами.

— Я... тогда пойду... Поставлю чайник.

— Тебе не кажется, что бежать некуда? — спрашивает с легкой насмешкой.

Протягивает руку, проводит кончиками пальцев по моей щеке. Вздрагиваю всем телом.

— Я не насильник, Софья. Ты можешь отказаться. Була прямо сейчас отвезет тебя обратно, — Абашеву явно не понравилась моя реакция. Он разозлился.

— Нет! Я же сказала...

— Сказала что?

Пауза. Самая невыносимая из возможных. Пытка продолжается. Он хочет озвучить все до конца. До полного моего унижения.

— Я... На все согласна, — выдавливаю шепотом.

— На что именно? — продолжает настаивать. — Хочу, чтобы ты уточнила

О да, не приходится сомневаться — ему нужно максимально полностью растоптать мои чувства! Чтобы не осталось и ошметков гордости. Как же сильно желание стереть ухмылку с ненавистной физиономии!

Отворачиваюсь, но жесткие пальцы стискивают мой подбородок, вздернув голову вверх, принуждая смотреть в глаза.

— У меня не так много времени, Софья. Брак и наследник нужны для партнерства. Е которое меня только женатым возьмут. Глупое условие, но я смирился. Так что, раз у меня вышло, ты тоже сможешь. Плохая новость в том, что ждать, пока ты договоришься со своими убеждениями и совестью, я не намерен. Не могу себе этого позволить. Хотя и у тебя нет времени, не так ли? Ты же хочешь, чтобы Артем вышел как можно скорее на свободу.

— Я уже сказала, что сделаю... что ты захочешь, — облизываю пересохшие губы. Отстраняюсь от его руки, делаю шаг назад. — Только помоги моей семье. Моему брату. Була сказал, что папу отправят в клинику...

— Уже отправили.

— Спасибо.

Виснет пауза. Карим смотрит на меня выжидательно.

Нужно признаться, что я невинна. Что не умею ничего. Совершенно неискушенная.

Он один был для меня мужчиной, желанным, предметом грез. пока не разбил сердце, уничтожив моего брата. Все мои мечты и чувства разбились вдребезги в тот день...

— Я не хочу чувствовать себя насильником, Софья, — жестко произносит Абашев, впиваясь в мое лицо яростным взглядом. Под натиском холодных, абсолютно черных глаз окончательно капитулирую.

— Все решено, Карим.

— Что именно? — нагло выгибает бровь. — Хочу, чтобы ты произнесла это вслух.

— Я стану твоей невестой, — стараюсь сделать голос твердым. Тщетно. — Женой. Инкубатором. Тебе это нужно?

Несусь с отвесной скалы в самую тёмную бездну. Падаю и разбиваюсь. Господи, пусть все это окажется ужасным кошмаром. Эти слова, его холодность. Но увы, это реальность,

вколачивающая в мое сердце ржавый кинжал.

— Хорошо. — Карим чуть наклоняется к моему лицу, опаляя дыханием кожу.

Всего мгновение, чтобы заметить едкое пламя в его взгляде. Мгновение, за которое успеваю испытать всю гамму боли.

Карим стал для меня с этой минуты личным ядом, против которого я так и не выработала иммунитет. Это безумно больно. Смотреть на человека, который был моей первой любовью. Этого унижения я никогда не смогу простить. По крайней мере, у меня не осталось иллюзий насчет того, можно ли было что-то исправить. Зато теперь знаю, что Абашев не тот мужчина, ради которого стоит рвать сердце.

Больше не могу ждать, терпеть его горящий взгляд. Высвобождаю одно плечо, второе. Одним движением сбрасываю с себя платье, оставаясь перед Каримом в одном белье, и не давая себе волю прикрыться руками. Самая страшная и постыдная минута в моей жизни длится бесконечно долго... Мои глаза опущены, но кожу жжет и покалывает, я чувствую горячий взгляд Абашева, жадно изучающий, пожирающий меня.

— Хорошо. Мне нравится твоя инициатива, — хриловато-насмешливо произносит Абашев. — Идем в спальню.

Это звучит как приказ. Вздрагиваю всем телом. Происходящее унижительно, это заставляет меня задрожать еще сильнее.

Сознание слегка плывет. Может быть, в этом мое спасение? Если я отключусь прямо сейчас, сжалится мой палач?

Но стоит покачнуться, Карим подхватывает меня под локоть. Обнимает за талию. Отшатываюсь от него так резко, что едва не падаю. Карим удерживает, поднимает меня на руки и несет, держа перед собой, так легко, словно ничего не вешу.

Так жених переносит невесту через порог, в брачную ночь. Горькая ирония, ведь наша история совсем иная.

Касание его ладоней обжигает. Меня прошивает незнакомое чувство, невероятно острое. Будто опалило огнем.

Мужская спальня в холодных черно-серых тонах. Стильная, современная. Подходит владельцу — отмечаю, мазнув по интерьеру взглядом. Мне совершенно не до этого, просто попытка отвлечься от происходящего.

Карим опускает меня на постель. Сразу сажусь, подобрав под себя ноги, обхватив себя руками.

— Софья, не трать силы на представление, — произносит холодно Абашев.

— Я ничего не делаю! — кричу без надежды, что поверит.

— Ты играешь в жертву, — лицо Абашева мрачнеет. Воздух наполняется электрическими разрядами.

Он начинает резко срывать с себя одежду. Наблюдаю заворуженно. Тело покрывается испариной.

Неужели он правда так поступит? Но мы ведь еще не женаты! Хотя, вряд ли его это остановит. Он меня купил.

Может делать что угодно, я не имею права голоса.

Это расплата.

Невольно задаюсь вопросом, что приносит этому человеку удовлетворение? Чужое унижение? Ему правда нравится покорять женщину силой и шантажом?

Карим опускается рядом на постель, мысленно прячусь в свою раковину, где меня не достать, не ранить. Рядом с моим бедром в покрывало упирается мужская рука. Сильная, крупная. Запястье покрыто порослью черных волос. Не слишком густых, но почему-то при взгляде на эту руку образуется ком в горле.

Поведение Карима — безжалостно, внутренний голос подсказывает, что просить его о чем-либо бесполезно.

Сейчас эта рука будет трогать меня... везде.

Без нежности, ведь с вещью она не нужна.

Все мое существо противится насилию.

Я не переживу все это, но должна. Ради брата, у которого больше никого нет. Я обязана держаться...

Внутренний голос умоляет о побеге, но я понимаю, что это невозможно.

Кусаю губы, чтобы подавить поднимающуюся волну паники.

— Что тебя так пугает? — спрашивает вдруг Карим. — Только не говори, что ты еще ни разу...

И замирает, читая истину в моих глазах. Мрачнеет. Подается назад, шепча под нос ругательство.

— Я этого не хотел, Софья. Ты сама пришла. Бояться поздно.

— Я не боюсь.

— Отлично.

Мужская рука ложится мне на затылок, по телу пробегает горячая волна. Карим проходит ладонью по моей спине. Вздрагиваю. Трепещу. Это еще хуже. Ласка провоцирует слезы. Это как отсрочка казни.

Рука скользит на ягодицы, и они тут же покрываются мурашками. Всем телом ощущаю его горящий взгляд, пристально рассматривающий меня.

Еще ни один мужчина не видел меня обнаженной.

Дергаюсь всем телом, стараюсь отстраниться, меня затапливает паника.

— Не двигайся.

Резкий приказ заставляет замереть. Воздух потрескивает от напряжения. Я бы хотела не чувствовать, отстраниться хотя бы ментально, но не могу. Каждое прикосновение откликается. Реагирую на каждый мужской вдох.

Руки Карима повсюду. Гладят, успокаивают, ласкают.

В голове проносится ураган мыслей, самых разных и противоречивых.

Кожа горит огнем, кажется еще немного, и эти ласки окончательно лишат меня воли и разума.

— Посмотри на меня, — звучит отрывистый приказ.

Крупные мужские пальцы ложатся на мой подбородок, сжимают его и приподнимают.

У него длинные густые ресницы, — зачем-то отмечаю это про себя. Очень темные. Взгляд черных как ночь глаз завораживает и обжигает.

— Пусть это будет быстро, — шепчу с отчаянием, чувствуя себя бесконечно уязвимой перед этим красивым монстром. Глаза Абашева вспыхивают красноватыми всполохами.

— На это не рассчитывай. Я люблю наслаждаться своими подарками.

Горло сжимается от этих слов.

— Тебе нравится причинять боль?

То ли мне показалось, то ли правда замечаю страдание, промелькнувшее во взгляде? Всего секунду, а потом спряталось в черных глубинах зрачков.

— С чего ты взяла, что будет больно?

Слезы щиплют глаза.

— Не сказал бы, что девственность приятный бонус, — хрипло произносит Карим. — Скорее всего, будет поначалу не сильно приятно.

Жар и холод бегут по спине одновременно.

Свет и тень играют бликами на неумолимом лице.

Абашев подается вперед, придавливая меня к матрасу. Сжимает мои запястья, заведя руки за голову, захватывает в плен мой рот.

Его губы горячие, поцелуи обжигают, лишают кислорода, не давая сделать вдох. Вырываюсь инстинктивно, но ничего не помогает, тогда обессиленно затихаю. Невольно прислушиваюсь к своим ощущениям, реагирую. Мягкие мужские губы ласкают, осыпают

лицо поцелуями, покусывают шею, скользят по мочке уха. Это невыносимо чувственно. Тело откликается, выгибается навстречу. Огромным усилием воли подавляю вспыхнувшие эмоции, но вскоре проигрываю.

Карим отпускает мои запястья, продолжая целовать меня, но теперь нежнее, ласково поглаживая мою шею. Он слишком искушен, я как песчинка в эпицентре бури. Меня захватывает происходящее, переносит в зазеркалье. Где совсем другая Софья. Отзывчивая и чувственная. Карим безошибочно находит самые чувствительные точки, заставляет вспыхнуть каждую клетку.

«Ты должна быть равнодушной, холодной!» — вопит разум. Но проблема заключается в том, что мое тело уже не может внимать логике.

Вцепляюсь в простыню. Нет, не могу позволить себе испытать удовольствие, нужно сопротивляться!

Новые поглаживания... Он приручает меня, как дикарку. Наслаждается сладострастными пытками, заставляя задыхаться, кусать губы...

— Такая отзывчивая...

Лихорадка. Дрожь. Желание. Неужели я на самом деле это испытываю с тем, кого ненавижу? Как такое может быть?

Меня трясет от собственного внутреннего жара, так же как от горячего мужчины, нависающего надо мной.

— Привет, реальная Софья, — мурлычет мужчина. — Приятно познакомиться.

Вспыхиваю. Умираю от стыда. За что мне такое испытание? Уже нет даже страха перед неизвестностью, перед болью.

Никогда еще меня не касались так бесцеремонно, интимно... Да что там, я обнаженного мужчину никогда не видела, тем более так близко.

— У тебя невероятные глаза, девочка. Такие огромные, испуганные. Чего ты боишься? В жизни есть много вещей и похуже.

Меня так колотит, что почти не вникаю в смысл его слов.

— Хочу, чтобы ты коснулась меня, — Карим берет мою руку и прижимает к своей груди. Чувствую жесткие волосы, обжигающий жар кожи.

Ничего не могу с этим поделать. Все что могу — издать короткий вскрик.

— Тише... будет легче. Расслабься...

Впиваюсь ногтями ему в грудь, ломая их, царапая плоть насильника до мяса, дергаю за повязку на ране. По щекам текут слезы.

— Не хочу делать тебе больно. Это скоро пройдет.

Чтобы сдержать стоны кусаю губы, но это не помогает, все равно вскрипы и стоны вылетают изо рта.

С каждым вздохом его грудь поднимается и опадает, чувствую биение его сердца. Оно оглушает.

Карим

Я бросил курить давным давно, баловался только в студенческие годы, но сейчас желание сделать крепкую затяжку нестерпимо.

Позволяю себе эту роскошь в компании с бокалом отборного виски. Слишком многое нужно переварить.

Давно не был в этом баре, неподалеку от офиса и квартиры. Отличное заведение и владелец мой хороший приятель. Обрадовался, что я заглянул к нему.

Последние годы я по уши был занят бизнесом, в родной стране появлялся редко, наездами. Похоже, на этот раз придется задержаться надолго.

Семья — это серьезно. Пытаюсь осознать последние свои решения, поступки. Выходит не очень. Место я все же выбрал для серьезных раздумий не слишком подходящее.

За соседним столиком две броско наряженные гламурные девицы все активнее демонстрируют мне свои прелести. Хлопают нарощенными ресницами, строят глазки.

Со стороны, видимо, выгляжу скучающим.

На деле меньше всего меня сейчас интересует женская компания. У меня крышу рвет от противоречивых мыслей.

О невесте.

Которую я купил.

Кто бы мог подумать, что я способен на такое.

Мы дружили с Артемом Кантемировым, давно знакомы. Я восхищался его творчеством, покупал его работы. Потом Артем предал нашу дружбу, а я в ответ, получается, забрал его сестру. Уложил в свою постель.

Паршиво это выглядит, как ни крути.

Выхожу на улицу. Вдыхаю морозный воздух, собираясь с мыслями.

Софья и сейчас в моей квартире. В моей постели. Я запретил ей спать в другой комнате. Я сделал ее своей женщиной. Силой. Шантажом. Простит ли она меня когда-нибудь за это? Нужно ли мне ее прощение?

Решил совместить задачи бизнеса и личной жизни. Так вышло, что все смешалось. Проблемы в бизнесе, новый партнер, которого я уламывал много лет на сотрудничество. Очень интересный экземпляр, меня редко так сильно впечатляют достижения коллег. Миллиардер, хозяин огромной корпорации, очень давно на рынке. Опытный, самобытный и, к сожалению, немного самодур. Петр Венеминович Вавилов готов подписать контракт со мной, только если буду в статусе женатого мужчины. Крепко женатого. Такой вот у товарища загон. У каждого из нас есть убеждения. У этого — заикленность на семейных ценностях. Залог стабильности и прочее.

Я не спорил, сначала планировал полностью фиктивные отношения, поручил своему помощнику заняться поисками подходящей кандидатуры. Найти невесту мне точно не проблема.

А потом, внезапно, в моем доме появилась сестра Артема. Ворвалась как ураган и полностью все с ног на голову перевернула.

Понятно, что хочет вытащить брата. Я бы, пожалуй, и без ее требований помог парню. Догадывался, что во всем их папаша виноват, Артем всегда был очень честным, открытым.

Думал только об искусстве, на деньги ему наплевать. Не хочу допускать, что Артем намеренно пошел на обман. Не такой он человек. Хотя все равно часть его вины есть. Нельзя быть настолько невнимательным, наивным. В конце концов, смотреть что подписываешь, как минимум.

Ладно, я ему не нянька. Здоровый давно лоб. Сам разберется.

Его сестра, невесть откуда взявшаяся в моем доме, взбесила еще сильнее. Вела себя так, словно пришла в гости к монстру. Полностью вывела из себя.

Вспомнив о Софье, опрокидываю в себя еще одну порцию горячительного. Голова слегка плывет. Забористое пойло.

Девушки продолжают стрелять взглядами, я лишь криво усмехаюсь.

Обычно я не против развлечься, тем более сейчас в таком состоянии, что все бурлит внутри. Понимаю, что дома меня не захотят. Да и нельзя сейчас трогать «невесту». Нужно, чтобы поджило все после первого раза.

С одной стороны, узнав что Софья невинна, испытал раздражение. Придется ограничиться одним разом, быть максимально осторожным, нежным.

С другой — чувство невероятного удовлетворения. Только моя. Непорочная.

Невероятно отзывчивая. Реагировала на мои ласки, сопротивлялась самой себе, но все равно я чувствовал, как ей хорошо. Только вот вне постели все куда сложнее. Когда все закончилось — убежала к себе, заперлась в ванной. Слышал ее стоны, всхлипы, сердце разрывалось. Что я наделал?

Софья

Первая мысль, с которой я просыпаюсь утром: а можно ли умереть от стыда? Мне невероятно стыдно за собственное поведение вчера ночью. Смущение затапливает с головой и душит унижением, заставляя накрыться с головой одеялом и спрятаться, как в коконе. Но от себя не убежать. Приходится встретиться лицом к лицу с правдой.

Вчера мой будущий муж — боже, это даже звучит дико — смог приручить меня и даже доставить удовольствие. Я не смогла избежать его рук, его губ, его ласк. Они меня поработили и сделали послушной игрушкой в руках опытного, знающего, как доставить удовольствие, мужчины. Моего первого мужчины...

О господи, как мне с этим жить? Как принять то, что случилось? Что же будет дальше? Он снова придет и возьмет меня? И я теперь не смогу сказать «да», это будет глупо, ведь мое порабощенное тело уже сдалось, нет смысла сопротивляться.

Абашев лишь рассмеется и безжалостно напомнит мне, как я стонала, как изгибалась под ним, хваталась за него так, словно от этого зависит моя жизнь, утопала в чувственном наслаждении.

Так вот как бывает, когда собственное тело тебя предает. Вот как бывает, когда ты оказываешься не готова к сопротивлению перед жадным натиском опытного соблазнителя. Вот что происходит, когда жестокий и властный мужчина решает, что ты принадлежишь ему. Каждой клеточкой, каждой эмоцией, каждой мыслью я теперь принадлежу Кариму Абашеву.

И он захочет забрать еще больше, ведь заставит меня стать инкубатором для его ребенка.

Что же останется мне? Гордость растоптана, разорвана в клочья. Самоуважение уничтожено. Надежда спастись и выбраться из этого кошмара тает с каждым днем. Остается

только верить, что Карим выполнит свои условия сделки. Не обманет.

Ради безопасности брата я вынуждена смириться с собственным положением.

Лежать так и мучиться унижительными мыслями я устала довольно-таки быстро. Они меня угнетали.

Я выбралась из постели и пошла в ванную комнату, в надежде что душ поможет мне отвлечься, как и смыть грехи, невыносимое чувство унижения. Достāju свои моющие средства из небольшой сумки, которую собрала с собой.

Их было совсем немного, и полотенце мне пришлось взять чужое, я нашла его в высоком стеллаже в ванной, облицованной маленькими квадратиками бирюзовых, белых и голубых плиток. Выглядела ванная очень дорого, в квартире моего мужа всё в принципе дышало роскошью и богатством, а я не могла избавиться от ощущения, что нахожусь здесь на правах гостыи. Я ощущала себя чужой и очень-очень одинокой. Пленницей в руках бездушного тирана, которому нравится мною владеть.

А мне даже довериться было некому, некому пожаловаться. Поплакаться.

С другой стороны, радовало, что Абашев поселил меня не в доме своих теток, там бы они и вездесущая Валентина не дали мне побыть наедине с собой.

Не успела я привести себя в порядок и позавтракать, как раздалась мелодичная трель звонка. Вздрагиваю. Кто бы это мог быть? Вряд ли Карим, он был открыл своим ключом. Значит, он кого-то послал. Курьера или ту самую помощницу Регину.

Когда открываю дверь, она оказывается за ней. В белом брючном костюме и ярко-зеленой рубашке, здоровается и входит в квартиру.

В руках у Регины несколько пакетов из брендовых магазинов. С улыбкой идет прямо в гостиную, отдавая меня ароматов стойкого парфюма явно элитной марки. Из тех, которые долго-долго держатся на коже и даже в воздухе, после того как их обладатель уже даже покинет помещение. «А что, удобно, — отчего-то мелькает странная мысль, — если у Абашева будет связь с Региной, этого сложно будет не заметить. Везде будет пахнуть этим цветочным ароматом, в том числе от него».

Вот о чем я думаю? Приписываю им роман, на который нет и намека. Да если бы и был, это не мое дело.

— Это не все вещи, — обращает на себя внимание Регина, — ими вся машина забита. Водитель скоро принесет остальное.

— А что это за вещи? — интересуюсь, оглядывая розовые и золотые пакеты. Вроде не еда. Кстати, об этом. — Не хотите кофе?

— Не откажусь, — взмахнув руками, Регина направляется в кухню и садится за стол с вежливой улыбкой, наконец отвечает на мой вопрос: — Как какие вещи? Карим Исханович попросил полностью обновить ваш гардероб.

— Зачем? — вопрос для Регины звучит более чем глупо судя по выражению ее лица.

— Вам должно понравиться, но если нет, можно все вернуть, — бормочет, явно раздраженно.

— Мне ничего не... — осекаюсь.

Напоминаю себе, что от моих желаний здесь ничего не зависит. Все решает Карим. Видимо считает меня оборванкой, решил приодеть. Чтож, это меньшее из зол, учитывая, что сотворил со мной этой ночью.

— Извините, Регина, я немного не в себе сегодня.

— Да все в порядке. Если что-то не понравится, на самом деле можно поменять,

вернуть, дружелюбно говорит женщина.

Примерка вещей длится по ощущениям добрых три часа. Водитель приносит коробки, пакеты, целый ворох верхней одежды на вешалках. Про обувь и белье тоже не забыли.

Оказывается, Карим даже позаботился о том, чтобы в его гардеробной освободилось место для всех этих новых вещей. Чего уж греха таить, несмотря ни на что, я начинаю получать удовольствие от обновок. Какой женщине не понравится видеть на себе модные, стильные, красивые вещи, подобранные со вкусом?

Стараюсь не думать о том, что меня одевают как куклу. Приводят в порядок. Регина после примерки сообщает, что у нас в планах салон красоты. Как же без этого. Чего и следовало ожидать. Я должна соответствовать стандартам красоты, чтобы Абашеву было за меня не стыдно.

Посещение салона напоминает экзекуцию, во время которой меня обхаживают со всех сторон. Вежливый и расторопный персонал крутится вокруг меня, совершенствуя с головы до ног. Лицо, волосы, ногти, кожа, лишние волоски на теле.

Не остается ни одного участка тела, который обошли бы вниманием.

— Завтра у нас посещение медицинского центра, — рассказывает Регина, когда мы едем домой. Мы сидим на заднем сиденье роскошного автомобиля, и я боюсь пошевелиться, чтобы не испортить прическу и макияж.

Помощница Карима сказала, что он ждет меня в ресторане. Помогает мне выбрать платье, заметив, как я растеряна. Я на самом деле благодарна за эту помощь, потому что сама совершенно не в состоянии. Все происходящее кажется сном.

— Медицинский центр? — спрашиваю недоуменно.

— Да, вам же нужно подготовиться... к беременности, — добавляет вполне невозмутимо, не обращая внимание на мое смущение. Регине оно до лампочки, просто выполняет поставленные задачи. — Так что с утра не ешьте. Нужно будет сдать анализы. Это очень хороший частный медицинский центр. Всех врачей пройдете за один раз. Никаких очередей. Удобно.

От волнения сплываю, киваю как болванчик. Сказать в ответ нечего, да и Регине кажется, особо и не нужно. Донесла информацию, на этом всё.

После многочисленных примерок и посещения салона адски хочется одного — прикорнуть в уголке, но вместо этого приходится собираться в ресторан под бдительным взором помощницы.

— Чудесно! — оценивает финальный итог своих стараний, а я рассматриваю себя в отражении зеркала. Преображение из гадкого утенка в красивого, изящного лебедя удалось. На самом деле я никогда не считала себя уродиной, но и не видела в себе девушку из тех, кому мужчины свистят на улице, чтобы выразить восторг. Я далеко не такая, обычная. Была.

Сейчас смотрю в зеркало и вижу роскошную девушку в приталенном платье цвета слоновой кости, длиной чуть ниже колена. Оно струится по телу, выделяя его изгибы и подчеркивая достоинства фигуры, а впереди, в районе талии, собрано в изящный узел, от которого расходятся красивые складки.

Сжимаю в руках длинный узкий клатч, неловко балансируя на высоких каблуках. Нервно кусаю губы и без конца поправляю волосы. Перед встречей с Абашевым жутко волнуюсь.

Безупречный внешний вид ничуть не придает уверенности.

Внутри идеальной оболочки растерянная запутавшаяся девочка на грани отчаяния.

Регина сообщает что Карим приедет за мной с минуты на минуту, просит подождать в гостиной, видимо переживая, что могу помять платье. Ну или мало ли, мне придет в голову сделать себе бутерброд на скорую руку. Я на самом деле сильно голодна, день выдался насыщенным и суматошным, перекусить было некогда. В подтверждение живот урчит жалобно. Наверное, это оттолкнет Абашева? Вот и прекрасно! Пусть заметит наконец, что я живой человек, не кукла!

Помощница Абашева покидает квартиру, оставив меня в одиночестве. Подхожу к окну. Я не жду Карима, нет. Всматриваюсь бездумно в огни города.

Я настолько ухожу в свои невеселые мысли, об отце, о брате, что не слышу как входная дверь открывается. Резко вздрагиваю, когда плечи обжигает прикосновение горячих мужских ладоней. Машинально отшатываюсь, негромко вскрикиваю.

— Я напугал тебя? Извини.

Абашев подкрался настолько бесшумно, невероятно. От этого он пугает меня еще сильнее. Своей силой и хитростью. Воплощение опасности.

— Да, я немного задумалась, — отвечаю, стараясь выровнять охрипший голос.

— Я полагал, ты в курсе и ждешь меня.

— Да. Жду.

— Мне не нужна невеста, которая шарахается от меня, Софья. Я думал, мы это предельно ясно обговорили.

— Извини. Больше не повторится. Что с моим братом? Есть новости?

— Расскажу за ужином. Дай мне двадцать минут, я переоденусь и приму душ. Жаль, что ты уже собрана, — добавляет, нахмурившись.

— Почему? — сама не понимаю, зачем спрашиваю.

— Приняли бы душ вместе, — в его голосе нет насмешки. Полная искренность. От этого все тело пронзает спазм. Зачем он издевается? И так растоптал мою гордость! Лишил невинности, опорочил, втянул шантажом в свои игры. Еще и шлюху решил из меня сделать?!

— Столько возмущения на твоем лице. Надо поработать над эмоциями, Софья. Ты должна выглядеть по уши влюбленной.

— Иначе меня заменишь?

— Боюсь, поздно. Будем исправлять огрехи.

Темные глаза смотрят так неумолимо, что понимаю — все равно придется сделать что он хочет. Мне не выиграть ни одной партии, не отвоевать ни пяди у этого монстра.

— Подумай об этом, пока я собираюсь, — бросает Абашев холодно, и уходит к себе.

Я же пока его нет все силы бросаю на борьбу со вспыхнувшим негодованием. Кем он себя возомнил? Мерзавец! Придурок! Ему не приручить меня!

В машине едем в полном молчании. Я не спрашиваю куда Карим везет меня. Сразу как села, отвернулась к окну. Мне пришлось сесть спереди, так как Абашев открыл дверь машины передо мной. Спорить не хотелось.

Карим останавливает автомобиль возле высокого роскошного здания. Выходит из машины первым, снова открывает мою дверь. Подает мне руку, не отшатнуться стоит огромных усилий. В лицо бросается краска, вылезти в длинном платье изящно и

непринужденно не так просто. Нервничаю, чувствую себя деревенской девчонкой рядом с принцем.

Это здание оказывается дорогим отелем, на первом этаже которого дорогой и очень пафосный ресторан. Он заполнен гостями, дамами в вечерних платьях, мужчинами в смокингах. Я ожидала совсем иного. Что вдвоем будем. Впрочем, какая мне разница? Я тут в любом случае поневоле.

— Выглядишь удивленной.

— Ты не говорил про светский прием, — передергиваю плечами.

— В последний момент планы изменились. Нужно переговорить тут кое с кем. Надеюсь, тебе не будет скучно. Кухня тут отменная.

— Для меня это работа, так что о скуке речь не идет, — отвечаю резко. Карим хмурится.

— Вот об этом лучше, чтобы ты забыла, Софья. Мне нужно, чтобы ты была естественной. Обаятельной. Если станешь разыгрывать жертву — вряд ли у нас получится.

— Постараюсь максимально угодить тебе.

Гости подходят к нам, здороваются, заводят разговор с Абашевым. Отмечаю, что тут много иностранцев. Карим легко переходит на английский. Видно, что в этом обществе он как рыба в воде. Некоторым представляет меня как свою невесту. Я растягиваю губы в улыбке, прячусь за маской смущения. Меня разглядывают с интересом, любопытством. Чувствую, что щеки пылают все сильнее. Такое ощущение, что у меня температура. Напоминаю себе снова и снова, зачем я здесь. Обязана все это выдержать, ради брата. Все будет хорошо. Я смогу, справлюсь.

— Карим, ты сегодня разбил сердца многих дам, — говорит один из пожилых мужчин посмеиваясь.

— В смысле? — удивляется Абашев.

— Ну как же. Привел невесту. Как гром среди ясного неба, — хохочет. — Не подумай, я не критикую, наоборот. Страшно рад за тебя. Софья — невероятная красавица.

— Ему давно пора остепениться, — заявляет другой мужчина.

— Спасибо за комментарии. Я не люблю обсуждать свою личную жизнь, — хмурится Абашев.

— Понятно, почему ты так долго прятал Софью. Или вы недавно познакомились и это любовь с первого взгляда?

— Мы давно знакомы, не так ли, дорогая? — обращается ко мне Абашев.

— Да, верно, — выдавливаю через силу.

Не могу не испытывать ненависть к Кариму, за то, что подверг меня такому испытанию и одновременно недоумевать, почему именно на меня выбор пал? Вон на него как плотоядно одна, другая, третья смотрят. Меня же одаривая колючими взглядами. Абашеву точно не сложно было найти себе жену. Другая возможно радовалась бы любым условиям. Не могу не замечать, как красивые, роскошные женщины, заглядываются на него, флиртуют, буквально пожирают глазами. Несомненно, этот мужчина — один из самых желанных на вечеринке.

Тогда почему я? Не могу не задавать себе этот вопрос снова и снова.

— Нужно переговорить наедине, Карим, — говорит серьезный статный мужчина с седыми волосами. — Извини, что придется украсть тебя от невесты. Простите нас, милая.

— Ничего страшного, — выдаю улыбку.

Казалось бы, в отсутствии Карима мне должно полегчать, дышаться свободнее, но нет.

Чувствую себя куклой, которую поставили не на ту полку. Ловлю на себе косые взгляды. Женщины разглядывают меня с любопытством, некоторые с неприкрытой завистью. Выдерживать это сложно.

Отправляюсь в дамскую комнату. Мою руки холодной водой, слегка смачиваю виски и шею. Смотрю на себя в зеркало. Безупречный макияж. Я действительно очень красивая сегодня. Только в глазах отчаяние и тоска.

Дверь открывается и в помещение и мои невеселые мысли прерывает молодая темноволосая девушка. Очень красивая, слегка раскосые большие глаза искусно накрашены. Встает рядом, достает помаду, наносит на пухлые губы. Бросает на меня взгляд и морщится.

— Поверить не могу, что Карим женится. Вытащил тебя как черта из табакерки.

— Что, простите? Мы знакомы? — удивляюсь ее фамильярности.

— Нет, первый раз тебя вижу. Это и удивительно, ведь моя семья — самая близкая к Абашевым. Он должен был рассказывать про Шакировых. Мои родители очень близки с Гарифой и Нурией. Или Карим тебя семье еще не представил? — допытывается неприязненным тоном.

— С семьей Карима я знакома, а друзей и деловых партнеров у него слишком много, — отвечаю в тон девице, заносчиво и надменно, вспомнив, что лучшая защита — нападение.

— Я бы на твоём месте так рано не радовалась. Карим — убежденный холостяк. Не представляю, что должно произойти, чтобы он вот так срочно женился. Разве что для бизнеса нужно, — бьет в самую точку. Где он тебя откопал, интересно?

— Мы очень давно знакомы, — беспечно заявляю в ответ.

Моя невозмутимость явно цепляет девицу. Едва сдерживаюсь, чтобы истерически не рассмеяться. Внутри все дрожит. Никогда не попадала в такую неприглядную ситуацию. Девица явно имеет виды на моего «жениха». Вот только это его проблемы, пусть сам со своими бабами разбирается.

— Мы с Каримом больше чем друзья. Всегда были.

— Теперь ясно. Ты рассчитывала что он тебя выберет? Мне жаль, правда.

— Еще посмотрим, кто кого жалеть будет! Ты меня еще не знаешь!

— И не имею никакого желания знакомиться.

Лицо девушки мрачнеет. К счастью, в туалет входит целая компания, веселая и шумная. Не прощаясь, быстро выскальзываю наружу.

После стычки с неприятной девушкой, больше всего хочется уехать с праздника. Пытаюсь отыскать взглядом Карима, но его нигде нет, по-прежнему решает свои вопросы. Брожу неприкаянно среди гостей, мимо ходят официанты с подносами, на которых шампанское, закуски. Но я не чувствую аппетита. Слишком нервничаю.

— Такая красивая девушка и скучает в одиночестве. Могу я пригласить вас на танец? — неожиданно ко мне подходит высокий блондин. Ставит свой пустой бокал на поднос проходящего мимо официанта. Я еще ничего не успеваю ответить, слишком ошеломленная стремительным развитием ситуации, а мы уже в центре зала. Мужчина элегантный, гибкий, отлично ведет в танце.

— Вы меня ошарашили, — признаюсь.

— Да, я такой. Вы одна на этом празднике жизни?

— Она со мной, — резкий голос Абашева заставляет нас отшатнуться друг от друга.

— Карим! Давно не виделись! Ты давно вернулся из стран заморских?

— Давно, Борис.

— Это твоя спутница?

— Моя невеста.

— Да ты что? Вот черт! Бывает же.

— Ты о чем?

— Да ничего, прости. Просто очень девушка понравилась. Думал вот повезло, одна, скучала тут. Ты чего невесту одну бросил?

— Так вышло. Срочные переговоры. Как ты сам? И правда давно ничего не слышно о тебе.

— Ну это дай время, услышишь, — недобро усмехается Борис. — Ну ладно, счастливчик, поздравляю. О, кстати, даже не познакомились. Как зовут невесту?

— Софья, — произношу, и замечаю, что Карим на это хмурится. Хотел, чтобы притворилась бессловесной куклой?

— Очень приятно, Софья. Я Борис. Мы с твоим женихом давние приятели. Точнее, соперники. Извини, если напугал.

— Ничего. Все в порядке.

— Пока, Борис, — Карим увлекает меня в другую сторону.

Нас снова окружает компания гостей, Абашев представляет меня. Нам задают вопросы, поздравляют. Понимаю, что эта вечеринка отрезает все пути к отступлению. Меня представили в обществе. Я не запоминаю ни лиц, ни имен. Больше не вижу неприятную девицу, что нахамила мне — и на том спасибо.

Спустя пару часов мы наконец садимся в автомобиль. У меня жалобно урчит желудок, и сидящий за рулем Карим поворачивается, нахмурившись.

— Только не говори, что ты там ничего не ела.

— Так вышло.

— Не думал, что ты такая стеснительная.

— Просто не хотелось. Я не любитель есть в толпе.

— Ты прямо принцесса на горошине.

— Ага, очень на меня похоже. Да, я хотела извиниться за танец с Борисом. Он налетел, я ничего не поняла.

— Главное, чтобы это не вошло у тебя в привычку, — хмуро говорит Абашев.

Это звучит оскорбительно. Словно я какая-то девица легкого поведения. Больше ни слова не говорю, в салоне виснет молчание.

Пока Карим не тормозит возле ресторана.

— Еще одна вечеринка?

— Нет, хочу накормить тебя.

— Я могу поесть в квартире...

— До нее еще двадцать минут.

— Извини, если раздражаю тебя своим урчащим желудком.

— Не нужно все время извиняться, Софья.

Спорить бесполезно, я заказываю суп и легкий салат. Все очень вкусное. Карим видимо тоже не поел на приеме.

— Эти их канапешки — полная фигня, — признается, когда ему приносят хорошо прожаренный стейк. Мы неторопливо трапезничаем друг напротив друга. Карим заказывает бокал красного, я — отказываюсь. Он кидает одобрителный взгляд. Наверное, потому что

инкубаторам так и положено — питаться сугубо правильно?

Как обычно мысль о контракте на ребенка меня очень сильно огорчает, я уйду в себя. Отказываюсь от десерта, хотя вначале, увидев в меню шоколадный флан, очень захотела попробовать.

— Спасибо за ужин, было очень вкусно, — говорю, когда останавливаемся перед домом.

— Рад, что угодил, — кивает Карим.

В лифте едем молча, Абашев отпирает дверь квартиры. Пропускает меня первой, входит следом. На миг теряю равновесие, совсем чуть-чуть. На секунду закружилась голова, сама не знаю от чего. Карим реагирует моментально. Притягивает к себе. Не отпускает, дышит прерывисто. Его рука медленно скользит вниз по моей спине, а я замороженно замираю...

Абашев привлекает меня в свои объятия. Поднимаю голову, открываю рот чтобы сказать «нет», но замираю. Его взгляд пронзительный, обжигающий. Чувственные, твердые губы все ближе, в опасной близости от моих губ.

Нет, не хочу, не стану...

Но внутренний голос глохнет в урагане вспыхнувших ответных эмоций.

Ладони Карима ложатся на мои бедра, он прижимает меня к стене, такой нестерпимо горячий. Мое тело охватывает жар.

Внизу живота начинает разрастаться теплый ком. Делаю еще одну слабую попытку отстраниться, но в результате Абашев лишь сильнее сжимает меня в объятиях.

Словно в беспамятстве начинаю двигать бедрами, абсолютно не отдавая себе отчета в своих действиях. Горячее мужское дыхание щекочет мое лицо. Карим кладет руки мне на плечи, накрывает мои губы своими. Машинально цепляюсь за его плечи, чтобы устоять на ногах. Этот поцелуй переносит меня в другое измерение. Я теряю способность мыслить, теряю себя. Касаюсь проникающего в мой рот языка своим. Смущаюсь и одновременно таю от удовольствия.

Неужели можно такие чувства испытывать к нелюбимому?

Так сложно в этот поверить. Я презираю Абашева. Или это самообман?

Потому что одновременно я таю от его касаний. Его губы такие горячие, что все мысли напрочь выветриваются из головы, целиком и полностью отдаюсь поцелую. Совершенно теряю контроль. Пальцы Карима касаются моей щеки, теперь мое лицо в его ладонях, он отстраняется и смотрит на меня внимательно.

— Не бойся. Я никогда не обижу, — произносит глухо.

Дрожь понемногу утихает, я успокаиваюсь. Почему-то верю ему.

— Это ведь не важно, боюсь я тебя или нет, — шепчу горько. — Ты меня купил. Я должна быть послушной...

— Мне не нужна покорность, Софья, — отвечает низким голосом. — Может быть немного податливости. Доверия.

Снова протягивает руку, гладит меня по щеке, потом его ладонь поднимается выше. Распускает мою прическу, чем ужасно смущает. Волосы рассыпаются по плечам.

— Твои волосы роскошны, — голос Карима становится ниже. Он буквально гипнотизирует меня.

Как найти силы выстоять против него? Против неожиданно вспыхнувших желаний...

Возбуждение захватывает целиком нас обоих.

После приема проходит несколько дней, которые я провожу в одиночестве, ведь Карим уехал в деловую поездку. Он очень занятой бизнесмен. Постоянные деловые встречи, переговоры, командировки за границу. Меня мало волновало, куда конкретно он поехал, но, как будущая жена, обязана знать хотя бы направление и цель поездки.

Уловила, что он полетел на Север для переговоров с будущими партнерами насчет одной из ветвей своего бизнеса. Кажется, что-то связанное с добычей никеля. В подробности я не вдавалась и старалась вообще мало разговаривать с Абашевым.

Его отъезд давал мне спасительную передышку, вот только радоваться не получилось. Я снова заболела и слегла с температурой. Все эти пережитые стрессы ослабили иммунитет, и организм просто не справился. Кашляя и чихая, я улеглась в кровать и смотрела сериал, когда раздался звонок в дверь.

Встрепенувшись, размышляю, кто бы это мог быть. Регина приходила недавно, снабдив меня лекарствами, парад подарков от Карима вроде бы тоже закончился, а больше сюда некому и приходиться.

Трель звонка не прекращается. Кто-то настойчиво хочет попасть в квартиру. И мне приходится подняться, вставить ноги в тапки и прямо в пижаме идти к двери. Не переодеваться же, в самом деле. Пижамы вполне себе приличная, дорогая, из кремового шелка. В ней вполне можно открыть дверь.

— О, — только и могу сказать я, когда в глазке вижу двух тетешек Карима. Они суетливо озираются по сторонам и синхронно хмурят брови.

Как они меня нашли? Зачем пришли сюда?

Раздумывать некогда. Конечно же, я открываю им дверь. Они же слышали мои шаги, и скорее всего не успокоятся, пока не открою.

— Софья, детка! — Гарифа Айдаровна вплывает в квартиру, за ней следом идет сестра. — Как хорошо, что мы тебя застали. Здравствуй, дорогая.

— Да, да, — вторит ей Нурия Айдаровна, — а ведь могли бы и дверь поцеловать.

— Но мы бы подождали. Очень важный повод.

— Да, конечно, мы бы всё равно дождались твоего возвращения.

— Добрый день, — только и могу выдавить себя, просто придавленная к полу их напором. Да и не ожидала я их тут увидеть, но сказать ничего не могу, пропускаю в квартиру и закрываю дверь. — А Карима нет.

— Мы знаем, — машет рукой Нурия Айдаровна, — знаем, что он в командировке.

— В Ханты-Мансийске.

— Что ты меня всё поправляешь, Гарифа? Я знаю, куда поехал мой племянник. Софья, мы приехали с тобой поговорить, — обращается ко мне, — извини, что без предупреждения, просто мы тут узнали...

— А ты чего такая бледная, детка? Заболела? И нос красный...

— Опять перебиваешь, сестра? — сначала злится Нурия, потом хмурится, глядя на меня. — И правда. Заболела!

Всплеснув руками, охает и закатывает глаза.

— Сплошные вирусы. Ты лечишься? Лекарства купила?

— Да, есть. У меня всё есть. Хотите чаю?

— Какой чай? Лежи. Тебе отдохнуть надо. Мы сами себе нальем чай. Нальем и придем к тебе. Нам нужно обсудить свадьбу! Это же сколько всего надо сделать! Детскую...

— Да подожди ты, Нурия, видишь, девочка заболела? Беременным любой вирус страшен. Это очень опасно, знаешь ли. Может навредить ребенку. Нужно вызвать врача. Детка, ты вызвала врача? И почему Карим в отъезде, когда ты болеешь? Его нужно вызвать домой. Пусть бросает дела и возвращается.

У меня от кудаханья теток разыгралась настоящая мигрень. Их слишком много. Шумные, многословные. Очень активные. Видно, что им особенно нечем заняться, и они готовы бросаться на амбразуру, когда речь идет о любимом племяннике.

И его внуке...

Мне хочется застонать и закрыть лицо руками. Опять они начали эту тему с ребенком. А я ведь не беременна. Знаю об это точно, потому что начались женские дни. Пока не беременна, но должна забеременеть, ведь Карим очень старается наградить меня ребенком. Краснею, вспоминая, как отдавалась ему со всей страстью, и не замечаю, что кудаханье вокруг меня прекратилось.

Вот только радоваться рано. Тетушка Гарифа идет к гардеробной и зачем-то начинает складывать мои вещи в сумку. Что происходит?

Не успеваю задуматься, как вторая тетушка согласно кивает.

— Надо же, Гарифа, ты просто мысли читаешь. Конечно же, мы заберем тебя в особняк, детка, — гладит меня по предплечью, — будешь там отдыхать. И врача вызовем. Твоя комната тебя ждет. Ох, или тебя поселить в комнату Карима? Точно. В его спальне просторнее будет.

— Да-да, — вторит ей сестра, оборачиваясь к нам, — я возьму только самое необходимое, потом отправим водителя за вещами, пусть перевезет.

— Да не надо, я сама соберу, — мямлю я, растерянная от их неожиданных действий. Что происходит? — Я не планировала... Вернее, Карим ничего не говорил о переезде.

— Мы и не про переезд. Молодые должны жить отдельно. Скорее всего, Карим уже покупает вам дом, негоже жить с ребенком в городской квартире. Просто не можем тебя тут оставить. Как ты тут одна справляться будешь? А если в обморок упадешь? Ой, нет, я на себя такую ответственность не возьму. Карим оторвет мне голову, если его невеста, да еще и беременная, без заботы останется. Даже не спорь, детка, лучше пойди и оденься. Мы немедленно выезжаем!

Спорить с ними себе дороже, и я плетусь в комнату, одеваюсь и вместе с тетушками Карима еду в дом. Их непрекращающееся щебетанье заполняет эфир, а я думаю, что будет, когда они узнают, что я не беременна. Но сейчас у меня просто нет сил снова попытаться переубедить их в этом вопросе! Да и Кариму может не понравиться... Чувствую себя абсолютно запутавшейся, завравшейся, и это не добавляет настроения. Не могу понять как действовать, Абашев на счет своих тетушек не дал никаких указаний! Сама я даже не подумала, что снова столкнусь с ним. Почему-то решила, что буду вдалеке от его семьи.

Поездка в особняк проходит в полусне. Тетушки все время что-то обсуждают, но к счастью не задают вопросов, потому что мои глаза прикрыты. В конце концов, крепко засыпаю под их щебетание.

— Конечно, плохо, что нам ничего про свадьбу не сказали, — сетует Нурия Айдаровна, пока прибежавшая по первому зову Валентина раскладывает мои вещи по полкам в гардеробной спальни Карима. Очень странное ощущение.

— Не сказали? — хмурюсь, глядя на его тетушку, не догоняя, о чем она.

— О вашей свадьбе мы от чужих людей узнали, — с легким упреком обращается она ко мне, а я злюсь на Абашева, из-за которого вынуждена терпеть укоризненные взгляды его теток. Не мог им, что ли, всё объяснить?

— Я думала, что Карим вам сказал.

«Он же ваш племянник, в конце концов, какие ко мне претензии?» — добавляю мысленно, обессиленно валясь в кресло и вздыхая. Вся эта кутерьма меня утомила.

— Ничего не сказал. Но ладно, какая теперь разница? Надо не обижаться, а свадьбу готовить! Вот чуть выздоровеешь, и мы начнем всё планировать! Ох, голова кругом! Столько всего надо сделать, столько всего! Но зато какая радость! Наш дорогой племянник наконец женится! Я думала, не доживу до этого счастливого часа.

Тетушки еще долго щебечут на эту тему, утомляя мой и так измученный мозг, и, едва уходят, как я, в надежде отдохнуть, укладываюсь на постель. Но не тут-то было. В комнату без стука входит девушка. Узнаю в ней Айгуль, ту самую служанку, которая, насколько я поняла, пользуется покровительством тетушек Абашева.

Она у них на хорошем счету. И это видно по ее поведению. Один наглый и высокомерный взгляд чего стоит. Так на меня смотрит, словно я муха, которую она пришла прибить. Черные глазищи так и сверкают едва сдерживаемым гневом.

— Что? — выплевывает, подбоченясь. — Добилась своего?

— Извините, я не очень понимаю, о чем вы.

Кошусь на дверь, и она понимает мой взгляд так, словно намекаю ей уходить. Еще сильнее задирает подбородок, с хозяйским видом подходя ко мне ближе.

— Не понимает она, — фыркает, — прикинулась овечкой и заманила в свои сети Карима!

Из положения лежа не очень удобно разговаривать, да и чувствую я себя при этом униженной. Лучше встать и держать оборону стоя.

В том, что мне придется обороняться, сомневаться не приходится. Айгуль того и гляди вцепится мне в волосы.

— Я никого не заманивала. С чего вы взяли? Да и...

Хочу сказать, что это не ее дело, но не успеваю. Ее всю передергивает, до того сильно она кривит лицо.

— Удачный ход — притвориться больной и вызвать жалость! Да еще и на ребенка его поймала! И где вас таких делают?

— Кажется, Айгуль, да? — начинаю я закипать, выведенная из себя ее нападками. Только враждебно настроенной служанки мне и не хватало в этом доме для полного счастья.

— Да, Айгуль!

— Так вот, Айгуль, я вам не советую так со мной разговаривать. Вы не много на себя берете?

— Вот это наглость! — возмущается она так, словно я ее ударила. — Знала я, что ты овцой прикидываешься, а сама хищница.

— Может быть, вам это просто кажется? Вы видите в других то, что отражает вашу суть?

— Что? Что за галиматью ты несешь? Какую суть? Пофилософствовать решила?

— Нет, я просто пытаюсь сказать, — говорю терпеливо, — что я не притворялась. Мы с Каримом женимся, так бывает. Я не отвечаю за ваши фантазии.

— Ты чего строишь из себя умную? — заводится она всё сильнее, а я с опаской кошусь на дверь. Не пришлось бы вызывать подмогу. Вдруг она и правда применит ко мне физическую силу. Кто ее знает. Уж слишком взбесилась, словно я у нее Карима увела. Вот только я очень сомневаюсь, что он встретался с ней. Думаю, я знала бы об этом факте.

— Я из себя ничего не строю. Я с вами препираться не хочу. Выйдите за дверь. Или мне позвать ваших хозяек?

— Угрожаешь мне? Как ты быстро освоилась! Не думай, что на Абашева лапу наложила. Он не долго будет довольствоваться тобой одной. Ну женится — и что? Думаешь, верность

тебе будет хранить?

— Разве вас это касается? — холодно спрашиваю.

Служанка уже перешла все мыслимые границы. Надо учиться ставить людей на место, даже если никогда этого не делала и претит разговаривать с кем-то грубо. Но здесь только так: или ты, или тебя.

— Да я тебе добра хочу, дурочка! Одумайся, пока не поздно! Не выходи замуж за того, кто потопчется на тебе и запрет в своем доме, пока сам будет искать развлечений на стороне.

— Интересный расклад, — ухмыляюсь, как будто мне и дела нет до сказанного, — откуда вы так много знаете о Кариме? У него что, было много жен, а вы, как служанка, такую картину наблюдали?

— Да, я служанка! — видит она в моей фразе только то, что ее цепляет. — И нечего тут нос задирать! Мы еще посмотрим, как сбудется мой прогноз! Плакать будешь и меня вспоминать!

— Будет лучше, если вы уйдете, Айгуль. Диалога у нас всё равно не выходит. А ругаться я не хочу, — сдерживая злость, пытаюсь выпроводить ее вежливо.

— Да кто ты такая, чтобы меня выгонять?

— Пока никто, но скоро выйду замуж за Карима и расскажу ему о том, что вы мне тут наговорили.

— Ясно всё с тобой! — фыркает эта хамка. — Я уйду, раз ты Каримом мне угрожаешь. Но ничего. Мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним!

Разговор с Айгуль оставляет неприятный отпечаток.

Правда чувствую себя настолько плохо, что быстро забываю о ней, почти сразу проваливаюсь в сон.

Меня будит Валентина, когда приносит горячий бульон. Даже предлагает покормить с ложечки, но я решительно отказываюсь от такой чрезмерной заботы. Вполне в состоянии сама поест, сон помог, температура спала. После горячего чувствую себя гораздо лучше.

Несколько дней безвылазно провожу в своей комнате. Забота тетушек немного утомляет, поэтому стараюсь не выходить.

К счастью, Айгуль больше не вижу. Неприятная особа.

Ее слова занозой засели в мозге.

Она, возможно, в чем-то права. Я бесправная покупка, и Карим будет делать со мной что пожелает. Выдержать это смогу, только если буду держаться от него подальше. По крайней мере, мысленно дистанцироваться. Главное — не пускать в свое сердце.

Но оказывается, это крайне сложно сделать, когда спустя несколько дней, Валентина сообщает, что ко мне посетитель.

Пока спускаюсь со второго этажа в гостиную, теряюсь в догадках кто это может быть!

Тетушек как раз нет дома, кажется, они отправились в гости к соседям.

Спускаюсь вниз и вижу... Артема!

Слезы брызжут из глаз, я бросаюсь в объятия брата.

— Как ты... Откуда... — меня душат рыдания.

— Оттуда, — фыркает Артем.

— Но как?! Ты ничего не говорил...

Мы каждый день поддерживали связь, брат писал мне с момента, как ему разрешили в тюрьме пользоваться телефоном. Аппарат передали от Карима, разумеется.

В основном в нашей переписке речь шла только об Артеме. Я расспрашивала его о самочувствии. Не сказала, что живу с Каримом. Брат бы этого не понял. Не сообщила и про то, что заболела, и тетушки Абашева увезли меня в особняк. Но каким-то образом Артем нашел меня.

— Все закончилось? — смотрю умоляюще. — Тебя ведь не тронут больше?

— Да, Абашев крепко помог. Не осталось никаких претензий, — кивает. — Поехали домой.

— Как ты вообще нашел меня?

— Водитель Карима приехал за мной, отвез домой. Там ни души, я начал волноваться. Звонил отцу, его спрашивал где ты. Була услышал, и к моему удивлению сообщил, что в курсе где ты. Сказал, что отвезет к тебе. Привез меня сюда. Надо сказать, я удивлен. Не ожидал, что Абашевы настолько гостеприимны. Что забота Карима и на тебя распространилась. Поговорим об этом дома, — хмурится сильнее. — Все, поехали, Софья. Я еще душ не принял после казенной хаты. Устал как собака.

— Но я не могу... — выдыхаю нервно.

— В смысле не можешь? Почему? Я думал, тебя приютили пока дома никого. Там, кстати, ремонт сделали. До фига я теперь Кариму должен, но ничего. Рассчитаюсь.

Артем выглядит таким бодрым, полон энтузиазма. Внутри все дрожит. Как объяснить, что не могу с ним пойти?

— Я лучше... Тут останусь.

— Да что происходит? — начинает сильнее нервничать. — Они помогли очень, спасибо огромное. Но что тебе делать в чужом доме?

— Я... выхожу замуж.

— Что? За него? За Абашева? Ты с ума сошла? — взрывается негодованием.

— Почему? Я совершеннолетняя. Вполне могу.

— Можешь? Я был лучшего мнения о твоих мозгах! Ты головой хоть немного подумай! Он баб меняет как перчатки! Да, понимаю, он красавчик, богатый, и все такое, но нет, Софья. Не позволю. Поняла? Вот же сволочь. А я понять не мог, как же он... Почему старается. Столько привилегий. Врача притащил, хирург надо мной скакал, когда рана воспалилась.

— Как ты сейчас? Тебе больно? — сразу переключаюсь на более серьезную тему.

— Не заговаривай мне зубы! — рычит брат. — Одевайся и идем!

— Артем, умоляю, — совершенно не понимаю что делать.

В конце концов, устав спорить с Артемом и опасаясь, что вернутся тетушки и будет скандал, покоряюсь. В конце концов, если Абашев пожелает, сам придет и заберет меня из дома.

Артем не пошутил, после пожара не осталось и следа!

Сделан ремонт, новая мебель. Нетрудно догадаться, кто это сделал! Только вот зачем это понадобилось Кариму? Об этом у нас с ним речи не шло, в договор не входило.

Захотел увеличить мой долг еще больше?

Но плата и так чудовищна. Родить ему ребенка. Отдать его, фактически. Стать суррогатной матерью. Чем я думала, соглашаясь? Надеялась, что он это не всерьез?

И до сих пор надеюсь.

Стараюсь выглядеть перед братом беззаботно. Отвлекаю себя от тревожных мыслей уборкой. Расставляю наши прежние вещи, памятные безделушки, собранные рабочими по коробкам.

Чувствую себя странно. Некомфортно. И дело не в том, что в доме почти все новое.

Кажется, я тоскую. Это необъяснимо и очень странно!

Не могу выкинуть из головы Карима. Все время прокручиваю в голове, как он приезжает в квартиру, а меня нет.

Как и в особняке его теток.

Артем попсиховал, что пришлось туда ехать за мной, но быстро успокоился. Ушел в свою мастерскую. Соскучился очень.

Погрузился в работу.

Так прошел наш день.

На следующий все то же самое, брат не вылезает из мастерской, я хлопочу по дому. Готовлю, убираюсь.

Проходит несколько дней.

Тетушкам я позвонила сама, еще когда брат забрал меня.

Объяснила, что мне гораздо лучше, поблагодарила за заботу и сообщила, что мне надо побыть с родственниками.

Нурия и Гарифа, кажется, немного расстроились, возможно сочли это за побег, но спорить не стали.

В любом случае, мне очень неловко перед ними. Чувствую себя лгуней.

Выхожу во двор, чтобы развесить белье, и вижу, как дорогой автомобиль паркуется неподалеку. Сердце щемит. Оно сразу почувствовало, что это Карим.

Решительной походкой Абашев направляется в мою сторону.

— Почему я должен искать тебя? — спрашивает хмуро.

— Брат забрал меня. Приехал и настаивал. Я подумала, что скандал не в твоих интересах.

— Как ты вообще попала в дом теток?

— Они приехали в твою квартиру. Их невозможно ни в чем переубедить! Я пыталась...

— Это правда, они ужасно упрямые. Ладно, собирайся. Едем обратно.

— Поговори сначала с Артемом, — возражаю поспешно. И тут же добавляю:

— Спасибо тебе за него. И за ремонт, хотя не стоило.

Безотчетно тянусь к Кариму, обнимаю. Сильные руки смыкаются на моей талии. Абашев прижимает меня к своему горячему как печка телу.

— Я соскучился, — хрипло признается, наклонив голову, зарывшись лицом в мои

растрепанные волосы.

Так хочу ответить то же самое, но мешает внутренний ступор.

— Вот и ты! — грубый голос брата заставляет нас отпрянуть друг от друга. — Приехал? Посмел? Отойди от моей сестры!

— Послушай, не ты мне будешь указывать...

Карим отходит от меня.

Как их утихомирить? Судя по яростным взглядам обоих мужчин, они сейчас подерутся!

— Я поеду с ним, Артем! — выкрикиваю нервно. — Я уже взрослая, так что, сама буду решать.

— У вас не было никаких отношений пока меня не посадили. Откуда они взялись? Я хочу знать, Софья. Ты все мне расскажешь!

— Нет! Я не обязана отчитываться перед тобой. Я давно сама за себя отвечаю! — кричу запальчиво.

— Если это расплата...

— Нет! Я сама так хочу. Точка. Ты должен быть всегда благодарен Кариму.

— Не надо мне напоминать, — кривится Артем.

— Да, это лишнее, Софья, — соглашается Абашев. — Мне не нужна ничья благодарность.

— Вот и оставь нас в покое, — требует брат.

— Софья поедет со мной, — заявляет Абашев мрачно.

— Мы еще не договорили, — в голосе Артема гнетущее обещание.

— Можем обсудить все что угодно, в любое время. Но сейчас твоя сестра поедет со мной.

— Я только возьму сумку, — перебиваю его торопливо.

Подсознательно я ее и не разбираю, с тех пор как из особняка вернулась. Там все необходимое. Косметика, смена белья, зарядное устройство, телефон. Я ждала Карима. Себе не признавалась, и все же, ждала.

Юркаю в машину Абашева, пока он продолжает поединок взглядов с Артемом.

— Я приеду к тебе! И к отцу надо съездить, не забудь, — выглянув из окна, кричу брату.

Карим молча идет к автомобилю. Артем следует за ним.

— Обидишь мою сестру — пожалеешь.

— Лишние угрозы.

— В твоем случае, далеко не лишние.

Карим ведет машину спокойно и уверенно. Сначала ожидала, что накричит за самовольный отъезд. Но он словно уже забыл об этом. Успеваю задремать, а когда открываю глаза, мы подъезжаем к особняку.

— Я думала, что мы едем в квартиру, — вырывается у меня, и тут же краснею. Зачем я это сказала? Что подумает Карим? Что мечтаю с ним наедине оказаться? Вот идиотка! Выдала себя.

Теперь мои щеки пылают, но Абашев разглядывает меня довольно невозмутимо и вроде без насмешки.

— Я бы очень хотел поехать именно туда, но тетки меня с ума сведут. Жаждают увидеть нас вместе. Готова играть роль невесты?

— Готова, — буркаю недовольно.

— Хм, энтузиазма маловато, но думаю, это поправимо. Хорошо. Настоящую себя оставь

на потом. Мы тут на пару часов, потом вернемся в квартиру.

В его голосе звучит обещание. Страсть. Кожа покрывается мурашками.

В это невозможно поверить, но я тоже безумно его хочу...

*** — Карим, дорогой, как хорошо что вы заехали.

— Я немного устал с дороги, так что мы ненадолго.

— Куда вам торопиться? Мы так соскучились, — настаивает Гарифа. — Никуда вас не отпустим! И с Софьей у нас куча дел, планов. Мы нашли просто шикарное свадебное платье!

Нас никуда не отпускают, к моему облегчению, хотя бы не пытаются поместить в одну комнату. У меня всё та же прежняя, в которой я болела в прошлый раз. Могу закрыться и побыть в одиночестве. Хотя каждый раз вздрагиваю, услышав рядом шаги. Что со мной? Почему я так нервничаю? Что это за странное предвкушение, ожидание?

На следующий день в гости приходят соседи, семейство Шакировых. Тетушки очень близко дружат с Дилярой и Надимом. Может быть, они вполне приятная пара, но почему-то мне было неловко в их присутствии. Тем более когда к ним присоединилась их дочь Альфия.

Девушка бросает на меня ядовитые взгляды, от которых не по себе.

— Карим, расскажи, как вы встретились. Надо же, такое внезапное решение жениться, — произносит Альфия сладким голосом.

— Мы давно знакомы. Но раньше Софья была просто девчонкой, сестрой моего хорошего знакомого.

— Альфия, милая, ты смущаешь Софью, — укоряет Нурия.

— Да? Простите, и в мыслях не было. Извини, Софья. Не знала, что ты такая трепетная натура. Карим, у меня к тебе несколько вопросов. Я же открываю бутик, ты знаешь?

— Впервые слышу.

— Буду благодарна, если поможешь советами.

— Конечно. Что за продукт у тебя будет?

— О, дорогой, это нижнее белье. Моего дизайна.

— Наша девочка такая талантливая, — сияет от гордости Диляра.

— Мы можем поговорить в твоём кабинете, дорогой? — обращается Альфия к Кариму.

Вот так невзначай уводит моего «жениха», тетушки бросают на меня сочувственные взгляды.

— Софья, дорогая, ты не ревнуй, пожалуйста, — наклонившись ко мне, пытается успокоить Нурия. — Альфия и Карим выросли вместе. Они очень близки. Как брат и сестра.

— И в мыслях не было.

— Какая ты умница! Карим, конечно, не мог выбрать себе в жены глупую ревнивую дурочку.

— Спасибо большое.

Вот только внутри всё горит, печет. Я, несмотря на свои слова, на самом деле ревную.

Я не знаю, сколько времени Альфия и Карим проводят вместе в кабинете и что там делают. Не имею ни малейшего понятия. Хочу заставить себя не думать о них, но мой взгляд то и дело перемещается в том направлении, куда они ушли.

Что они там так долго обсуждают? Может, старая знакомая показывает моему жениху женское белье? Вдруг у них такая степень близости, что в порядке вещей сбросить верхнюю одежду и продемонстрировать кружевные трусики?

Щеки печет, стыжусь этих ужасных мыслей! Мало того, что меня это не должно волновать, так еще и противоречит простой логике!

Не стал бы Карим ничем таким заниматься в доме своих тетушек. Уйми свою ревность, Софья, тебя и так уже в ней уличили.

После обеда тетушки зовут меня на примерку, я не особо не вслушивалась в их болтовню и теперь не понимаю, чего они хотят от меня. Погруженная в собственные мысли и переживания, даже не догадываюсь, о чем идет речь. От споров, замечаний, гомона, привычно гудит в ушах. Как же тетушки любят говорить наперебой и одновременно! Порой не понимаю, ко мне обращаются или разговаривают друг с другом.

К счастью, мне каким-то чудом удастся даже поддерживать с ними непринужденную беседу, пока незнакомая девушка открывает чехол.

Я едва не падаю в обморок.

Это... свадебное платье.

Столько эмоций, меня буквально разрывает от желания расплакаться. Да, я подписалась на этот фарс, но как же сложно ему следовать.

Девушка помогает мне надеть платье приглушенного белого цвета. Не ослепительно белое, а скорее, жемчужное.

Делает это аккуратно, чтобы не испортить кружево, которым обшит подклад платья. А я стою не дыша. Расставила руки в стороны, выполняю команды, чувствую себя манекеном. Платье садится как влитое, тетушки сияют, чуть ли в ладоши не хлопают.

— Тебе нравится, дорогая?

— Да. Оно такое приятное на ощупь, — киваю.

Подкладка из гладкого шелка, поверх которого кружево потрясающей красоты. Корсет снизу переходит в струящийся подол, а сверху — в прозрачный лиф под самое горло. Рукава длинные, обтягивающие. Тонкий белый поясик.

Умопомрачительное платье, я о таком даже и не мечтала.

Чувствую себя в нем принцессой. Даже забываю о Кариме на какое-то время. Хочется посмотреть на себя в зеркало. Тетушки, причитая, подводят меня к нему.

— Изумительно!

— Потрясающе!

— Ты просто настоящая принцесса!

— И все-таки какой у нас вкус, а? А?

— Угадали, точно! Тютелька в тютельку!

— Главное, чтобы Карим тебя в нем не увидел. Нельзя до свадьбы.

— Скажи же, дорогая, это само совершенство!

— Да, мне очень нравится, — смущенно провожу ладонями по подолу, опасаясь

испортить этот шедевр. — Большое вам спасибо! Я даже не ожидала, что оно будет такое красивое.

— Конечно, одно должно было быть самым красивым! — с придыханием говорит тетушка Нурия, складывая руки в жесте восторженного умиления. — Как же иначе? Но, детка, надо спешить со свадьбой, иначе это платье станет тебе тесным. Ты у нас маленькая и худенькая, и живот растет очень медленно и практически незаметен, но скоро это изменится.

Неосознанно кладу ладонь на живот и замираю. Сперва эти их разговоры про беременность были с моей подачи, из-за глупого недоразумения, и они ужасно раздражали и смущали, но теперь они могут быть правдой. Вот мне может зародиться жизнь. Ребенок Карима, которого нужно будет отдать.

Эта мысль настолько пугающая, что я слегка шатаюсь.

— Софья, ты такая впечатлительная, — восторгается вторая тетушка, — хотела бы я снова быть такой молодой и влюбленной. Знаешь, скажу тебе по секрету, я была весьма хороша, — кокетливо поправляет прическу, — сейчас я принесу тебе свое фото тех лет... Сама убедишься.

— Господи, Гарифа, да разве же нашей Софье это интересно? Детка, ты присядь. Айгуль, принеси нам чая! — кричит Нурия в коридор, где мелькает силуэт злобной служанки.

— Мне очень интересно, — спешу переубедить ее, присаживаясь на краешек кресла так, слова я — хрустальная ваза, — с удовольствием посмотрю фотографию.

— Вот вечно она красуется, знаешь какой кокеткой была в молодости? — присаживается рядом тетушка Нурия, пока вторая ускользает из гостиной. — А ты просто красавица у нас. Не могу налюбоваться! Карим сойдет с ума, когда тебя увидит в этом платье. Но до свадьбы ни в коем случае. Ах, я об этом уже говорила. Айгуль, где ты там ходишь? В горле пересохло.

— Сейчас-сейчас, — Айгуль нерасторопно заходит в гостиную с подносом в руках, — только две чашки успела, тебе придется самой сходить в кухню, Софья, — ворчливо подмечает.

— Я не хочу чай, не надо, — машу рукой, — боюсь платье испортить.

Глаза вредной служанки странно сверкают, а тетушка Нурия подсакивает и отодвигает поднос подальше от подола моего платья.

— И то верно. Чай сложно будет отстирать, особенно с этого кружева. Пойду позову девушку из свадебного салона, чтобы она помогла тебе снять платье. Поллюбовались — и хватит. Как я рада, что оно оказалось впору. Всю ночь не спала, думала, вдруг ошиблись с размером... И конечно же, Софья не пойдет в этом платье на кухню. Айгуль, тебе это сделать сподручнее, — Нурия сжимает губы в недовольстве, одаривая служанку неодобрительным взглядом, но той, кажется, хоть бы что. Тетушка выплывает за дверь, оставляя нас вдвоем.

— Если что, я не буду с тобой ругаться, — предупреждаю ее сразу, вижу же, как она воинственно настроена, и предусмотрительно тяну к себе кружевной подол.

— Ругаться? Кто с тобой ругается? Что ты о себе возомнила? — нависает сверху и упирает руки в боки.

Вот же прицепилась ко мне, вздорная хабалка. Мне сейчас вообще не до нее. Решаю выбрать своим методом полный игнор, демонстративно молчу, но похоже, это злит Айгуль

еще больше. Стараюсь не смотреть в ее сторону, отвернувшись к окну.

Ее противный голос еще ближе.

— Тебя не волнует, что жених заперся в кабинете с другой, — хихикает Айгуль. — Я же говорила тебе, что Карим будет изменять. Не слушала, не верила мне. Я сейчас проходила мимо кабинета и так-о-о-о-е слышала...

— Сплетни тебе разносить не советую, — пытаюсь сохранить спокойствие, цежу сквозь зубы, — жаль, что тебя не слышат тетки Карима, иначе давно бы уволили. Не думаю, что с ними ты такая смелая.

— Я не смелая, я честная. Говорю всю правду в лицо! Можешь сама сходить убедиться! Пожалеешь, что меня не слушала, но будет поздно. Еще есть время передумать.

— А у тебя еще есть время одуматься и не грубить.

Мне кажется, что я нашла нужные слова, хотя это очень непросто. Я вовсе не сторонница грубости и принижения людей. Терпеть не могу конфликты и ссоры. Но по-доброму Айгуль, похоже, не понимает.

Не успеваю мысленно отпраздновать победу, как слышу тихое «ой» и чувствую на ногах обжигающую влагу.

Замираю от шока, не верю, что служанка могла посметь...

Поднос с чашками, полными чая, опрокинулся прямо на подол свадебного платья...

— Что ты наделала?! — кричу, не сдержав ужаса. Вырывается отчаянный стон. Это уже просто за гранью!

Мерзкая служанка испортила платье! По красивому кружеву расплзается отвратительное пятно.

Я уже молчу про жжение на коже, которая пульсирует. Чай был горячим. Да черт с ним, с чаем! Пытаюсь отряхнуть подол, но разве же это поможет? В полном шоке, не понимаю, что делать.

В этот момент в гостиную забегают Гарифа:

— Что за шум? Софья, что ты...

Она хватается за сердце. Видно, что не может вымолвить ни единого слова. Расширенными глазами смотрит на продолжающее расплзаться по платью пятно. Видимо, догадывается, что случилось, и сразу переводит негодующий взгляд на служанку.

Та сразу же подхватывается и принимается объяснять. Ничуть не растерявшись, к моему огромному изумлению!

— Зачем вы меня толкнули! Боже мой, такое прекрасное платье испортить, как же так! — рыдает в голос. — Не нужно было так злиться...

Ложь слетает с ее языка так легко и просто, что буквально немею, совершенно ошеломленная. Она еще и меня в этом умудряется обвинить?

— Вы меня сразу невзлюбили, специально травили, а теперь это! Я сразу не понравилась вам. Конечно, раз я служанка, для вас это как мусор под ногами...

— Айгуль, немедленно прекрати истерику! — рывкает тетюшка. — Мне кто-нибудь объяснит нормально, что здесь случилось? Софья?

Опять слова не успеваю вставить, Айгуль продолжает сбивчиво тараторить.

— Я не хотела, правда, это госпожа Софья меня толкнула, и я не удержала поднос. Она меня оскорбляла, говорила ужасные вещи, что я неумелая, плохо ее обслуживаю, что она уволит меня, как только выйдет замуж за Карима Исхановича.

— Ты правда такое говорила? — Гарифа смотрит на меня с удивлением.

Уверена, она понимает, что я не могла сказать ничего подобного. Но зачем бы Айгуль врать? Она ведь не посторонний человек. Тетюшка знает ее гораздо больше времени, чем меня, и нет оснований не доверять ей. Меня пугает, насколько просто оболгать человека, насколько просто подстроить подлость. Смотрю в злые глаза Айгуль и понимаю, что от нее мне не придется ждать ничего хорошего.

— Нет, не говорила ничего подобного...

Тут заходит Нурия, ее причитания разносятся на весь дом. На ее глазах слезы, она жалеет платье. Гарифа начинает с ней спорить, Айгуль рыдает. Полный бедлам. Меня подташнивает. Безумно хочется остаться одной. Я не стану унижаться и доказывать, как всё было на самом деле. Кажется, это уже никому не интересно.

— Мне нужно попробовать отстирать платье, — говорю, вместо того чтобы начать оправдываться. Гиблое дело, не хочу тратить время на бесполезные оправдания и пререкаться со служанкой.

Гарифа поджимает губы, качает головой из стороны в сторону. По выражению ее лица всё понятно. Она верит Айгуль.

Вбегают девушка, которая привезла платье. Тетюшки начинают сбивчиво объяснять ей, что это случайность, но Айгуль снова выкрикивает свою версию. У меня ломит виски. Сцена становится невыносимой.

— Мы, разумеется, всё вам компенсируем.

— Это само собой. Но как жаль! Такая красота, всё безнадежно испорчено.

— Убрать не получится?

— Очень сомневаюсь, — качает головой девушка.

И не только платье, но и настроение тетушек Карима, которые с таким воодушевлением сегодня преподнесли мне этот красивый свадебный наряд.

— Идемте, я помогу вам снять платье, — сочувственно говорит представительница салона. Мы скрываемся в смежной комнате, где осталась моя одежда. — Мне так жаль, — вздыхает. Ой, у вас ожог! Чай был, видимо, очень горячий. Нужна мазь...

Выше колена кожа воспаленная, красная. Дотрагиваться больно.

Глаза щиплет. Потому что эта девушка, я даже имя ее не запомнила, первая, кто проявил ко мне сочувствие.

— Да, я найду что-нибудь, — киваю.

— Ладно, тогда пойду. Мне жаль, но не расстраивайтесь. Это всего лишь платье.

Да. Просто платье. Или знак, что мне не стоит выходить за Абашева? Что будет больно. Появятся и другие шрамы, куда страшнее этого легкого ожога.

Переодеваюсь. Увы, чтобы вернуться к себе в комнату, нужно снова пройти через гостиную, где по-прежнему шумно илюдно. Делаю глубокий вдох, захожу туда. На служанку смотреть не могу, противно.

— Айгуль, иди уже, работы по дому полно, — говорит Нурия. Кажется, и она устала от показных слез.

— Я не виновата...

— Мы поняли, да. Иди.

Еще минут пять беседуют с девушкой-консультантом, пока она убирает платье в чехол. Тетушки перечисляют деньги на химчистку, хотя никто не верит в успех этой затеи.

— Все равно попробуем.

Только собираюсь выскользнуть, меня останавливает Гарифа.

— Софья! Подожди.

Поворачиваюсь к ней. Смотрит на меня строго. Раздраженно. Ее можно понять, они с сестрой потратили крупную сумму на наряд, а теперь всё испорчено.

— Ничего не нужно говорить Кариму, — заявляет Гарифа. — У него и так проблем по горло. Он ненавидит бытовые происшествия. Здесь всё на нас. Карим не должен отвлекаться на мелочи. закажем другое платье, наверное, попроще. Раз ты такая, кхм, неуклюжая.

— Гарифа, это грубо! — перебивает ее сестра. — Я уверена, что Софья не нарочно.

— Да мне всё равно уже! Столько денег коту под хвост! — психует Гарифа. — И даже «мне жаль» не промямлила.

Да уж, на меня как ступор нашел. То ли в противоположность Айгуль, то ли от боли — я окаменела. Ни слова не могу выдать. Чувствую себя оплеванной.

— Будет новое платье, милая, — успокаивающе гладит меня по руке Нурия.

Лишь пожимаю плечами, мне всё равно, в чем буду на «свадьбе». Карим продолжает отсутствовать. Сколько он проторчит в своем кабинете с соседкой? Это как пощечина. Может он нарочно так делает? Указывает мне «место»? Что я лишь декорация, у которой не может быть гордости и прочих чувств.

— Ладно, иди, дорогая. Тебе, наверное, хочется отдохнуть. Карим, кстати, уехал. Сказал, что будет вечером, — сообщает Нурия.

Хочется спросить, один ли. Но я уйду молча.

Нога болит. Просить мазь у тетушек нет никаких сил. Больше всего сейчас мне нужно побыть одной, хоть немного.

Переодеваюсь в свободного покроя штаны на тонком флисе (самое оптимальное в моем случае, из-за ожога), толстовку и легкий пуховик. Незаметно покидаю дом Абашева.

Мне необходимо вырваться оттуда. Я задыхаюсь.

Сначала просто иду бездумно по дороге. Потом вызываю такси, еду в центр, в аптеку.

Водитель такси паркуется на перекрестке, расплачиваюсь и оглядываюсь. Аптек здесь несколько. Можно выбрать любую. Мне, собственно, всё равно, лишь бы купить мазь. Кожу на ноге продолжает щипать. Еще небось и шрамы останутся.

С тяжелым вздохом вхожу в аптеку с зеленой вывеской. Очередь небольшая, поэтому я быстро оказываюсь у кассы и покупаю мазь по совету фармацевта.

Пока рассматриваю упаковку, не смотрю вокруг. Поэтому голос рядом раздается очень неожиданно.

— Сонька, привет! Сразу тебя узнала, — мелодичный голос полон радости. — Мы с тобой совсем потерялись. Я так соскучилась!

— Ой, Лесь, привет! — поворачиваюсь и вижу старую знакомую. — Тебя не узнать, ты теперь блондинка? — сразу делаю комплимент бывшей однокласснице, которую не видела, кажется, сто лет. Она и правда похорошела, стройная, хорошо одетая, в руках модная сумочка, цветет и пахнет, в общем.

С Олесей Стрельниковой мы дружили в школе, но жизнь, как обычно происходит, развела нас в разные стороны. Отходим в сторонку, чтобы обменяться новостями. Она щебечет без умолку, я порой вставляю словечко и ловлю себя на приступе ностальгии. Школьные проблемы казались такими фатальными и неразрешимыми, а теперь кажутся самыми настоящими глупостями. Сейчас всё совсем иначе. Намного-намного серьезнее. Мне так хочется отвлечься и поболтать ни о чем, хоть вот даже о бывших одноклассниках. Узнать, как поживает Олеся.

— А ты занята? Тебе никто не ждет? — выглядывает за стеклянную стену аптеки. — Не хочешь со мной в кафе зайти? Посидим поболтаем. Сто лет тебя не видела. Староста наша что-то в этом году не организовала встречу выпускников.

— Можно, — соглашаюсь, чувствуя внезапный приступ голода.

Почему бы мне и не посидеть с Олесей часок в кафе? Никому от этого вреда не будет. Никто не будет меня искать. Да и Карим — разве он просил отчитываться за перемещения и просил сообщать, где я нахожусь? Вот и проведу время с бывшей подругой.

— Ну, рассказывай, как устроилась, где живешь, замуж не вышла? — жизнерадостно интересуется, едва мы усаживаемся за стол и заказываем себе чай и пирожные. — Вижу по глазам, что любовный интерес имеется.

— Да, — вынуждена признаться. — Я скоро собираюсь замуж.

— Вот это да! А чего глаза такие нерадостные? Я же вижу, что что-то с тобой не так. Грустная такая. Идешь, вся погрузилась в свои думки. Если бы я тебя не окликнула, ты бы меня даже не заметила, — слегка упрекает, но я не чувствую в ее голосе обиды или обвинения, а просто желание помочь.

Олеся всегда такая была — сердобольная. Бабушек через дорогу переводила. Не могла пройти мимо бездомных животных.

Такие люди — большая редкость. И мне даже хочется выговориться ей, во мне зреет порыв рассказать хоть кому-то всё, что со мной происходит.

Вдруг она что-то подскажет? Но что?

Зачем втягивать постороннего человека в свои проблемы?

Старательно отнекиваюсь и делаю вид, что у меня всё прекрасно, и мне удастся перевести разговор в другую сторону. Олеся начинает рассказывать о себе:

— А я собираюсь стать мамой. Вадик тоже не против. Ты же помнишь Вадима Воронова из параллельного класса? Так вот мы с ним собираемся пожениться, — сияет счастливой улыбкой, вызывающей белую зависть. — Сама не понимаю, как у нас так вышло с ним. Я к нему котенка принесла. Вернее, не к нему, а в ветклинику. А он там работает. Обычным ветеринаром. Неплохо, кстати, зарабатывает, но, главное, что добрый, домашний, животных любит. А помнишь, как мечтали о богатых мужиках? Об олигархе на черном мерине?

Я не мечтала, но всё равно киваю, потому что вряд ли кто-то мечтает в юном возрасте о бедняке с дырявыми карманами.

— А счастье, наверное, не в богатстве, Сонь, а в том, чтобы найти того самого человека.

Какое-то время молчим, а потом Олеся вдруг рассказывает:

— Знаешь, у тети Любы моей муж умер, так она так сильно переживает, сердце разрывается за нее, — вздыхает тяжело. — Ты ее, наверное, помнишь? Она у нас несколько лет физику преподавала. Потом квартиру в городе им дали, стало далековато до них, редко видимся. Хотя, на машине три часа всего. Мамина сестра старшая. Еще на выпускном у нас ведущей была, так весело было, помнишь? — все дальше окунается в воспоминания.

— Конечно помню, Любовь Сергеевну. Очень хороший преподаватель, но физику я все равно не любила, — улыбаюсь.

— Я тоже. Ничего в ней не понимаю до сих пор, — отмахивается Олеся.

— Как жаль твоего дядю.

— Да, очень. Сердце прихватило, не смогли спасти. Люба теперь на даче постоянно, ведь дядя Коля дом десять лет строил, хотели старость вместе провести. А квартира теперь пустует. Некому там жить.

— А разве у них не было детей? — спрашиваю, ведь припоминаю, что у тети Лены точно был сын возрастом чуть старше Олеси.

— Есть. Но Дима практически не живет в квартире, у него блог по путешествиям, дома его редко когда застанешь. Я всё уговариваю тетю Люду сдавать квартиру, а она боится доверять чужим людям. Переживаю за нее в общем, может уговорю ее продать квартиру, да к нам заберу ее. Вот только дом у родителей маленький. В общем, планов полно. Ой, что-то я тебя загрузила своими родственниками.

— Ну что ты.

— Артем как? Всё еще рисует? Ой, — бьет себя по губам, — художники же пишут! Прости, пожалуйста!

— Ничего страшного, улыбаюсь.

Ответить на вопрос про брата не успеваю, в сумке громко и настойчиво вибрирует телефон. Карим. Потерял свою карманную жену?

Губы кривятся, очень хочется сбросить звонок, но я заставляю себя ответить.

— Где ты? — без предисловий требовательно спрашивает Абашев.

— В кафе. С подругой.

— Ясно. Я тебя потерял. Тетки сегодня какие-то странные. Ничего не произошло, пока меня не было?

— Нет, все отлично, — делаю голос сладким и беззаботным. Машинально. Внутри все кипит, но я нахожу своеобразное удовольствие так нагло и бесцеремонно навешивая «лапшу на уши» своему собеседнику.

— Хорошо. Когда ты освободишься? Я за тобой заеду. Скинь геолокацию.

— Зачем? Я сама прекрасно доберусь на такси. Мне в особняк приехать? — воркую нежно.

— Софья! Не зли. Я же сказал, что приеду за тобой.

— Как хочешь, — отвечаю равнодушно.

Сбрасываю звонок, не утруждая себя прощанием.

Но геолокацию отправляю сразу. Зачем нарываться на конфликт?

— Жених? — спрашивает Олеся.

— Да, — вздыхаю.

— Кажется, между вами не все так спокойно. Это ничего, Соф. Мало ли, все бывает. От недопониманий и ссор никуда не деться. Вы ведь не так давно начали встречаться? Главное — это любовь. Желание быть вместе. Ох, я такая болтушка. Ты ведь не спрашиваешь моего совета, — смеется подруга.

— Он сегодня закрылся на час в кабинете с другой бабой. У тебя в отношениях такое бывает? — произношу неожиданно для самой себя.

— Ох, милая. Нет, я бы точно такого не потерпела! Это на работе, да? Кто эта стерва? Потребуй, чтобы ее уволили! — Нет, это дома. Она наша соседка, попросила бизнес-консультацию по открытию бутика нижнего белья.

— Ну дела. Хм, кабинет, бизнес... Твой жених богат, да?

— Какое это имеет значение?

— Да нет, никакого. Я просто подумала... Понимаешь, я вряд ли могу давать советы по отношениям с бизнесменом. Мой парень простой ветеринар. У нас все как-то попроще будет. Хотя, иногда на прием заявляются красотки со своими йорками да шпицами. Эдакие мамочки своих идеальных псинок. Бесят тоже. Иногда психую, закатываю сцены. Чтобы не расслаблялся. Теперь понятно, почему ты была так холодна по телефону. Все правильно делаешь!

— Спасибо. Думаю, это все не зависит от денег. В любых занятиях можно найти параллели, — улыбаюсь.

— Тоже правда. От денег не зависит, только от их количества, хихикает Олеся. — Так значит, он сейчас приедет сюда? Здорово! Заценю твоего парня.

— Хорошо, — вздыхаю.

Олесе удается повысить мне настроение своей доброжелательностью. На контрасте особняк Абашева кажется банкой со змеями. Как же не хочется возвращаться туда!

— Мне так приятно было встретиться! Давай не теряться, Соф? Повторим встречу?

— Я с удовольствием!

Карим приезжает через двадцать минут. Олеся вежливо и приветливо здоровается, я представляю их друг другу. Незаметно для Абашева подружка округляет глаза и поднимает большой палец вверх. Типа «Очень круто, Софья, так держать».

Я могу лишь улыбнуться в ответ.

— Подвезти? — спрашивает Карим Олеся.

— Ой, я даже не знаю. Мне на другой конец города...

— Неважно.

— Спасибо! Ты не против, Соф?

— Нет, я с радостью.

В машине болтаем, Олеся вспоминает про наши школьные годы, Карим вроде с интересом слушает, даже вопросы задает. Олеся старательно нахваливает меня, представляя лучшей ученицей в классе. Впрочем, училась я действительно довольно хорошо.

Спустя сорок минут остаемся одни, высаживаем подружку возле ее дома. \

Олеся приглашала нас в гости, очень настойчиво, но мы отказались. Я устала от фарса, ну а Кариму скорее всего это вообще не интересно.

Больше не хочется притворяться настоящей парой. Это утомляет очень. Я принимаю решение, что в следующую встречу расскажу подруге всю правду. Олесе я доверяю, она никогда ни один секрет не разболтала, а мне просто необходимо поделиться.

Мы возвращаемся в особняк? — спрашиваю, устало откинувшись на спинку сиденья.

— Не хочешь? Что там произошло? Я же вижу, ты ведешь себя необычно, — сразу переходит в наступление Карим. Спрашивает требовательно, но я не сдаюсь.

— Ничего. Тебе показалось. Я отлично провела время с подружкой.

— Сомневаюсь, что мне показалось, — фыркает, взгляд мрачнеет.

— С чего вообще такие мысли?

— Я слишком хорошо знаю своих теток.

— Твои тетушки замечательные.

— Значит, не расскажешь?

— Нечего.

— Ты слишком упрямая.

— Да нет, совершенно, я даже получаю удовольствие, вот так вот «тролля» Абашева.

Но в особняк мы в итоге не едем. Карим привозит меня в квартиру. Чему я с одной стороны рада, а с другой...

Теряю контроль, пугаюсь, пульс мгновенно разгоняется... Потому что Карим прижимает меня к себе, как только проходим в гостиную. Окутывая дорогим парфюмом и аурой власти.

Абашев привозит меня в квартиру, и я понимаю, что чувствую огромное облегчение. До жути не хочется видеть сейчас обитателей особняка. Да что там! Никогда бы больше их не видела! Особенно Айгуль.

Нет, тетушки очень хорошие, добрые женщины. Но ведь я вру им. Между нами сплошная ложь, фарс. Это невыносимо. Невыносимо чувствовать себя лгуней не по своей вине и играть чужую роль.

— Иди ко мне, — произносит Карим, как только оказываемся в гостиной.

Притягивает меня к себе. Пробегается подушечками пальцев по моему лицу. Смотрит задумчиво. Его глаза затуманены. Ловлю себя на том, что мне бы сейчас безумно хотелось узнать его мысли.

Но даже без этого мне очень хорошо. Здорово. И это немного пугает. Я вздрагиваю.

— Я соскучился, — произносит хрипло Карим.

Его губы голодные, Абашев издает короткий рык, прижимает меня сильнее. Его тело становится твердым, горячим. Кладу руки ему на плечи, поглаживаю, перемещаю ладони на грудь и ощущаю, как громко и ровно бьется его сердце. Мне нравится с ним целоваться. Это полное безумие, но я словно переношусь в другое измерение. Превращаюсь в другую личность. Внутри рождается отклик, я хочу чувствовать этого мужчину. Потребность лишь усиливается, наш поцелуй становится глубже. Я окончательно теряюсь, растворяюсь в ощущениях.

Нет ничего вокруг. Только мы двое.

Руки Карима поглаживают меня по спине, затем он стаскивает с меня толстовку. Дальше очередь штанов. Сам тоже скидывает одежду. Прямо в коридоре. Мы задыхаемся, жадно смотрим друг на друга. Я больше не чувствую стыда или смущения. Он нужен мне. Я хочу отдаться ему. Почувствовать его страсть, испытать ее до дна...

Карим подхватывает меня на руки, несет в спальню. Мы падаем на кровать.

Карим снова жадно целует, потом прокладывает губами дорожку вниз, по шее, ниже... Я всхлипываю, когда дергает чашечки лифчика вниз. Даже эта грубость меня возбуждает. Заводит безумно. Теперь в ласках нет нежности, только неистовая потребность. А я... выгибаюсь навстречу этой ласке, руками притягиваю голову Карима ближе, зарываюсь пальцами в волосы. Польшаю, стораю заживо... Его губы, его поцелуи — сводят с ума.

— погоди, малышка...

Он отстраняется, раздеваясь до конца. Вновь подается ко мне и неожиданно замирает.

Сдвигает брови. Изучает внимательно... Я прослеживаю его взгляд и напрягаюсь. Он смотрит на ожог.

— Что это? — спрашивает тихо.

— Потом, — тянусь к нему.

— Что случилось, Софья? — теперь уже жестко, требовательно.

Самое неудачное время для откровений! Не хочется жаловаться, как какая-то ябеда. Мне это противно, но Карим вытягивает из меня всё, до мельчайших подробностей.

— Твоя прислуга меня невзлюбила, — пытаюсь выдавить смешок. — Бывает. Зато я в аптеке встретила старую подружку. Мы отлично провели время, а кожа, что поделать, все до свадьбы заживет, — пытаюсь шутить. Мне кажется — вышло остроумно.

Карим очень мрачен и я сама тянусь к нему губами. Я хочу этого мужчину. Да, он невыносимый деспот — иногда таким бывает, но сейчас мне на все плевать. Когда я успела стать такой? Что я буду делать потом, когда наш договор закончится? Ведь я безнадежно влюбилась...

— Ты с ума меня сведешь, — шепчет Карим, отрываясь от меня.

— Это мне подходит, — отвечаю, закрыв глаза в тот момент, когда его губы снова касаются моих губ.

Мужские пальцы подбираются к краешку моих трусиков, мокрых насквозь. Я смущенно дергаюсь, пытаюсь отстраниться. Карим удерживает меня. Новое прикосновение настолько интимно, что вскрикиваю, меня подбрасывает. Дышу тяжело, пока пальцы Абашева начинают нежно исследовать самые потайные местечки.

— Прощу тебя, — шепчу бессвязно, хныкаю, не в состоянии произнести что-то связное.

Напряжение внутри нарастает, все вокруг перестает существовать, каждое движение мужской руки приближает взрыв.

Громкий стон срывается с наших губ почти одновременно. Карим шуршит фольгированной упаковкой, затем опускается на меня. Начинает медленно двигаться, следя за моим лицом. Чувствую, что он сдерживается, бережет меня. Это бесконечно медленный чувственный танец, в котором участвую, я почему-то уверена, не только наши тела. Запредельное удовольствие переполняет.

Я обхватываю спину Карима ногами. Он в ответ стискивает мои бедра. Наши тела сплетены в единое целое.

— Прости, малышка, — бормочет, вжимая меня в постель своим мощным телом.

Извиваюсь под ним, стараясь стать еще ближе. Словно только так могу стать живой. Свободной. Поражаюсь, насколько безумие охватило меня. Не подозревала, что существует такая степень близости между людскими существами.

После долго лежим неподвижно, прижимаясь друг к другу. Мне удивительно хорошо и спокойно в объятиях Карима. Радуюсь, что больше не обсуждаем произошедшее в особняке. Карим встает, спрашивает где купленная мной в аптеке мазь. Приносит ее и заботливо намазывает на ногу. От этой заботы хочется плакать. Нет, я не буду снова переживать эту неприятность. Просто выкину из головы. Сейчас точно не ни о чем подобном думать.

— Расскажи подробно, что произошло в особняке. Тетки купили платье, об этом я в курсе. Слышал краем уха.

— Оно испортилось. На самом деле мне не нужно платье. Зачем? Это же...

Не могу произнести слово «фиктивно». Сама себе удивляюсь. Почему?

— А как прошло ваше совещание с Дилярой? — меняю тему. — Ты ей помог?

— Ты ревнуешь, Софья? — выгибает бровь Карим. В его глазах пляшут чертенята.

— Вот еще глупости! Просто стало интересно. Свой бизнес — это же замечательно. Где будет бутик? В центре, наверное.

— Обязательно туда заглянем, если он все же откроется, — ухмыляется Абашев. — Насколько знаю Диляру, она быстро загорается, но так же быстро гаснет. Так что, может это всего лишь блажь. Но мне приятно, что ты не осталась равнодушной.

— Мне совершенно все равно, уверяю!

— Ладно, не нервничай, — обнимает меня нежно.

В носу щекочет, я невольно сама жмусь к сильному телу. Оно притягивает меня, манит. Невозможно сопротивляться.

И тут Карим снова начинает расспрашивать про платье, как я обожглась. Хочет знать каждую мелочь! Где были тетушки, что сказала Айгуль.

Мне очень не хочется возвращаться к теме конфликта, но никак не удается переключить его на другую тему.

— Лучше бы я сказала, что сама пролила на себя чай! — восклицаю удрученно.

— Ненавижу ложь. Никогда так не делай, Софья, — похоже, своими словами я дико его разозлила.

— Если даже устроишь показательную порку этой Айгуль, не думаю, что поможет, — вздыхаю. — А тети твои расстроятся. Обидятся. Они этого не заслуживают! Они очень стараются принять меня... Я не хочу никому портить настроение, понимаешь? Мы можем просто забыть об этом? Мазь помогает, мне гораздо легче.

— Тебе правда не обидно за платье? — неожиданно спрашивает Абашев.

Смотрю на него удивленно. Странно, что его волнует эта тема.

— Это всего лишь платье, — говорю дрожащим голосом. — Оно было потрясающим, да. Я считаю такое произведение искусства не заслуживает злобы и агрессии. Мне его очень жаль.

Тянусь к Кариму. Отвлекаю его ласками от неприятного разговора. Поражаюсь своей смелости. Наверное, это последствия стресса, но я стала куда менее зажатой. Внутри вспыхивает опьяняющее чувство свободы. Желание любить без страхов и камней за пазухой. Пусть он купил меня. Но сейчас я принадлежу ему добровольно.

На рассвете Карим будит меня, и мы снова занимаемся любовью, а потом снова отключаемся, утомленные.

Когда открываю глаза — я одна в постели. На часах десять утра, и я не могу точно определить грани между вчерашней и утренней реальностью и сновидениями, в которых тоже был Абашев, и страсти там кипели тоже нешуточные.

Встаю с постели со стоном, кажется, что болит каждая мышца. Прохожусь по всем комнатам и понимаю, что Карима нет. Он оставил меня одну. Понятно, он занятой бизнесмен и просто не стал меня будить, но мне все равно очень грустно.

Готовлю себе кофе, легкий салат, завтракаю. Звонок в дверь заставляет напрячься. Смотрю в глазок — молоденькая девушка, в ее руках огромный, больше чем она сама черный чехол. Открываю дверь. Скорее всего, она просто ошиблась адресом.

— Доброе утро! Вот и я! Как и просили — максимально срочно! — тараторит бодрым голосом.

— Извините, вы, наверное, ошиблись, — отвечаю растерянно. — Я ничего не заказывала.

— Вы Софья? У меня заказ на Софью Абашеву, — невозмутимо отвечает девушка.

— Да, я Софья, — совершенно теряюсь!

Абашева? Это такая шутка?

Пока я точно не Абашева. Но должна стать в скором времени. Как же неловко! Зачем Карим вот так поступает?

Внутри кипит смесь возмущения и возбуждения. Очень странное сочетание.

— Я привезла вам платье! — ничуть не тушуетсЯ девица. — Помогу со всеми деталями! Наш салон — лучший в городе. Обещаю, вы будете довольны.

— Платье? — еще сильнее недоумеваю. Да что такое происходит? Меньше всего мне хочется снова погружаться в тему с платьями. Особенно, свадебными. — Хорошо, но в каком плане вы мне можете помочь?

— Нарядиться, причесаться. О, еще туфли, — выбегает на лестничную площадку, возвращается очень быстро с большой белой коробкой в руках.

— Зачем мне помогать? — продолжаю задавать вопросы, чувствуя, что со стороны выгляжу как минимум туповатой.

— Так у вас же бракосочетание в час дня! Мы как раз успеваем! Все, давайте начнем, прошу вас! Я многопрофильный специалист, могу сделать макияж, прическу. Для нас очень важно выполнять максимально качественно все пункты договора, — невероятно позитивная девушка, продолжает забрасывать меня информацией.

— Хорошо, пойдемте в гостиную, — вздыхаю. — Хотите кофе? Я отойду на пару минут.

— Только не больше, Софья, пожалуйста! — кричит мне вслед.

Захожу на кухню, беру телефон и набираю Кариму. Он отвечает с третьего гудка.

— Да?

— Где ты? Что за новости? Свадьба сегодня? — мой голос дрожит.

— Ага. Ты не против?

— Я не знаю! Ты не мог сначала спросить? Мне тут... платье привезли.

— Я через час за тобой заеду. Подумал, ну его нафиг, церемонии, тетушки с их

причитаниями. Обязательно будут рыдать, это не так легко вынести. Лучше только ты и я. Если захочешь праздник потом — я не против. Сегодня будет официальная часть, ничего особенного.

— Я... Хорошо, мне в общем все равно, — говорю растерянно. — Только не понимаю, зачем тогда нужно платье?..

— Вот и отлично, — Карим не утруждает себя объяснениями.

Все же Карим очень непредсказуемый человек. Трудно привыкнуть к его склонности к резким решениям, жесткости, иногда спонтанностям. Он то холодный, то обжигающе страстный. Возможно, это меня и привлекает в нем. Постоянный взрыв эмоций. Я к такому не привыкла. Это будоражит, держит в напряжении, и... Возбуждает. Невозможно не признать.

С Абашевым точно не соскучишься.

Даже его неожиданная отстраненность моментами, уже не вызывает отторжения.

Я все равно влюбилась. Догадываюсь, что будет непросто. Но на все готова. Кто бы мог подумать, что моя детская влюбленность станет реальной, а навязанный силой фиктивный брак — желанным.

Я уже позволяю себе мечтать, что интересна Абашеву не только как средство достижения неких целей. Не буду думать об этих коммерческих тайнах, подводных камнях бизнеса. Я буду просто любить его.

Потому что иначе уже не могу.

* * *

— Вы просто красавица! — восторженно выдыхает девушка-стилист, закончив колдовать над моим образом.

Она помогла мне одеться в платье, не такое роскошное, как предыдущее, достаточно простое, но очень элегантное. Очень приятная ткань, хлопок, стрейч, в пол, простого покроя, без изысков или вышивки. Легкий оттенок в лен, не чисто белое. Простота лишь подчеркивает, что вещь далеко не дешевая.

Затем девушка долго колдовала над прической. Ничего вычурного, аккуратный пучок с выпущенными по бокам завитыми прядями волос. Выглядит естественно. Как и макияж. Изысканный, ненавязчивый. Она просто волшебница. Я почти не накрашена, но все-таки лицо преобразилось. Чувствую себя красивой, а на щеках расцветают румяные розы.

Особенно, когда думаю о кружевном белом комплекте и чулках, чью приятную поверхность ощущаю чувствительной кожей. В голове невольно рождаются неприличные образы. Несвоевременные, очень откровенные.

Карим сделал меня смелой... Я мечтаю о нашей брачной ночи. Это будет не первая наша близость, и все же особенная. Я так чувствую.

— Спасибо, — всё, что могу сказать, теряясь от смущения.

У меня в голове не укладывается, что вот она я в отражении зеркала — настоящая невеста. Я иначе представляла свою свадьбу. Нет, не с кем-то конкретным. Просто порой думала, что когда-то выйду замуж, ведь все почти выходит.

Но в своих мечтах я видела нечто стандартное.

Нарядные жених и невеста, множество родни, яркие фотографии, влюбленный взгляд моего избранника, который наденет мне кольцо на палец и назовет своей женой. Я видела идеальную картинку, стандартную, шаблонную. Как у всех.

С Каримом всё иначе. Мы не признавались друг другу в любви. Наш контракт не

предполагает чувств. Но я беззаветно влюбилась и где-то в тайниках души храню крохотную надежду, что мне ответят взаимностью.

Сердце сладко замирает и потом пускается вскачь. Я выйду замуж за Карима и возьму от этого брака всё, что смогу. Всё, что даст Карим. По крайней мере, пока мне достаточно его страсти. От каждого его поцелуя я таю, как лед по горячим солнцем.

А вдруг... Вдруг он меня тоже любит, просто еще не сказал? Или пока не осознал этого? Я отчаянно хочу узнать, что Карим ко мне чувствует. Разве может так целовать и любить тот, кто равнодушен? Неужели он вот так же может целовать кого-то другого? Лично я не могу представить на его месте другого мужчину.

— Всё будет хорошо, — девушка подбадривает меня, а я думаю о том, что она будто прочитала мои мысли. А может, у меня просто всё на лице написано. Жутко волнуюсь.

Но пора идти, Карим уже ждет внизу.

Спускаюсь по лестнице, и дух захватывает. Он роскошно выглядит в черном нарядном костюме и с ленивой улыбкой на красивых губах.

Подает мне руку и довольно присвистывает. Млею под его восхищенным взглядом. Щеки снова окрашиваются румянцем. Но мне приятна высокая оценка в глазах жениха.

— Ты великолепна, — Карим оглядывает меня горящим взглядом.

— Спасибо, — смущаюсь и опускаю глаза.

Карим подцепляет подбородок пальцами и заставляет посмотреть на него.

— Не надо смущаться. Сегодня наш день. Поехали.

Дорога в ЗАГС протекает незаметно, мы с Каримом вместе — и этого для меня достаточно. Ничего больше не нужно. Удивительно, как он сумел собой заполнить весь мой мир. Это даже пугает.

— Добро пожаловать, — нас встречают в ЗАГСе, приглашают в торжественный зал, нарядная женщина в строгом бордовом костюме вежливо улыбается.

— Добрый день, — Карим отвечает на приветствие легким кивком, я тоже здороваюсь, замечаю, как оценивающий взгляд работницы ЗАГСа бежит по моему жениху.

Сканирует его на достаток? Уверена, в каждом движении, жесте и повороте головы Абашева даже посторонние замечают, что он хозяин жизни. Такому не научиться. Нужно родиться с золотой ложкой в зубах и вырасти в богатой среде, чтобы транслировать подобный шик.

— Вообще-то, у нас о церемониях договариваются заранее, — ведет плечом женщина, — но для вас мы сделали исключение.

Со значением улыбается, словно хочет благодарности за это свое одолжение, но Карим лишь обнимает меня за талию.

— Но вы же понимаете, что мы не можем ждать.

— Конечно-конечно, мало кто мечтает выходить замуж с...

Она не произносит вслух, но показывает рукой большой живот. И до меня доходит, что они обсуждают мою беременность. Мою несуществующую беременность. Кажется, именно ею Карим обосновал нашу срочную роспись.

От смущения снова опускаю глаза. С моей стороны комментарии излишни, да и что тут скажешь, когда они уже договорились без меня?

— Тогда приглашаю вас в зал, — женщина предлагает нам проследовать за собой. Проходим через фойе, где толпится нарядный народ. Быстро бросаю взгляды на других невест, которых ждут обычные церемонии, и понимаю, что совсем не переживаю. Пусть у меня не будет настоящей свадьбы, зато я выхожу замуж за Карима. И даже могу ненадолго представить, что это всё по-настоящему.

По крайней мере, мне очень хочется в это верить. Последнее время мы сблизились, Карим ведет себя очень заботливо. Совсем не так, как в начале нашего столкновения из-за Артёма.

Вот и позволяю себе окунуться в грезы. Вреда ведь от этого не будет, верно?

Мы не стоим, как на обычной свадьбе, а присаживаемся в кресла словно из царских времен за полированный овальный стол. С благодарностью смотрю на Карима. Я правда не хотела бы оказаться в пустом зале регистрации на красной дорожке с пустующими стульями по бокам, осознавая, что на этой свадьбе мы только одни. Здесь уютнее, что ли, мне так больше нравится.

— Можем начинать? — вежливо интересуется сотрудница ЗАГСа.

Карим кивает, и она начинает говорить поставленным голосом. Каждое слово ее речи западает мне в душу, хоть и понимаю, что это банальности, сказанные всем без исключения. Но говорит она с чувством, улыбка на лице открытая и искренняя, это очень располагает к себе.

— В знак любви и верности обменяйтесь кольцами, — буквально пропевает с улыбкой женщина.

Внутри меня рождается всплеск восторга, когда Карим достает две коробочки. Бережно берет мою руку в свою. Наконец на моем пальце красуется тонкий ободок обручального

кольца. Мы ставим подписи в официальных документах. С трепетом вывожу подпись.

Невероятно! Это свершилось!

— Поздравляю новобрачных! Совет за любовь!

Итого процедура регистрации брака заняла всего лишь несколько минут. Но я запомню эти минуты на всю жизнь.

— Ты достойна настоящей свадьбы, праздника, — говорит мне Карим, когда мы выходим из здания ЗАГСа, — хотя бы праздника.

— Мне ничего не нужно, — отвечаю совершенно искренне. Вся эта мишура — гости, украшенные лентами и шарами автомобили, шикарный праздник — мне ничего не нужно. В эту минуту я невероятно счастлива, меня переполняют эмоции, и все страхи и сомнения хочется отодвинуть на задний план.

— Но праздник все-таки будет.

Приподнимаю бровь.

— Тетки не оставили меня в покое, пока не пообещал, что мы приедем в особняк. Не пугайся, но, насколько я их знаю, сложа руки точно сидеть не будут. Я просил их успокоиться, убеждал, что нам не нужно ничего помпезного. Надеюсь, хоть немного прислушались и не позвали весь город. Максимум несколько друзей семьи, компаньоны, всё по-простому.

По-простому — и тетушки Карима? Вот уж не думаю. Но, как ни странно, они и правда сумели организовать небольшой семейный праздник, а не грандиозный прием, как я боялась.

— Софья! Какая красавица! Карим, поздравляем! — окружили нас сразу.

— Мы уже заждались. Скорее к столу. Девочка, ты самая красивая невеста. И платье чудесное.

Тискают меня в объятиях, передают, как эстафетную палочку, друг другу, щеки ломит от улыбок, которые я расточаю в ответ на бурные поздравления.

— Карим уволил Айгуль, — доверительно сообщает мне Нурия, сестра поддакивает ей.

Они пользуются тем, что Абашев отошел к другим гостям. Смотрю на них ошеломленно.

— Уволили? Но почему?

— Как почему? Она испортила платье! Обожгла тебя горячим чаем, а потом придумала дурацкую версию, что ты сама виновата. Извини нас, Софья, что не поддержали тебя. Это ужасно, нам так неловко. Мы просто растерялись. В голову не могло прийти, что можно так легко лгать! Оказывается, в ее словах не было ни капли правды. Какой позор, ужас.

— Наверное, не стоило говорить об этом сейчас, — вздыхает Гарифа. — Не время, зачем портить праздник.

— Ну что уж теперь, раз начали, — качает головой Нурия. — Не знаю, как мы могли поверить в несусветную чушь, которую несла эта девица. С ума сойти!

— Обошлись с тобой так несправедливо, — кивает Гарифа.

— Но уволить? Не слишком ли сурово? — спрашиваю, закусив губу.

— Так решил Карим. Он глава нашего дома. Ему виднее. Но мы полностью согласны.

— Она подорвала наше доверие. А ложь — это вообще неприемлемо, — строго смотрит на меня тетушка Нурия. — Ты жалеешь ее? Ну конечно жалеешь. У тебя слишком доброе сердце. Не надо. Она тебя не пожалела, когда опрокинула прямо на платье горячий чай.

Очень хочется как можно скорее закрыть эту тему. По здравому рассуждению, Айгуль получила то, что заслужила. Я много раз предупреждала ее, чтобы не переходила черту. Но

ей было всё нипочем. Я не собираюсь жалеть ее. Но и радоваться ее несчастьям не стану.

— Не думай о ней, дорогая, у тебя такой счастливый день! Пойдем к гостям, попробуешь угощения. Ты наверняка голодная.

И правда, голодная. Сама не осознавала, насколько, пока не села рядом с Каримом во главе стола.

— Ты знал, что они уволили Айгуль? Ты их попросил? — спрашиваю тихо.

— Правда сейчас хочешь про служанку поговорить? — дает понять, что этот вопрос обсуждать совершенно не к месту.

Вздыхнув, переключаюсь на другую тему, общаюсь с гостями, принимаю дальше комплименты и поздравления. Наверное, Карим и его тети правы — ни к чему сейчас вспоминать плохое. Это день нашей свадьбы, и я буду просто наслаждаться всем происходящим.

Время летит незаметно. Тосты, смех, шутки. Все гости очень любезные, ни один не дал понять, что удивлен выбором Карима. Смотрят на меня с восхищением.

После застолья гости разбредаются по дому, мы общаемся то с одними, то с другими.

— А вот и Пётр Вениаминович, — радостно восклицает подошедшая к нам Гарифа. Тетушка выглядит очень возбужденной, сияющей.

— Поздравляю молодоженов! Спасибо, что позвали, — представительный мужчина пожимает Кариму руку. — Как же я рад, что ты наконец остепенился, Карим. Думаю, теперь наш проект пойдет отлично. Ты же знаешь, как я люблю, чтобы мои партнеры были семейными людьми.

— Спасибо, что приехали, Пётр Вениаминович, кивает Абашев. — Рад слышать, что вы все еще заинтересованы в сотрудничестве.

— Более чем, уж поверь. Знаешь, не будь твоя жена такой красавицей, я бы мог подумать, что это ход конем, так сказать, — многозначительно смотрит на меня.

Карим напрягается, его брови сдвигаются к переносице.

— Не понимаю, о чем вы.

— Да ладно, всё ты понял, — добродушно улыбается компаньон Карима. — Простите меня, милая Софья, я ни в коем случае не хотел задеть вас, честное слово! Лишь немного поддеть вашего супруга. Я ему почти завидую, глядя на вас. Хотя я вот уже тридцать лет верен одной женщине, своей дорогой Лидии. С удовольствием вас познакомлю. Что скажешь, Карим? Поужинаем как-нибудь вместе? После медового месяца, разумеется.

— После нашего возвращения — с удовольствием, — Карим отвечает вежливо, но чувствую, что выпад гостя не пришелся ему по душе.

У меня он тоже оставил неприятный осадок.

— Отлично! Сразу как вернетесь, приступим к проекту. Куда летите? — смотрит заинтересованно.

Ответ Карима меня весьма удивляет, ведь я совсем не думала о свадебном путешествии.

— В Стамбул.

— Отличный выбор. Хотя обычно молодожены выбирают белый песок и голубой океан.

— Поймали, Пётр Вениаминович, — вздыхает Карим. — Меня ждет там несколько деловых встреч.

— И как вы только его терпите, Софья? — качает головой мужчина.

— Сама не знаю, — вхожу в роль, пытаюсь уловить стиль общения, этого явно важного для Карима партнера.

Какое-то время мы ведем необременительную беседу, после чего Пётр Вениаминович покидает праздник под предлогом того, что его любезная супруга простудилась, плохо себя чувствует, и он не может оставить ее надолго одну. Даже умилительно видеть у такого степенного взрослого мужчины настолько трогательную заботу о любимой женщине, с которой он прожил много лет.

Невольно задумываюсь о нашем с Абашевым будущем, не замечая, как мы снова оказываемся в чьей-то компании. Гости стремятся поздравить нас лично, и это нормально, вот только настроение сразу падает вниз, как только встречаюсь лицом к лицу с девушкой, которая явно зарится на моего уже мужа.

Вот хоть ты тресни, а я не могу избавиться от ощущения, что она за ним охотится и ждет момента, когда сможет его заграбастать себе. Взгляд хищницы вызывает оторопь. От него хочется поежиться. Тем более что он недобрый и идет вразрез с той патокой, что льется из ее ярко-красных уст.

— Кари-и-и-им, поздравляю вас, — буквально поет Альфия, томно глядя на моего мужа. — Софья, береги его, тебе достался весьма ценный экземпляр. Эксклюзивного отлива. Единственный в своем роде.

Хорошо хоть не тянется к моему мужу с поцелуями, при своих родителях ведет себя прилично, но меня почему-то не покидает ощущение, что наедине она может вести себя с ним более чем фривольно. Есть что-то такое в ее повадках, что намекает на близость между ними. В то же время Карим никак на нее не реагирует и не дает мне поводов для беспокойства.

Лишь молча поджимает губы, словно терпит ее сладкоречивые, насквозь фальшивые поздравления. Не рад им. По крайней мере, мне так кажется.

Так, может быть, я придумываю себе лишнего? Наверное, неприятно проигрывать такой, как я. Видимо, она себе настроила много планов насчет будущего с Каримом, а я всё разрушила.

— А вы уже подписали брачный контракт? — спрашивает она как бы между делом и изображает из себя полное безразличие, тогда как глаза сверкают интересом.

Станный вопрос и, как по мне, неуместный. Чувствую, как Карим каменеет рядом со мной. Обдает Альфию холодом.

— Ну извините, это было бестактно, не скрою, — улыбается она лишь губами, а глаза холодны как лед. И в них заметна капелька досады.

— Брачный контракт — дело хорошее, важное, без него в наше время никак, — отец Альфии пытается сгладить бестактное замечание дочери, уловив всеобщую напряженную атмосферу, — обе стороны должны быть защищены. Доверие — это очень важно. Так что, Карим? Составили уже брачный контракт? Может, помощь нужна с хорошим юристом?

— Контракт есть, и он подписан, — скрипучим голосом цедит сквозь зубы Карим, и дурак тот, кто не поймет, что тему надо закрыть.

А я стою в замешательстве и думаю, когда же я успела подписать брачный контракт? И тут на ум приходит тот день, когда я по просьбе Абашева ездила к нему в офис и подписала какие-то бумаги. Он что-то говорил про их содержание, но я так волновалась, что всё пропустила мимо ушей.

А зря.

Интересно, что я подписала? На какие условия согласилась? И почему вопрос так не

понравился Кариму?

А впрочем, какая разница? Разве я имею право голоса? Разве могла бы внести изменения в контракт, если бы он мне не понравился? Я бы подписала всё что угодно, поскольку такова была наша договоренность с Каримом изначально. Брак фиктивный. Отношения договорные. С чего бы ему доверять мне безоговорочно и жениться без брачного контракта?

Чтобы заполнить паузу, родители Альфии продолжают разговор, она же, очевидно, придумывает очередной каверзный вопрос. Но, к счастью, ему не суждено родиться на свет.

— Боюсь, нам пора, — прерывает расспросы Карим. — Завтра ночной перелет, надо отдохнуть как следует.

— Так рано покидаете гостей? Куда так торопитесь? — спрашивает Диляра.

— Хочу остаться наедине со своей женой, — ровным голосом говорит Абашев, смерив равнодушным взглядом сначала мать, а затем и ее дочь. Лицо Альфии идет красными пятнами, ответ ей явно не пришелся по вкусу.

— Ну что ж, тогда хорошего вам свадебного путешествия, — выдавливает улыбку Диляра.

Свадебное путешествие! Это звучало так восхитительно! Только я и Карим. Всё время вместе. Тревожно, и в то же время — что может быть прекраснее?

Это был удивительный сюрприз для меня. Я никогда нигде не бывала, кроме нашего поселка. Карим позаботился обо всем. Оказалось, у меня уже сделан загранпаспорт. Мне оставалось лишь сложить наряды в изысканный кремовый чемодан и сесть в такси, которое отвезло нас в аэропорт.

Увы, ночной перелет меня вымотал, я очень плохо себя почувствовала. Не могла есть. Как только добрались до дома в Стамбуле, сразу упала в постель.

— Не знал, что ты так плохо переносишь самолеты, — Карим смотрел на меня с сочувствием и заботой.

— Я тоже не знала, — вздыхаю, чувствуя себя при этом ужасной лгуней.

Потому что уже вторую неделю у меня задержка. Я стараюсь не думать об этом, гоню от себя эти мысли. Беременность сейчас меня пугает. Я не уверена в Кариме. Я надеюсь, что наши чувства окрепнут. Что начальный этап наших отношений, жуткий договор, останутся в прошлом. Но как же я боюсь ошибиться! Оказаться в кошмаре, где у меня отбирают новорожденное дитя. Эти страхи реализуются в ночных кошмарах всё чаще.

Что, если Карим заметит, что у меня нет месячных? Рано или поздно так и случится, ведь каждую ночь мы занимаемся любовью. Он очень внимателен к деталям. Эти страхи разрывают меня.

Но постепенно самочувствие налаживается. Я забываю о страхах, наслаждаюсь нашим уединением, близостью.

Стамбул меня покорила. Мы остановились в красивом старинном особняке на берегу Босфора. Невозможно устать наслаждаться красотой этих мест. Мы много гуляли по набережной, дыша свежим морским воздухом. Потом грелись в кафешках, заказывали национальные блюда турецкой кухни.

Оказалось, что этот особняк принадлежит Кариму, он приобрел его в прошлом году у своего друга, который решил уехать в Таиланд. За домом ухаживала пожилая пара, муж и жена. Очень милые и гостеприимные. Общаться было непросто, английский они знали на минимальном уровне. Я даже начала изучать турецкий.

В свои права вступала весна, воздух был насыщен такими яркими нотами, солнце уже припекало заметно, что невозможно было не наслаждаться всем этим. Я влюбилась в Стамбул. В его мощь, разнообразие и колорит.

Каждый день, когда я выходила на балкон, изучая пейзажи залива, хотелось расплакаться от восторга. Я даже сделала несколько акварельных набросков, купив необходимые вещи в магазинчике для художников неподалеку.

Конечно, у меня и близко не было таланта моего брата, но все же рисунки вышли очень неплохими. Кариму тоже очень понравились, и он предложил подарить их Нурие и Гарифе.

— Они точно оценят такой жест, — сказал муж уверенно.

Муж. Сложно и бесконечно сладко было привыкать к этому слову в отношении Карима.

Он проводил со мной много времени, постоянно мы ездили на экскурсии, достопримечательности, но и работу, конечно, не забывал. Всё равно случались деловые встречи, ужины. Я смирилась, что поделаться, для него это очень важно, интересно.

Вот и сегодня я проснулась в одиночестве, позавтракала вкусной турецкой выпечкой. Прогулялась, купила себе чашку горячего капучино.

Карим уже вернулся со встречи.

— Я соскучилась, — бросилась в его объятия.

— Больше никаких дел. Только ты, — зарылся носом в мои волосы.

— Но нам все равно придется скоро вернуться? — то ли вопрос, то ли утверждение.

— Да. Боюсь, нам осталась неделя. Но мы еще приедем сюда.

— Место изумительное. Я бы жила здесь всегда.

— И не скучала по родственникам?

Вздыхаю. С братом мы отделились. Нурия рассказала, что звонила ему, чтобы пригласить на праздничный ужин в честь свадьбы, но Артём холодно отказался. Не захотел. Он так и не принял нас с Каримом как пару.

Отец тогда все еще был в клинике. Сейчас он уже вышел, но меня не хочет видеть и даже слышать. Винит в том, через что пришлось ему пройти. Это очень больно, ведь я думала только о его здоровье и благополучии. Сейчас отец совсем иначе выглядит, самочувствие пришло в норму. По крайней мере насколько это возможно.

В последний наш разговор он просил денег, даже, скорее, требовал. Говорил, что, раз я выхожу замуж за богача, теперь должна его содержать. Я, конечно, послала ему небольшую сумму. Но было больно, что он не интересуется моей жизнью. Ему интересны только деньги.

Вот и пришел момент возвращения в родной город. Тетушки примчались нас встречать в аэропорт, сразу повезли в особняк, хотя я снова тяжело перенесла дорогу и чувствовала себя ужасно. Отказываться было неловко. Старалась не показывать свое состояние. Сначала куплю тест, сдам анализы. Нужно убедиться в том, что я правильно оценила симптомы. Потом скажу Кариму. Он должен узнать первым. **К н и г о е д . н е т**

Эта тема так тревожна для меня. Мы ни разу не говорили о детях. Пока страсть выходит на первый план. Но как же хочется верить, что для Карима наш брак не пустой звук. Не только выгодный проект.

— Оставайтесь на несколько дней, — уговаривает Нурия. — Мы так соскучились! Расскажите нам про Стамбул!

— Вы сами туда можете съездить, — говорит Карим. — Софья в восторге от дома. Он великолепен. Моя самая удачная покупка.

— Ох, мы слишком стары, чтобы летать на самолетах, — ворчит Нурия.

— За себя говори, — кривится Гарифа.

Вечером традиционно пришли соседи. Диляра и Надим теперь относились ко мне куда более дружелюбно, но Альфия продолжала держать дистанцию. При этом пожирала Карима такими взглядами, которые мне совсем не нравились.

Будь я, наверное, более решительной, то сразу пресекла бы подобное. Прямо объяснила бы, чтобы не смотрела так на моего мужа. Но это не мой дом, а тетусек. Конфликтовать не хотелось. Я держалась, высказывала только Кариму, а он посмеивался.

— А ты, оказывается, ревнивая, — поддевал меня.

Меня это злило ужасно, затрагивало гордость.

Неделя за другой проходили в особняке. Мы редко бывали в квартире. Карим погрузился в работу, проект с Пётром Вениаминовичем отнимал уйму времени и требовал массу усилий и нервов. Видно было, что оба захвачены общей идеей, постоянно были на связи. Поэтому, Карим предложил нам какое-то время пожить в особняке, чтобы я не скучала одна в

квартире.

Рано утром он уезжал в свой офис и пропадал там допоздна. Он с удовольствием делился со мной тем, как проходит процесс строительства, мне было очень интересно его слушать. Но постепенно начались проблемы, местные власти вставляли палки в колеса. Карим мрачнел, делился все меньше. Я переживала за мужа. Не решалась в такие сложные дни отвлечь его разговором о своей беременности. Хотелось выбрать идеальный момент.

Все надеялась, что со временем мы станем ближе, что разговор пройдет проще. Наводила красоту и уют в квартире, в которой мне было все же комфортнее, чем у тетушек. Слишком уж часто заглядывали в гости их соседи Шакииловы. Их вопросы, внимательные изучающие взгляды раздражали меня.

Приезжая с работы, Карим обычно вез меня ужинать в какой-нибудь ресторан. Я влюблялась все сильнее. Страх перед неизвестностью постепенно притуплялся. Если выдавался свободный день, все внимание Карима было посвящено мне. Я наслаждалась этим, наконец позволив себе поверить, что счастье возможно.

Что мне мешало начать разговор? Страхи. Мы так и не обсуждали начало наших отношений. Что между нами, контракт или любовь?

В тот день я проснулась одна, в нашей квартире. Чувствовала себя очень плохо. С утра кружилась голова, тошнило очень сильно. Что-то не так. Я почувствовала это отчетливо, но было поздно. В туалете увидела на полу капли крови.

В панике я позвонила Олесе. Не знаю, почему именно ей. Попросила вызвать скорую. Дальше провалы в памяти, черные пятна. Осмотр, назначенная операция. У меня выкидыш. Бледное лицо Карима, тетушки, непривычно молчаливые. Чувство вины, что сразу родственникам не сообщила. Испуганное лицо Артёма. Брат примчался раньше, чем Карим. Вскоре возле моей палаты была целая толпа. Но увы, ничто не помогло спасти нашего ребенка.

— Почему ты мне не сказала, что беременна? Два месяца, Софья. Это достаточно большой срок.

В его голосе обвинение. Он такой отстраненный, холодный.

— Я боялась, — шепчу, совершенно разбитая произошедшим.

За что судьба обошлась со мной так жестоко? Я так любила своего малыша. Но иногда закрадывались мысли, что слишком рано. Что не время. Страхи, вдруг Карим отберет его?

И вот я потеряла его. Безвозвратно. О таком и мысли не было!

Как же больно. Я не смогу жить с этим грузом. Все больше себя обвиняю.

Карим отдалился, ночует в квартире, а меня тетушки настояли забрать в особняк, чтобы «выхаживать». Ощущение, что муж не хочет меня видеть такую.

Я прохожу курс антибиотиков, принимаю много других препаратов. Мы теперь спим в разных комнатах. Ко мне ежедневно приезжает врач.

Надежда, что мы сможем вместе пережить эту боль, помочь друг другу, с каждым днем все призрачнее. Мы отдаляемся. Почти не разговариваем.

Муж не заходит в мою комнату. Поглощен проектом, только этим живет, все его мысли сосредоточены на работе.

Я все жду, месяц за месяцем, когда все изменится. Это невыносимо. Неужели Карим так и не простит меня?

Лучше не становится. По вечерам все чаще Карим приезжает домой пьяным.

Об этом я узнала случайно, подслушала, как разговаривали Нурия и Була. Тетушка плакала, причитала. От меня они старались скрывать это. Я рано ложилась спать, и не сразу поняла, что все настолько плохо.

Сегодня Карим приехал очень сильно пьяным в особняк. Приоткрыв дверь, наблюдаю, как он качается из стороны в сторону, несмотря на то, что его крепко держит за талию Була. Тетушки ласково уговаривают его пойти в кровать.

Я обвиняю во всем себя. Сжираю себя.

Не смогла быть откровенной. Не сохранила малыша.

Испортила Кариму жизнь.

Он говорил, что честность для него самое главное. А я подвела его. Обманула.

* * *

— Так больше нельзя, Карим, — сама вхожу в его спальню следующим утром. — Я не могу так больше. Если ненавидишь меня — отпусти.

— С чего ты взяла, что ненавижу? — смотрит, в глазах поволока. Словно еще пьян. — Что за бред, Софья?

— Ты не можешь на меня смотреть...

— Чего ты хочешь от меня, Софья? Каких слов? — рычит, дергая меня на себя.

Я оказываюсь в его объятиях. За эти месяцы успела забыть, какой он горячий. Какой страстный. Набрасывается на мои губы.

Он словно пожирает меня, даже причиняет боль, но во мне живет столько накопленной страсти, что я наслаждаюсь этой болью, пью ее, становлюсь такой же смелой, как и Карим.

Он срывает с меня одежду, стягивает ее быстрыми, резкими движениями, я со стоном подчиняюсь, голову ведет, перед глазами расплываются неясные круги, а он сладко целует

обнаженные участки кожи, не пропуская ни единого сантиметра.

По телу бежит дорожка из горячих поцелуев. Задыхаюсь от жара.

— Девочка моя, — еще сильнее стискивает меня в объятиях.

Крепко прижимаюсь к мужу, с упоением принимаю его напор.

Мне так хорошо, я так соскучилась, настолько переполнена любовью и страстью, что боюсь захлебнуться и утонуть. Каждое его слово вызывает счастливую улыбку, в голосе столько чувственности и желания. Целый океан.

Как? Как я могу вызывать такие горячие чувства? Карим заставляет поверить, что я самая красивая — для него. Мы словно созданы друг для друга. Подходим идеально. Мне хочется поскорее слиться с ним воедино, сплавиться в одно целое, и он разделяет мои чувства.

Наша близость как вспышка. Как яркий фейерверк. От нереального напряжения, которое так долго в нас звенело, случается взрыв.

В ушах продолжает гудеть, когда мы, обессиленные, падаем на постель. Дышу через раз, мне вторит неровное дыхание Карима. Его губы в миллиметре от моих, наши тела сплетены, он гладит меня по волосам, ловит руку и целует пальцы.

Что в его глазах? Мне хочется верить, что любовь, он точно не равнодушен. Но мы молчим, не спешим признаваться друг другу в любви.

Замираю, рассматривая янтарные крапинки, завораживающие меня своей красотой. Несмело поднимаю руку и кладу пальцы на щеку с легкой щетиной.

Это единственный смелый поступок, который могу себе сейчас позволить, чтобы выразить любовь. Чтобы показать, как много он значит для меня. Что между нами много больше, чем просто страсть.

Мы гладим и изучаем друг друга. Тишина не удручает, а рождает нечто новое, чему сложно подобрать название. В этот момент понимаю, что Карим мне ближе всех в этой жизни. Он в самом деле заменил мне весь мир. И если я его потеряю, не знаю, что со мной будет.

Карим

— Что происходит? — раздраженно спрашивает Петр Вениаминович. — Ты выглядишь так, словно тебя пытали. Ходят слухи, что стал много пить, Карим. Это мне совсем не нравится. Ты так долго шел к своей цели...

— И продолжаю идти.

— Понимаю. Слышал, что у вас случилось. Мне очень жаль, Карим. Но это не повод убивать себя. Ты сейчас обесцениваешь все, чего добился. Неужели не понимаешь этого?

— Я ничем таким не занимаюсь. Вам показалось.

— Ясно. Чтож, не буду лезть с советами, — морщится партнер.

Только мне сейчас плевать на его мнение.

Как только Вавилов выходит из моего кабинета, срываю с лица фальшивую улыбку. Голова трещит. Мозг, кажется, вот-вот взорвется.

Пора на самом деле браться за ум. Сколько можно уничтожать себя?

Потому что только я виноват в произошедшем.

Все с самого начала было неправильно. С того момента, когда решил, что можно купить жену.

Живого человека. С чувствами, эмоциями.

А потом и вовсе случилось невозможное. Я влюбился по уши.

Оказывается, чувство вины может быть невыносимым. Разъедает душу, сжирает тебя заживо. Именно это я почувствовал, когда у Софьи случился выкидыш.

Моя жена боялась сказать мне о беременности. Потому что я в начале нашего общения наговорил много ужасных вещей. Самое жуткое — что заберу её ребенка.

Тогда я был зол, разговаривал с ней как с совершенно посторонним человеком, который проник на мою территорию. Перевернул все в доме, наболтал бог знает что теткам. Как она посмела? Тогда все было иначе. Мне хотелось напугать ее. Считал их с братом интриганам, лгунами. Но с того момента прошло много времени. Все изменилось. Софья стала самым близким мне человеком.

Я женился не по расчёту, не из-за проекта, как мог подумать Пётр Вениаминович. Я был по-настоящему влюблён, и когда Софья потеряла ребёнка, ощутил, что все рухнуло. Дело не в том, что я боялся, что она меня не простит. Я сам себе не мог найти оправдания. Не было сил простить себя.

Если бы всё можно было вернуть. Но история не знает сослагательного наклонения. Все уже сделано. Понимаю, что заливать горе спиртным неправильно. Этим я ничего не решаю.

— Я не могу смотреть, как ты убиваешься, — Альфия берет меня за руку.

Смотрю на нее с удивлением. Как я оказался в ее доме? Ах да. Пришлось подвести ее, подобрал соседку на обочине, на подъезде к особняку.

Сейчас могу думать лишь о том, что больше всего на свете хочется попасть домой, увидеть глаза Софьи после нашей с ней близости. С той ночи прошла неделя. Мне пришлось срочно сорваться на объект, все как назло. И теперь меня отвлекает сердобольная Альфия, только мне не нужны ее советы или сочувствие.

— Может быть, вам развестись? — осторожно предлагает Альфия. — Выпей. Ты плохо выглядишь.

— Оставь свои совета при себе. Все нормально, я просто чертовски устал. Не спал двое суток.

— Ты выглядишь несчастным.

— Это не имеет к тебе никакого отношения.

— Конечно, это имеет отношение к твоей жене. Выпей, дорогой, — щебечет Альфия. — Я разогрею мясо. Папа приготовил волшебный плов. Он вот-вот подъедет. Очень хотел поговорить с тобой. Нужен совет. Прошу, не отказывайся.

Я на самом деле голоден и чертовски устал. Подтягиваю к себе бокал виски.

— Тогда хватит с меня разговоров.

— Больше ни словечка, честное слово! Прости, ты прав. Я не должна вмешиваться.

Софья

После нашей близости я так надеялась, что всё наладится! Увы, Карим улетел по работе. Снова чувство потери, опустошения затопило меня. Мы общались по телефону, но в основном это были разговоры ни о чем. Карим расспрашивал меня, как прошел день, как я себя чувствую. Говорил, что очень сожалеет, что пришлось вот так уехать.

Я тосковала по нему. Не могла найти себе места.

* * *

Выбираюсь на прогулку, потому что понимаю — в четырех стенах просто сойду с ума. Когда уже возвращаюсь к дому, устав от долгой ходьбы, наталкиваюсь на Айгуль. Вот только ее мне не хватало. Девчонку уволили, но она оказалась непотопляемой. Диляра взяла ее к себе в дом горничной.

— Какая неприятная встреча, — кривится. — Думала, что больше меня не увидишь?

— Я о тебе не думала.

Хочу пройти мимо, но служанка преграждает дорогу.

— Знаешь, в доме Шакировых мне нравится даже больше!

— Рада за тебя.

— А уж я как счастлива! Такое совпадение, — хищно усмехается. — Твой муж сейчас у нас в гостях. Ха, все, как я говорила. Такая, как ты, не способна его удержать! Никогда бы не смогла. И ребенка не можешь выносить! Жалкая!

— За что ты так меня ненавидишь? — спрашиваю сдавленно. Волна такой ярости ошеломляет меня. Что я сделала этой девчонке? Или она решила, что увольнение — моя вина?

Следовало ожидать.

— Потому что ты выскочка! — выпаливает со злостью. — Невесть откуда взялась! Альфия любила Карима с детства. Они должны были пожениться. И поженятся. Потому что сейчас он с ней. Твой муж спит в ее постели. Там ему лучше, поняла?

— Отойди в сторону! — кричу, руки дрожат. Не могу выносить все это.

— Не веришь мне? Я покажу! Но ты, пожалуй, слишком труслива, чтобы увидеть правду!

В каком-то трансе иду за Айгуль. Меня трясет. Кажется, что еще шаг — и рухну на землю. Это ложь. Она заманивает меня в ловушку. Ее слова, как каленое железо, прожигают мозг. Хочется наброситься на эту дрянь, надавать пощечин. Но я просто иду за ней следом.

Вот и дом Шакировых. Дверь, лестница, коридор.

Мой муж в постели другой женщины. Они сплетены объятиями.

Когда я потеряла ребенка, думала, больнее быть просто не может. Наверное, это так и есть. Тогда разрывалось сердце. Сейчас боль другая. Опоясывающая. Пульсирующая в голове, вызывающая тошноту.

Я пытаюсь закричать, но Айгуль зажимает мне рот, вытаскивает из комнаты.

— С ума сошла? Они меня убьют!

Отталкиваю служанку, бегу куда глаза глядят. Дом огромный, но каким-то чудом сразу нахожу выход. Все плывет перед глазами. В груди адски болит.

— Ну что, убедилась? — Айгуль выскакивает следом за мной на улицу. — Им так

хорошо без тебя!

— Альфия попросила тебя устроить этот спектакль?

— Нет, конечно. Я сама захотела поделиться. Карим часто тут бывает. Решила открыть тебе глаза.

— Спасибо, — кривлю губы. — Ты такая самоотверженная.

— Что будешь делать?

— Притворяться. Я же лицемерка.

— Дура! Он тебя скоро бросит! Будешь ждать, пока пинка даст под зад?

Ничего не отвечаю. Бегу вниз по дороге.

Мне кажется, я бы просто упала в какой-то момент и осталась лежать на обочине. Столько жутких мыслей в голове. Как со всем покончить? Как справиться с этой болью? Как глядеть в глаза Карима? Ужасного предателя!

Меня спас звонок Олеси. Подруга сразу поняла, что я не в себе.

— Я сейчас приеду, Софья! Как раз хотела предложить увидеться! Я рядом с тобой, не делай глупостей.

Каких глупостей? С чего она взяла? Не соображаю. В полной прострации бреду по дороге.

* * *

— Так, вот, только погоди пока остынет, — ставит передо мной чашку ароматного чая на травах.

Мы уже в квартире Олеси. Она не напирает с вопросами. Нашла меня на дороге и истерике. Сунула в машину, привезла к себе.

— Спасибо тебе огромное, — говорю шепотом.

— Расскажешь, что случилось? Ты меня так напугала! Что случилось?

Я даже про выкидыш Олесе не говорила. Отключила телефон, ни с кем не хотела общаться. Стала затворницей. Но сейчас слова буквально рвутся наружу.

— Мне нужно уехать. Но я не знаю... Не понимаю, как и что делать. Я не могу тут больше оставаться.

Слова выливаются бурным потоком. Рассказываю подруге все, с самого начала. С проблем Артёма и жуткого контракта.

Олеся не перебивает, слушает внимательно.

— Так, надо написать сообщение.

— Кому?

— Твоему козлу! Иначе будет тебя с полицией разыскивать.

— Что написать? Что? — всхлипываю.

— Давай телефон. Если, конечно, доверяешь. Напиши сама. Если не сможешь...

— Сделаешь это за меня?

— Уж я бы ему написала.

— Тогда держи. Мне все равно. Напиши, что я умерла.

— Вот только этого не надо, милая. Все будет хорошо, слышишь?

Олеся набирает быстро текст. Показывает мне. Я киваю.

Мне нужно побыть без тебя, Карим.

Все слишком сложно.

Я не могу больше жить с тобой. Хочу развода.

Прощай.

— На самом деле я бы ему целую простыню оскорблений накатала, но время тратить не хочется! Как же я зла! Откуда только берутся такие кобели?

— Хватит, Олесь. Умоляю тебя. Как же я хочу исчезнуть...

— О, это мы легко организуем! — восклицает с энтузиазмом подружка. — Ты же помнишь тетю Любу?

— Конечно, — смотрю непонимающе.

Потом я засыпаю, очень надолго. Олеся поднимает меня чуть ли не силой. Пытается накормить. У меня даже слез нет. Полная апатия.

Снова в машине, Олеся везет меня куда-то. Мне совершенно все равно куда. Сажу, прикрыв глаза. От понимания, что я все дальше от родных мест, становится немного легче. Может быть, я и правда смогу выжить после предательства мужа?

Пока я не представляю, как смогу это сделать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net